

Мария Герус

Повелитель и пешка

никея Fantasy

Никея-фэнтези

Мария Герус

Повелитель и пешка

«Никея»

2023

УДК 82-34
ББК 84

Герус М. В.

Повелитель и пешка / М. В. Герус — «Никея», 2023 — (Никея-фэнтези)

ISBN 978-5-907628-58-8

Оберон Александр Свенельд Хорт, или просто Обр, – пятнадцатилетний подросток, всем чужой, никому не друг, но для многих опасный враг. Он живет в недобром мире вечных междоусобиц, он привык защищаться и нападать, больше всего на свете ценит свободу и уверен, что никто ему не указ. Но своя ли воля движет им и окружающими? Или они только шахматные фигуры в руках таинственного Повелителя? «Повелитель и пешка» – это приключенческая притча и в то же время – история любви, история про сложный выбор и «слабость против силы». И, конечно, здесь есть место волшебству. А еще эта книга – продолжение бестселлера-фэнтези «Крылья». Кстати, здесь мы встретимся с его повзрослевшими героями.

УДК 82-34

ББК 84

ISBN 978-5-907628-58-8

© Герус М. В., 2023

© Никея, 2023

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	40
Глава 8	51
Глава 9	60
Глава 10	70
Глава 11	74
Глава 12	78
Глава 13	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мария Герус

Повелитель и пешка

Иллюстрации Софии Дзюбы

© Герус М.В., 2023

© ООО ТД «Никея», 2023

Часть 1

Пешку убирают с доски

«Пеиики – самые слабые фигуры. Во время игры для достижения победы ими можно пожертвовать».

Шахматы для начинающих

Глава 1

Древнее, отполированное сотнями прикосновений дерево рукоятки нежно ласкало ладонь. Обтянутая истертым бархатом лопаточка скользила по гладкой доске, почти не встречая сопротивления. Повелитель никогда не касался фигур руками. Только лопаточкой, мягкой чуть выцветшей от времени тканью. И никогда не делал резких движений. Медленно передвигал фигуры в надлежащее место или осторожно сталкивал их с доски, если того требовала игра. Вот они. Слон, башня, десятка три пешек. Когда-то они были необходимы, чтобы поддерживать равновесие сил в этой части доски, ценные участники большой Игры. Но теперь Игра требовала убрать их. К несчастью, это не так просто. Много лет назад им было позволено выстроить сильную защиту. Повелитель склонился над доской, бездумно поглаживая рукоятку, а потом решительно двинул вперед коней и слонов.

* * *

Ключья облаков летели над морем легко и свободно, и Обр летел вместе с ними. Выше чаек, выше шумящих сосен, выше прибрежных скал. Старая сосна нависала над самым обрывом. Ветер дул упругими толчками, раскачивая колючую ветку. Ветка пружинила, подбрасывала Обра, так что сердце замирало, но ствол за спиной, весь в шуршащих чешуйках отслоившейся коры, был шершавый, толстый, надежный.

Раньше, когда Обр был совсем мелким, ему нравилось забираться сюда. Зажмуривался и представлял, будто мать качает его на руках. Дремучая дурь, конечно. Матери своей он вовсе не знал, а отец его на руках сроду не носил. Обр был седьмым сыном, не считая тех, кто помер в младенчестве, и до вчерашнего дня думал, что отец вообще не помнит о его существовании. Так, бегает по двору что-то, не стоящее внимания. Урвет кусок-другой на поварне и снова исчезает с глаз долой.

Оказалось, помнит. Так что на любимую сосну нынче пришлось лезть не для того, чтоб полюбоваться восходом луны над заливом. Впрочем, и луну, и Усольскую бухту Обр видел уже тысячу раз и мог бы описать их с закрытыми глазами. Слева от выхода в море – мыс Рогатый Камень, седые скалы. На скалах – огонь маяка. Зажгли уже, хотя еще не совсем стемнело. Чуть ближе – черные треугольнички крыш, десятки труб и шпилей с флюгерами, высокие кресты трех храмов – город Большие Соли. Еще ближе бледные полосы прибрежных дюн, прорезанные сизыми языками сосняков. Над сосновыми лесами – одинокие скалы, торчащие посреди каменистой пустоши. А как раз напротив Больших Солей, на другом берегу почти круглой бухты – Соли Малые.

Тут уж крест всего один, и шпилей никаких не видать. Деревня деревней. На главной улице коз пасут, а туда же: город считается, как при Деде. И судья, и городской старшина, и даже городская стража имеются. Даром что вместо каменной стены загородь из жердей, да и то больше для того, чтоб козы не разбежались. Дед никогда такого не допустил бы. Давным-давно, еще когда Дед был молод, вся эта земля, все, что видно глазом, принадлежало Хортам. Охотничьи угодья, скудные, засоренные камнями поля, дюны и пустоши, рыбные ловли, города и деревни. Но этого Обр уже не застал. Все было отнято еще до его рождения. Жестокого

захватчика, князя Доната, проклинали в Усолье уже лет двадцать. Теперь только и осталось, что Укрывище. Но ничего. С этой ночи все переменится. Войска князя будут изгнаны, Усолье вздохнет свободно, и Хорты вернут свое.

В лесу резко захохотал филин. Обр вздрогнул, хотя ждал этого уже больше часа. Умеет братец Герман нагонять жути. Уж лучше бы волком был, как все люди.

Обр нехотя отлепился от надежного ствола и, легко качнувшись вперед, распростерся вдоль толстой ветки, отдался на милость ветра. Пахучие острые иглы кололи правую щеку, лезли в глаза. Руки тут же стали липкими от смолы, штанам и рубахе тоже досталось. Впрочем, всерьез повредить этим штанам ничто уже не могло. Получил последыш Хортов сей нужный предмет, как всегда, от Конрада. А до этого их носил, кажется, дядька Сигурд. Так что два-три лишних пятна их только украсили.

Текли минуты. Ветер выл, ветка раскачивалась, Обр ждал. Сосна нависала прямо над дорогой, которая в этом месте как раз круто поворачивала на юг. Дороги он не видел, мешали нижние ветки, да и ночь уже почти наступила. Но тем, кто умеет слушать, видеть не обязательно. Гулкий быстрый топот. Три всадника пронеслись галопом. Разведчики. Проверяют дорогу. Нуну. Тяжкий мерный грохот множества конских копыт. Большой отряд, всадников тридцать, не меньше. Основная охрана. Обр ждал, пропуская их под собой, терпеливый и собранный, как змея в засаде.

Минутная тишина. Наконец, снова топот, шелест упряжи, деревянный перестук колес. Обр вздохнул во второй раз и медленно стек, соскользнул с ветки, с сухим шорохом прорвался сквозь нижние сучья и мягко, на все четыре, упал на туго обтянутый грубым полотном верх повозки. Полотно спружинило и само толкнуло его вперед, туда, где над крытым верхом торчали, покачивались в такт дорожной тряске солдатская треуголка и приплюснутая посредине валяная шапка. Охранник и возница.

Охранник встревоженно повернулся, любезно подставив свой висок под коротко свистнувший кистень¹. Не мешкая, Обр спрыгнул на освободившееся место и с ходу двинул начавшего привставать возницу коленом в челюсть. Тот глухо охнул и тоже исчез из виду.

Ловко подхватив вожжи, последыш Хортов сунул короткую рукоять кистеня за пояс, уселся поплотней, покрепче уперся ногами и, выдернув из-под козел кнут, от души махнул по всей четверке.

Момент был рассчитан верно. Дорога, удаляясь от обрыва, стала шире. Охрана придержала коней, раздвинулась, чтобы продолжать движение, окружив повозку во всех сторон. Понукаемая Обром четверка лошадей, запряженных цугом², бурей ворвалась в образовавшийся проем. И тут же в тех, кто еще преграждал ей путь, сверху со склона холма, из густой сосновой поросли полетели стрелы. Сзади, от обрыва, загрохотали выстрелы. Дядька Ольгерд с сыновьями замкнул засаду, занялся той частью охраны, что ехала позади повозки. Обр повис на вожжах, на всем скаку объезжая чью-то упавшую лошадь. Повозка прогрохотала по камням и кочкам, стала валиться набок, но он каким-то чудом удержался на козлах и вернул напуганных коней на дорогу. Сзади орали и стреляли, но его это больше не тревожило. Там отец с братьями, дядька Ольгерд с сыновьями, а если кто-то и прорвется, дядька Сигурд его перехватит.

Вот, так и есть. Навстречу, обтекая повозку с двух сторон, в темноте пронесся конный отряд. Немного, человек десять. У дядьки Сигурда почему-то рождались только девки. Их сплавляли в деревню и забывали о них. Так что у Сигурда под началом не было ни одного настоящего Хорта. Только наемники, пришлый сброд, которым подавай только деньги.

На Обра даже не поглядели. Промчались мимо в тишине, точно дикая охота. Лишь последний весело выругался и, перегнувшись в седле, успел вытянуть парня плетью. Слегка,

¹ Кистень – холодное оружие, груз, соединенный цепью с рукояткой.

² Цуг – упряжка лошадей, идущих по одной или парами одна за другой.

в качестве поощрения. «Маркушка...» – Обр усмехнулся и, в свою очередь, прошелся кнутом по конским спинам. Так, чтоб не спали.

* * *

Маркушка был откуда-то издалека, с юга, аж из-за хребта. В Укрывище он считался немного тронутым.

Лет восьми не по годам шустрый Обр выучился выть волком. Да так здорово, что куры в ближней деревне падали замертво. Ясное дело, он все время испытывал свое новое умение на ком попало и однажды под вечер, заметив со стены, как возвращается домой дядька Ольгерд со своими девятью отпрысками, не удержался и завыл. Получилось здорово. Шесть из десяти всадников воробушками выпорхнули из седла. Тех же, кто все-таки усидел на лошади, взбесившиеся кони уволокли в самую чашу, в густой колючий подлесок. Может, это и сошло бы Обру с рук, но, как на грех, среди всадников оказался сам Дед. Он-то, конечно, совладал с конем, но добрее от этого не сделался.

Обр прыгал по стене, надрываясь от хохота, пока его не ухватили за ухо. Очень крепко. До сих пор, как вспомнишь, левое ухо ноет. Потом Дед собственноручно выдрал его, а уж потом поинтересовался: чей он? Из Свеновичей, сознался зареванный Обр.

Отец, получив от Деда нагоняй за Обровы прегрешения, сам последыша драть не стал. Должно быть, еще помнил, какая у Деда рука тяжелая. Вместо того он приставил к провинившемуся чаду Маркушку. Старый, битый вор вовсе не горел желанием идти в няньки. Но тогда он только появился в Укрывище, прихрамывал, часто кашлял и пуше всего боялся, как бы его не выгнали за древние, но еще надежные стены прямо в лапы княжеской стражи. Чужаков, особенно больных и каличных, Дед не жаловал. Так что пришлось Маркушке, стиснув зубы, возиться с малолеткой.

Обр тоже не особо обрадовался. До этого он жил, как хотел, спал, где придется, ел, что удавалось урвать на поварне, и сутками пропадал в лесу. Он рано понял: там лучше, чем в Укрывище. И еду добыть проще, и тычков и затрещин избежать легче. За стены Укрывища его загоняла только зима. Да и то окрепшая, самая лютая. Наставники ему не требовались. Вырвать из рук старших братьев хорошую кость с остатками мяса и спрятаться после этого, чтоб не нашли, выдоить чужих коз прямо на пастбище, ставить силки на рябчиков и руками брать дурную дикушу³, управляться с острогой⁴, добывая мелкую рыбешку в холодных ручьях, – все это младший из славного рода Хортов знал и умел прекрасно. Убегать и прятаться, доводя новоявленного наставника до безумия, – тоже. Маркушка пробовал лупить его – не помогало. Обр был увертлив, а Маркушка хром. Тогда с горя злосчастный наставник пораскинул умом и отправился на поварню.

На следующее утро, когда Обр, как обычно, пытался улизнуть из Укрывища, у любимой лазейки за кухонным водостокom его уже поджидал Маркушка. Сидел, ухмыляясь, на торчащем корне прилепившейся над обрывом сосны. На коленях – горшок просянки, в руках ложка. Вторая ложка приглашающе торчала из густой ноздреватой каши. Есть Обр хотел всегда, сколько себя помнил. А особенно зимой. Зимой только и оставалось, что поворовывать яйца в курятниках и обчищать плохо запертые подклети. Благородные Хорты не крадут. Всего лишь берут у своих холопов то, что по праву им причитается. Это Обр усвоил с младых ногтей. Но местные холопы держались иного мнения, за паршивую курицу или пару-тройку яиц могли и прибить.

³ Дикуща – редкая птица, представитель тетеревиных.

⁴ Острога – трезубец для рыбной ловли.

Между тем Маркушка уписывал кашу за обе щеки, причмокивал, облизывал ложку. В тот раз Обр все же выдержал характер, презрительно свистнул и скатился с кручи в гущу росших на дне оврага будылей и крапивы. Но на следующий день Маркушка явился на то же место с кабаньей ногой, на которой оставалось еще много истекающего соком, покрытого коричневатой корочкой мяса. Этого Обр вынести уже не смог. Он получил кабанью ногу и вгрызся в нее так, что аж в ушах запищало, а хитрый Маркушка обрел возможность приглядывать за строптивым отроком хоть пять минут в день. Чтобы, налопавшись, мелкий паршивец сбежал не сразу, старый бродяга, побряхтев, завел длинную запутанную историю. Как раз в тот день Обр впервые выслушал рассказ о побеге с каторги. Впрочем, даже тогда не поверил ни одному слову. Маркушка врал, но врал так занятно, что порой Обру хотелось, чтоб все это было правдой.

Так оно и пошло. Маркушка подкармливал последыша Свена, присматривал, чтоб тот не попадался на глаза отцу и деду и не слишком пакостил в Укryвище. Между делом учил помаленьку тому, что сам знал. А знал он много. Умел складывать склады и даже подписать свое имя. И цифирь разумел, столбцы наизусть говорил, до семью восемь пятьдесят восемь. В тюрьме выучился. До Укryвища Маркушка был карманником где-то далеко, в большом городе, но успел побывать и конокрадом, и мародером, и морским разбойником. На каторге оттрубил пять лет – и горел, и тонул, если бы не сбежал, непременно там бы и помер. В общем, знающий человек, опытный. Одно худо: не Хорт по рождению. Тогда бы ему вовсе цены не было.

С руганью и затрещинами, с кривыми ухмылочками Маркушка худо-бедно выучил Обра и грамоте, и цифири, и даже болтать по-чужеземному, чтоб не облапошили на торгу. Благородному бою научить, конечно, не мог. Но благородного боя никто из младших Хортов как следует не разумел. Хорошо владели клинком лишь отец и старшие дядья, которых обучал еще Дед, пока был в силе. Зато любая поножовщина Маркушке была нипочем. Ясное дело, каторжный.

* * *

Обр усмехнулся, потихоньку придерживая разогнавшихся лошадей. Звуки схватки давно затихли позади. Коней тоже пожалеть надо. Полоса светлого лунного неба меж черных косматых сосновых веток, качаясь над головой, то и дело гасла, пропадала за низко несущимися штормовыми тучами. Свету на лесной дороге только и было, что от этой полоски. Обр чуть не пропустил поворот. Правда, пути тут отродясь не было. Пришлось загодя прогуляться по лесу, отыскивая местечко поровней, подальше, в самой чаще, срубить несколько деревьев, убрать мешавшие валуны и проделать широкий проход в густых кустах.

Обр осторожно поворотил лошадей, свел с каменистой дороги в лесной прогал, на ощупь забросал следы колес прошлогодней хвоей, заранее припасенными сухими ветками. Хвоя пахла прохладной прелью, ветки – сухой, выжженной солнцем сосновой смолой. Он усмехнулся, вдохнул поглубже ускользающие лесные запахи, вернулся к коням, огладил коренного, потянул вперед, подальше от дороги. Повозку мотало, подкидывало, Обр недовольно прислушивался к скрипу осей, к тому, как колеса обрушиваются в ямы под корнями, скрежещут по подвернувшимся валунам.

А Семерик не соврал. Груз тяжелый. Поглядеть бы, что там. На ходу парень попробовал сунуть руку под полотно. Завязано было плотно, под пальцами двигались только какие-то доски. Что там: порох или золото? Снаружи на ощупь не разберешь: то ли бочки, то ли сундуки. Развязать бы... Обр поскреб в затылке концом кнутовища. Развязывать было некогда. Впрочем, до Укryвища оставалось всего ничего.

А Дед-то еще молодец. Точно рассчитал. Расписал как партию в кости. Теперь все по-иному пойдет. У кого порох – тот в Усолье настоящий хозяин. А хозяева здесь Хорты испокон веков. Так было и так будет.

Замечтавшись, Обр получил по лицу колючей веткой, выругался тихонько и, проведя передних лошадей сквозь густой растрепанный подлесок, выбрался, наконец, на Кузькину луговину.

Кто такой этот Кузька, никто не знал, среди Хортов таких сроду не водилось. Холопское имечко. А ведь живет, держится. Сырой ветер ходил по луговине, гнул траву, трепал темный бурьян на высоких кочках. Обр встряхнулся, влез на передок и потихоньку, огибая знакомые болотца и промоины, кое-как выехал на старую дорогу. Колеса бодро затукали по тесаному камню. Камень был подогнан ровнешенько, без щелей. Ни трава сквозь него не росла, ни водой его не размыло, хотя дорогу клали еще до Деда, да, верно, и до прадеда. Все Усолье, рассказывают, согнали. Голод даже был, потому что урожай тем летом не собрали, дорогу к Укрывищу строили. Только тогда оно не Укрывищем звалось. Твердыня Хортов, во как. Обр привычно поднял глаза. Над ним, под пестрым от туч небом с неверной ветреной луной, возвышалась громада Укрывища. Парила растрепанным черным вороном над скалами и песчаными обрывами, над гнущимися под ветром вершинами сосен и купами косматой ольхи, над двумя глубоченными провалами, дно которых тонуло в чернейшей тени.

Обр приостановился, свистнул погромче, чтоб перебить шумы и шорохи. Получить стрелу между глаз ему совсем не хотелось. Кузькин лужок простреливался весь, от обрыва до самого леса. Хромуша хвалился, что из своего гнезда над воротами с закрытыми глазами попадет в любую былинку на выбор, и Обр ему верил. Зверь ли, человек ли, появившийся на этом клочке земли без предупреждения, жил ровно столько, сколько требовалось Хромуше, чтоб наложить стрелу.

Издалека долетел по ветру слабый ответный свист. Нахмурившись, Обр вновь сполз с козел и медленно, осторожно потянул коней на мост. Кони всхрапывали недовольно, слегка упирались, но шли. Верили. Маркушка не раз говорил, что конокрад из Обра получился бы знатный.

Обр и сам терпеть не мог этот мост – почти ровесник старой дороги, шатучий, скрипучий, прохваченный ночным ветром. Пропать под ним, с корявыми соснами, лепившимися по обрывам, с сухим каменистым руслом в путанице кустов и бурьяна на самом дне, пугала. Пугала и притягивала.

Поэтому по мосту Обр ходил редко и вниз старался никогда не глядеть, хотя понимал: только эти обрывы и кручи, подступающие с двух сторон провалы оврагов, да отвесные скалы вместо третьей, южной, стены до сих пор защищают Укрывище и от стражи из Больших Солей, и от взбунтовавшегося быдла, и от войск самого князя. Подступали к нему, мечтая покончить с Хортами. Не раз подступали. Да кишка оказалась тонка. Топтаться на Кузькином лужке, изображая из себя живые мишени, никому не охота. А мост, как ни крути, всего один, и, когда вторая половина поднята, она перекрывает ворота, и попасть в крепость невозможно. Хотя Обр, конечно, попадал. Но не станут же тяжеловооруженные стражники белками сигать по верхушкам сосен и резвыми ящерами ползать на брюхе по грязным камням старого водостока. Сам Обр и то в последнее время в любимую лазейку протискивался с трудом. Что-то плечи стали застревать.

Но сейчас мост был опущен, ворота гостеприимно распахнуты. Обр довольно ухмыльнулся. Ждут его здесь. О-очень ждут. Теперь ему, последышу Свена, совсем другая цена будет. И место у очага найдется, и доля в добыче. Теперь объедков со стола старших он даже нюхать не станет, и кусков на поварне воровать уже не придется. И в город можно будет. Не на базаре у холопов кошело резать, а развлечься по-настоящему. Маркушка рассказывал. Есть там такое заведение, «Морская дева» называется...

Да, другая цена. Лишнего просить не станем, но свое... Свое когтями вырвем, зубами выгрызем.

С младенчества Обр твердо знал: люди делятся на тех, кто берет, и тех, кто всю жизнь отдает. Сумел взять побольше – ты сильнее. Пришлось отдать все – ты труп, волчий корм. Стало быть, те, кто вынужден отдавать, – быдло, грязь, неудачники, которых облапошили еще в колыбели. Обр грязью не был. И неудачником, по всему виду, тоже. Он был Хорт по рождению, из тех Хортов, которые нынче поднимаются снова.

Твердой рукой он провел коней в темные ворота. Повозку качнуло, колесо едва не попало в одну из многочисленных выбоин в плитах, уложенных добрую сотню лет назад, но он вовремя спас положение. Входить следовало достойно. Посреди двора его поджидал сам Дед. Седая грива тяжело спадала на плечи, укрытые овчинным полушубком. Под полушубком дорогая кольчуга, оттого и плечи, обычно прямые, горбятся как от тяжелого груза. Все-таки старость не радость. Теплая не по сезону, поярковая⁵ шапка надвинута на глаза, могучие руки сложены на посохе. С посохом Дед стал ходить не так давно. Не то чтоб он сильно сдал, но все же был уже не тот, что раньше. Впрочем, посох этот не только для подпоры. Так что приближаться Обр на всякий случай не стал. Почтительно остановился в некотором отдалении.

– Погоня? – отрывисто спросил Дед.

Обр покачал головой. Слов он тратить не любил, а уж в разговоре с Дедом вообще лучше помалкивать.

Дед прислушался, кивнул, не спеша двинулся к повозке. Острый наконечник посоха скрежетал по разбитой брусчатке.

– Из каких ты?

Всех законных и незаконных отпрысков своих восьми сыновей Дед не запоминал.

– Седьмой сын Свена, – почтительно доложил Обр.

Дед снова кивнул.

– Последыш, стало быть.

* * *

Высокорожденный Сигурд Оберон Свенельд Хорт стиснул зубы. Вот ты, последний Хорт. Босой, без плаща, в драной рыбацкой куртке на голое тело. Нечесанные лохмы треплются по ветру.

Но в род удался. Этого не отнимешь. Косые скулы, рысий прищур, хищный рот. И росту хорошего. Только худой, как хлыст. Не кормят они его, что ли?

Старый Сигурд вздернул подбородок, вспоминая. Вот он сам вводит во двор коня. Настоящего, а не эту деревенскую худобу. Темные волосы красиво струятся из-под собольей шапки. На плечах дорогой бархатный камзол с тончайшими прошивками серебряной нитью. Длинный плащ спадает с плеч, блестит драгоценный мех, белоснежный, как кудри всадницы, нареченной невесты, прекрасной Эммарики. Давно это было. Очень давно.

Станет ли этот настоящим Хортом, даже если отскрести с него многолетнюю грязь да одеть как должно? Навряд ли. Дикарь, как все младшие. Волчонок, лесная тварь. Может, права ты была, госпожа Исонда? Да только что твоя правда против моей силы? Не послушали тебя. Вырастили зверей на свою голову.

Младшего поколения в глубине души старый Хорт побаивался. Держать их в руках становилось все труднее. Конченые люди. Может, только этого еще удастся спасти. Теперь, когда стерва-удача, наконец, улыбнулась.

– Хорошо управился, – обронил он.

⁵ Поярок – шерсть от первой стрижки овцы в возрасте семи месяцев. Поярковая шапка – однослойная или многослойная шапка полуовальной формы, сделанная из поярка.

* * *

Обр возрадовался, но тихо-тихо, про себя, старательно сохраняя каменную неподвижность физиономии. Истинный Хорт должен быть сдержан. Слова Деда значили очень многое: место у очага, долю в добыче, свободу, которую дает положение старшего.

Совсем стемнело. Ветер трепал, старался выдрать с корнем кустики козьей ивы, привольно разросшиеся в бойницах угловой башни. Скрипела и грохотала какая-то невидимая доска, которая уже давно собиралась рухнуть, да все не было удобного случая. Дед доковылял до повозки, ласково провел сухой ладонью по полотняному боку, исподлобья оглянулся на Обра.

– Порох или золото?

Обр молча повел плечом. Любопытство в Укрывище тоже не поощрялось.

– Бочки... Порох... Не обманул Семерик.

Дедова лица Обр не видел, но точно знал: жесткий рот разъят в той же кривой ухмылке, с которой глава рода Хортов еще пару лет назад, пока был в силе, выигрывал поединки. Руки в набухших старческих жилах жадно впились в веревки, которыми полотно крепилось к повозке. Порох! Ключ от всех дверей, ключ к свободе и власти. Изгнанные захватчики, освобожденное Усолье. Рыбные промыслы и пашни, рудники и деревни, Соли Большие и Соли Малые. Величие рода Хортов во всем его блеске.

Веревки не поддавались. Дед, крихтя, согнулся, вытянул из-за голенища нож. Просмотренное полотно затрещало, лопнуло сразу в нескольких местах. В разрывы ринулись сверкающие клинки палашей, ярко-алые даже в темноте камзолы, белые от пудры парики с косицами, начищенные ботфорты.

Деда смяли в один миг, он исчез за солдатскими спинами без крика, сгинул, как и не было. Лишь посох отлетел в сторону, скользнул по сырым камням под ноги Обру. Обр рухнул на землю, уворачиваясь от занесенного над ним палаша⁶, перекатом добрался до посоха, схватил обеими руками еще теплую рукоять и снизу вверх всадил заостренный окованный медью наконечник в живот нападавшего. Тот захрипел, стал валиться навзничь, а Обр, выдернув свое оружие, развернулся, привстав на одно колено, и съездил по ногам княжеского солдата, набегавшего сзади. Точнехонько туда, где кончались ботфорты, как раз под коленки. Тот взвыл и тоже повалился. Обр снова перекатился, чудом избежав летящего сверху лезвия, вскочил на ноги, перехватил посох поудобней. Думать он при этом ни о чем не думал. «Меньше думаешь, дольше протянешь», – твердил, бывало, Маркушка, лупя Обра по ногам концом толстого ивового прута и заставляя до одури повторять одни и те же движения.

Дедов посох, приятно тяжелый, вертелся в руках, со свистом рассекал воздух, принимая на себя удары или с маху врезаясь в мягкое. Очередной нападавший, справиться с которым Обр наверняка не успевал, внезапно упал лицом вниз. Из обтянутой красным мундиром спины торчала стрела. Во Хромуша дает. Никогда не мажет.

Однако, что же это выходит? В замке-то, кроме него и Хромуши безногого на воротах, больше никого. Есть пара старух на поварне, да они не в счет. В слегка кружившейся голове Обра, у которого начало сбиваться дыхание, медленно зрела первая законченная мысль. Надо бежать. Куда? Да все туда же, куда он убегал от гнева отца и братьев. Скользкая дыра разрушенного водостока сразу за поварней, верхушка кривой сосны, густой ольшаник, вечно влажное дно оврага. Обр покосился в сторону поварни, и тут слабый свет лунного неба померк, стало темно и больно, посох выпал из ослабевшей руки и брусчатка двора с маху ударила по коленям.

⁶ Палаш – клинок.

Глава 2

На грудь навалилась такая тяжесть, что остатки воздуха сами собой вырвались из легких. Обр застонал и даже удивился, до чего жалобно вышло. Сверху по-прежнему давило что-то тяжелое. Попробовал освободиться. Для этого требовались руки. Но рук не было. Во всяком случае, он их не чувствовал. Зато голову чувствовал. Еще как. Похоже, Ольгердов Август снова смазал его по башке кистенем. Ну и шуточки у этих Ольгердовичей. Все как один такие же тупые, как их папаша. Наученный горьким опытом, Обр знал, что головой двигать нельзя, будет только хуже. Глаза открывать тоже не стоит. Однако почему так трясет и мотает? И что же все-таки давит на грудь? Вопль «Тпру, стой!» ввинтился в уши, как бурав в сырое дерево. Тряхнуло сильнее. Обр треснулся скулой о твердое, снова застонал и все-таки открыл глаза. Над головой качались косматые сосновые ветви, сверху черные, снизу подсвеченные неверным оранжевым огнем.

– Пшел! – рявкнули в самое ухо.

Идти Обр никак не мог. Сил хватило лишь на то, чтобы слегка приподнять голову. В глаза сразу полезли чужие жесткие волосы. Из-под волос сверкнул золотой ободок. Серьга. С серьгой в ухе ходил старший из Свеновичей – Герман. Обр всегда хотел себе такую же. Верно, Герман. Кожаная кольчуга с бляхами, которые сейчас больно впивались Обру в живот. Здоров старший брат, ни одна солдатская кираса на нем не сходится.

Герман, каменно тяжелый, навалился на Обра, почти не давая дышать. Сознание медленно прояснялось. Подробностей Обр так и не вспомнил. Понял только –стряслась большая беда. Попробовал еще немного приподняться. Впереди маячила обтянутая алым камзолом спина возницы. Осторожно скосил глаза. Над высоким бортом повозки навис конский бок и стремя с вдетым в него солдатским сапогом. Красномундирник держал вонючий смоляной факел.

Лежать было тесно. В правое ухо хрипло, болезненно дышал еще кто-то. В повозку их явно побросали как попало, особо не разбираясь, кто живой, кто мертвый, а сейчас, похоже, пытались впихнуть сюда еще одного. Этот был наверняка жив. Под громкие крики и понукания, больно отдававшиеся в Обровой голове, он сам перевалился через дощатый борт, двигаясь неловко оттого, что мешали скрученные за спиной руки, скорчился, сторонясь окровавленных неподвижных тел, забился в угол у передка. Хрипло рявкнул возница, повозку качнуло, и снова началась выматывающая душу тряска. Всадники с факелами тоже двинулись вперед.

Обра замутило от вида шатающихся на фоне неба вершин, он хотел закрыть глаза, но тут новый пленник поднял лицо, красное не то от крови, не то от света факелов, и, поймав взгляд Обра, криво усмехнулся разбитым ртом. Маркушка! Неужто их взяли всех? Нет, наверняка многим удалось уйти... Не может быть, чтобы всех...

– Маркушка, – шепнул Обр.

Маркушка в ответ странно дернул головой, пытаясь избавиться от прилипших к окровавленному лбу седых прядей, а потом вдруг закатил глаза, будто указывал на что-то наверху, и скорчил дурацкую рожу, сложив губы трубочкой. Озадаченный Обр тоже завел глаза, посмотрел наверх. Впереди, над головой возницы вставал облитый лунным светом обрыв, над которым боролась с ветром одинокая сосна. Эту сосну Обр узнал бы из тысячи. Сейчас будет поворот на Большие Соли – место злосчастной засады. Выходит, проклятый Семерик продал их с потрохами. Между тем Маркушка, раздраженный непонятливостью Обра, пробормотал что-то, наверняка ругательство, и снова скорчил страшную рожу. Точь-в-точь пес, воющий на луну.

И тут Обра осенило. Борясь с болью и головокружением, он, сколько мог, приподнялся на связанных за спиной руках, попытался вылезти из-под неподвижного тела Германа, набрал в грудь побольше воздуха и завыл.

Это был настоящий волчий вой, глухой, утробный, пробирающий до мозга костей. Зимний вой голодного вожака стаи, от которого становится не по себе даже матерым охотникам, а деревенские собаки, скуля, забиваются под крыльцо.

Лошади, впряженные в повозку, тоже были простые, деревенские, взятые в Малых Солях. Они точно знали, что предвещает такой вой. Возница заорал «Стой!», повис на вожжах, но это не помогло. В следующий миг переднее колесо угодило на корень, разогнавшуюся повозку мотнуло особенно сильно, и красномундирная спина исчезла из виду. Обр еще наддал, добавил взрывающих глухих тонов и голодной тоски. Кони охранников завертелись, вскинулись на дыбы, в слепом ужасе борясь с седоками. Повозка стремительно летела вперед, к повороту над обрывом.

– Вожжи! Вожжи подбери! – прохрипел кто-то прямо в ухо Обру. Маркушка, руки которого почему-то оказались свободны, метнулся на передок.

«Уйдем!» – успел подумать Обр, прежде чем его швырнуло на доски борта. Борт затрепал, и тошное чувство падения накрыло его ледяной волной. Он падал, обреченно зажмурившись, не имея возможности прикрыться руками. Острые иглы хлестали по лицу, сучья срывали одежду вместе с кожей, все вокруг трещало и ломалось, где-то кричала обезумевшая лошадь. Он падал и падал, пока всем телом не ударился о тугой песок. Песок просел, поддался и потек, все быстрее и быстрее, унося Обра вниз по крутому склону.

* * *

Все было забито песком. Глаза, волосы, ноздри, разинутый в крике рот. Надо было дышать, но не получалось. Извиваясь, как раздавленный червяк, Обр перекатился на живот, подтянул под себя колени, свернулся крючком, выплевывая, выталкивая песок из глотки. Лошадь все еще кричала где-то наверху. Хрипло, пронзительно.

Очень осторожно он разогнулся, приподнял гудящую голову, внутри которой тяжело пересыпались сухие горячие песчинки; болезненно щурясь, посмотрел наверх. Наверху, над кручей с темными косматыми пятнами сосен и смутно белевшими языками осыпей, тянулась редкая цепочка огней. Факелы стражи. Песок в голове клонил ее книзу, жег глаза изнутри. Хотелось упасть лицом вперед – и будь что будет.

А что будет-то? Найдут, подберут, снова бросят в телегу. Свезут куда-нибудь. Скорее всего, в Большие Соли, в княжескую тюрьму. И тут Обр, наконец, испугался. Это был отчаянный звериный страх, ужас лесного жителя перед западней, капканом, ловушкой. Поймают – запрут. Мысль о том, что дело, скорее всего, кончится не тюрьмой, а полем виселиц, в голову ему не пришла. В свою смерть Обр не верил. Зато жизни в каменном мешке боялся смертельно.

Огни зашевелились, медленно двинулись вниз по склону. Обр застонал, разогнулся, выпрямился. Вокруг все закачалось, как на море в бурную погоду. Море... Море шумело справа, в двух шагах, за грядой дюн. Шумело мерно, настойчиво, неторопливо. Или это в ушах шумит? Дюны... Укрытие!

Может, найдут не сразу. Или вообще не найдут. С третьей попытки Обр встал на ноги и потащил побитое, вопящее о пощаде тело по песку в просвет между дюнами к взбаламученному ночным ветром морю. Лучше бы ползти. Тогда дело пошло бы быстрее. На своих двоих он чувствовал себя очень неуверенно. Но жгучий страх гнал вперед, помогал подниматься каждый раз, когда он спотыкался и падал. Наконец он скрылся за дюнами, в очередной раз свалился, мягко съехал с песчаной горки прямо к кромке прибоя и оказался во власти ветра. Разбитое лицо сразу заломило. Набежавшая волна лизнула щеку ледяным языком, следующая окатила с головой. Резкой болью отозвались порезы и раны. Больно было так, будто всю кожу содрали. Обр жадно слизнул холодные капли, но они были соленые. «Воды бы, хоть глоточек...» – подумал он и захлебнулся в темном горячем песке.

Повелитель скрупулезно проверил, все ли фигуры стоят на местах. Позиция была верной. Осторожно примерившись, он повел деревянной лопаточкой и одним мягким движением смел с доски кучку загнанных в угол пешек.

Глава 3

Чистая струя, дрожа, играя солнечными искрами, лилась из тонкой, просвечивающей насквозь розовой раковины. Обр жадно потянулся к ней. Плавающий вокруг золотистый туман порвался, рассеялся, и стало видно, как чьи-то пальцы сжимают узкое горло кувшина. Застонав, он рванулся к воде, но струйка исчезла. Зато губы поймали мокрый шершавый край деревянной доски. Он принялся жадно пить, уверенный, что никогда не напьется, но после нескольких глотков его замутило. Он откинулся назад, чувствуя, как все тело сотрясает противная мелкая дрожь.

Затылок погрузился во что-то мягкое, шуршащее, остро пахнущее. Лба коснулась влажная прохлада. Тоненькие ручейки потекли по вискам, утишая жестокую головную боль.

«Все пройдет, – прошелестело над ухом, – все пройдет. У кошки боли, у собаки боли, у нашего мальчика не боли».

Туман всколыхнулся, исчез окончательно. Оказалось, что над Обром склоняется нечто жуткое. Зверь не зверь, человек не человек. Зеленая шерсть торчала в разные стороны из круглой кудлатой головы. Из-под шерсти внимательно смотрели светлые, вполне человеческие глаза. Влажная тряпица в последний раз коснулась лба, осторожно прошлась по щекам, точно стирая слезы, и зеленое чудище исчезло из виду.

Обр легонько покосился направо. Увидел белый бок печки, на котором лежало размытое пятно света, линияющую занавеску над полатями, плетенную из пестрых лоскутов дорожку перед печкой на полу. Сбоку к печке была приткнута короткая лавка. У лавки, склонившись над лоханью, возилась старуха в зеленом мохростом платке, завязанном крест-накрест через грудь поверх необъятной коричневой кофты. Платок, видать, сделали из старого одеяла. Длинные концы с торчащими нитками болтались сзади, цеплялись за складки бесформенной юбки.

Тетка была приземистая и в этих тряпках больше всего походила на пыльный клубок шерсти. По правде говоря, одежда деревенских баб всегда нагоняла на Обра тоску. Заматаются в платок, один только кончик носа и торчит наружу. Юбка по земле тянется, сверху еще передник какой-нибудь напялят пострашнее и ходят, переваливаются. Да уж, на городских глядеть куда интереснее. Во, и на этой тоже. Не один платок, а целых два, и оба рваные. Ну, этой-то, небось, все равно.

– Нюска! Нюска!

Обр вздрогнул. Вопль впился в голову, прошел ее насквозь каленой стрелой. Казалось, орут прямо в левое ухо. Морщась, он осторожно покосился налево. Слева оказалась стенка, сложенная из шершавого, насквозь просоленного плавника⁷. Прямо над прикрытой тонким лоскутным одеялом грудью тускло светился квадрат окошка, затянутого желтоватым рыбьим пузырем.

– Нюска! – продолжало надрываться за стенкой невидимое дитя.

– Чтоб ты сдох! – с чувством прошептал Обр. Встать бы, надрать уши гаденышу, чтоб знал, как разоряться.

Бабка вскинулась, вытерла руки о передник, покатилась к выходу, перевалилась через порог, но дверь за собой прикрыла плотно.

– Нюска! – завопил неумный щенок. – Мамка зовет за Кланькой глядеть. Нам в город надо!

Та прошелестела что-то в ответ. К счастью, после этого голосистый ребенок заткнулся и сгинул. Бабка же вернулась, подкатилась к Обру, поставила в головах табуретку, на нее плоскую с водой, прошептала едва слышно: «Поспи, я скоро», влезла у порога в громадные разбитые

⁷ Плавник – гладкие деревянные, выловленные из моря и обработанные волнами.

мужские башмаки и ушла. Не стукнула, дверью не хлопнула, за что Обр был ей благодарен. Больше никакой шум его не тревожил. Можно было без помех следить за светлым пятном, медленно переползавшим с печки в дальний, темный угол. Что-то мерно шуршало, гудело в отдалении. Снова море. Куда ж от него в Усолье денешься. Дом-то рыбацкий. Строен из плавника, у двери сеть на крюках развешана, и воняет рыбой. Не, не рыбой. Солью, что ли. В подушке, придавленной тяжелой головой Обра, под застиранной наволочкой шуршала пахучая морская трава. Ага. Море, рыбацкая хижина, рыбацкая деревня. Какие-нибудь Белые Камни или Устье. Осталось вспомнить, как его сюда занесло. Ничего не вспоминалось.

Обр ослабел, забылся, а когда очнулся, уже стемнело. Бабка была дома, разжигала фителек в плошке с ворванью. Заметив, что Обр открыл глаза, засуетилась, притащила котелок, принялась поить его с ложечки жидкой юшкой.

– Где я? – спросил Обр, после третьего глотка отвернувшись от ложки, потому что мутило страшно.

– У меня, – прошелестело из-под платка.

– А ты кто?

– Анна.

– Это хорошо, – сказал Обр. Все-таки эти простолюдины страшно тупые. Тут нужно терпеливо, снисходительно.

– Как я сюда попал?

– На лодке.

– На какой лодке?

– На моей.

– Дура! – рявкнул Обр, терпение которого было очень коротко. По-настоящему рявкнуть не получилось, вышло какое-то жалкое шипение, да еще сильнее заболела голова. Но бабку в разум привести удалось.

– Я перемет проверяла, – сообщила она, – мы всегда у Сосницкой косы переметы ставим. До света вернуться не успела. Ветер поднялся, я не справилась. Отнесло к самым Откосам. Гляжу, на берегу чернеется что-то. Думала, морем выбросило. Решила проверить, вдруг что-нибудь нужное. А это ты оказался.

– А, – сказал Обр. Что он забыл у Откосов, помнилось слабо. Вроде драка какая-то была, с дерева прыгать пришлось. Наверное, головой треснулся. И вообще все болит.

– Вот я тебя в лодку и забрала. А потом мы с тобой шли. Еле-еле дошли, – закончила бабка.

– Куда шли?

– Домой.

– Точно дура! – снова не удержался Обр. – Да дом-то твой где?

– Вон там, – бабка махнула куда-то в темный угол, за печку, – Соли Малые, а мой дом тута, с краешку, на рыбацком конце.

Соли Малые. Обру это не понравилось. Все же город, не деревня. Народу много. Ходить начнут, вынюхивать. Дознаются – донесут. Бабка, видно, малоумная. Ей и невдомек, кто он, а то сама бы давно донесла. За Хортов хорошую награду дают. Всю ее хижину купить можно и лодку в придачу.

Но никто к бабке не ходил. Кричали-стучались под окном, звали на работу. Бабка нанималась поденно чистить-потрошить свежий улов, чинить сети, стирать белье или глядеть за детьми. Домой возвращалась поздно, уже в сумерках, кормила Обра тем, чем наградили за труды. Расплачивались с ней все больше рыбой. Хорт изо дня в день ел уху или жидкую кашу, заедал хлебом-серячком, но не спорил. В еде он был непривередлив. Покормивши раненого и повозившись с посудой, бабка забиралась на полати, копошилась за занавеской, устраивалась на ночь. Небось, платок свой безразмерный разматывала. А уходила часто засветло, ухитрив-

шись не разбудить Обра. Говорить она с ним почти не говорила. Только и слов что «поешь», да «дайка я тебя умою», да «пойдем, до ветру сведу». Заботилась, в общем. Лекарств у нее никаких не было. Все раны, ушибы и шишки бабка лечила холодной водой. Но Хорта это не тревожило. На нем все заживало как на собаке. А от головной боли холодные примочки, сделанные сморщенными руками, хорошо помогали.

Почему женщина заботится о нем, Обр особо не задумывался. На то и смерды, чтоб служить благородным Хортам. А эта, небось, родилась еще при прадеде. Помнит, наверное, как все тогда было. Стариков Обр не любил. Они вызывали у него брезгливую жалость и чуть-чуть пугали. Жить до тех пор, когда все зубы выпадут, спина согнется и ноги держать перестанут, он не собирался. Из Хортов мало кто доживал до старости. Все гибли в бою, как и надлежит.

Однако эта Анна была еще бодрой. По дому каталась шустрым шариком. Когда работы не было, она только и делала, что скребла чистым песком то пол, то посуду, лавки, вытряхивала лоскутные половички, стирала какие-то тряпки, и все это тишком-молчком, чтоб не тревожить валявшегося на лавке Обра. Частенько она уставала, усаживалась отдыхать прямо на полу, растирая натруженную спину. Хорт сроду не жил в такой чистоте. Иногда ему казалось, что здесь все такое ветхое, вытертое и линялое от бесконечной стирки-уборки.

Прибравшись, бабка не унималась. Садилась чинить чьи-то чужие сетки, вязать крючки на переметы. Когда забывалась, начинала тонким девчачьим голосом петь протяжные песни про бурь-погодушку и распроклятое злое море. Но стоило кашлянуть или пошевелиться – тут же замолкала. Он часами ничего не видел, кроме сгорбленной над работой спины, мохнатого платка и оттопыренных локтей, таких острых, что оставалось только диву даваться, как они до сих пор не проткнули бабкину кофту.

Но чаще Обр оставался один. Сначала лежал, привычно следя взглядом за медленно ползущим по стенам световым пятном, слушая шум моря, которое то шуршало почти неслышно, то ревело и грохотало. Потом понемногу начал подниматься, путешествовать от лавки до печки. От скуки исследовал избу. В углу за печкой оказалась полка, украшенная бумажными кружевцами. На полке три плоски, три стертых по краям ложки и невесть откуда взявшаяся неопиcуемой красоты фаянсовая кружка, разрисованная яркими павлиньими хвостами. Из кружки сиротливо торчала жалкая розочка из красного шелка. Другие кружки, простые, оловянные, скромно висели на гвоздиках.

В противоположном углу оказалась божница. Икона была одна, такая тусклая, что, гляди не гляди, не разберешь, что ж на ней такое изображено, но зато в веночке из тряпичных розочек, в тех же жалких бумажных кружевцах. Рядом висел неумело сделанный деревянный кораблик. Обр качнул кораблик пальцем, тяжело вздохнул. Моление о тех, кто в море. Такими корабликами были увешаны все усольские церкви. Под иконой к стене приткнулись высокие пядьцы на подставке. На пядьцах – пыльное вышивание, к которому давным-давно никто не притрагивался. Поверх вышивания сидела тряпичная кукла в лоскутном платье с удивленным, слегка полинявшим лицом. Обр хмыкнул. Деревенские у кукол лиц не рисовали. Считалось – дурная примета. И вышивка сделана по-городскому. Не крестом и красной шерстью, а разными цветами, красивая, как картина. Девичья работа. Бабке – не по глазам.

Поразмыслив, Хорт решил, что раньше здесь, кроме бабки, жили еще двое. Девка, которой принадлежали кукла и рукоделье, и мужчина, рыбак, чьи штаны и рубаха нынче достались Обру. Ну, ясное дело, были у бабки муж и дочка. Муж, как водится, пропал в море, и никакой кораблик ему не помог. Дочка либо померла, либо замуж вышла. Вот бабка одна и мыкается. Хорту эта мысль показалась очень складной.

По привычке он пошарил за иконой. Именно там местные прятали все самое ценное. Кое-что нашлось и у бабки. Рука сразу наткнулась на мягкий сверток. В чистенькой белой тряпице оказался завернут медальончик-сердечко на тоненькой цепочке, серебряный, но из самых дешевых. Такие в городских семьях дарили дочерям к совершеннолетию. Кроме медальончика в тряпочке оказалась маленькая, с ноготок, стеклянная фигурка. Забавная кошка. Уши торчком, носик пупочкой, хвост трубой. Обр поглядел на кошку, ухмыльнулся, сложил все как было и запихнул обратно. Бабкины сокровища ему были без надобности.

Скоро избушка опостылела ему так, что, цепляясь за что попало и тихо шипя от опоясывающей боли под ребрами, два из которых как пить дать были сломаны, он выбрался на крыльцо, сполз вдоль дверного косяка, уселся на ступеньку и изо всех сил вцепился в кривую, прогнившую доску. В трех шагах от крыльца земля обрывалась, точно срезанная ножом. От этого тут же закружилась голова. Не сразу Обр сообразил, что обрыв не такой уж высокий и тропиночка с него сбегает вниз, к морю, наверное к причалу. Море подступало к обрыву со всех сторон. Бабкина избушка плыла в туманном просторе. Далеко-далеко в светящейся дымке виднелись шпили и башни Больших Солей. Домишки Малых Солей тянулись вдоль берега по правую руку. Но видеть оттуда Обра не могли. Слишком далеко. Хорошо. Просторно. И вечная головная боль унялась, чуть-чуть отступила.

Все же на крыльцо Хорт выходил нечасто. Опасался нарваться на соседей. Память вернулась к нему довольно быстро. Лучше бы не возвращалась. Проклятый Семерик. Шкура продажная. А ведь как ему верили. Почти что родней считали. Как же, папаша Германовой жены! Жена, конечно, была ненастоящая. Хорту на дочери корчмаря, пусть и богатого, жениться не пристало. Но Герман все ж возился с ней вот уже четыре года, на других девок не глядел, дочку свою признал, носил ей гостинцы, а жене подарки.

А ведь Герман наверняка убит. Кто еще убит и что случилось с остальными, Обр старался пока не думать. Ладно, Семерик, я к тебе приду погостить, племянницу проведать. Я тебе припомню и разговор, якобы тобой у пьяных офицеров подслушанный, и засаду на повороте,

и повозку с грузом пороха. Да... Повозка. О своей вине Хорт тоже старался пока не думать. Сам-то хорош. Своими руками привез красномундирников в Укрывище. Хотел ведь проверить, что там, под полотном. Хотя, если рассуждать трезво, ничего хорошего такая проверка ему не сулила. Зарубили бы, как пить дать. Или, того хуже, попытались бы заставить везти в Укрывище. Может, и заставили бы.

Но трезво Обр рассуждать не мог. Веками твердыню Хортов не могли взять, и вот нашелся лопух развесистый, Обр, седьмой сын Свена, сдал крепость без боя. Ну, положим, не совсем без боя. Одно-то точно уложил. От этого Обру становилось легче, но не намного.

Время шло. Злой северный ветер, полуночник, сменился южным, обедником, сырым и теплым. Отбушевали весенние бури. Подошло лето и, как всегда, долго медлило на пороге, прежде чем шагнуть в холодное Усолье.

Голова больше не кружилась, грудь почти не болела, синяки сошли, царапины поджили, оставив после себя длинные рваные шрамы. Но к шрамам Обру было не привыкать. Теперь его глодали голод и злость. Злость на себя, на Семерика, князя, его проклятых красномундирников и весь белый свет.

Впрочем, голод был даже сильнее злости. Обр до крошки выскребал горшок каши, заглатывал опостылевшую рыбу вместе с мелкими косточками и, кажется, год жизни отдал бы за кусок мяса. Но мяса у бабки не водилось.

Он понимал, что пора уходить, но все почему-то тянул, откладывал, благо малахольная старуха и не думала его гнать.

Однажды, когда он со скуки взялся ладить очередной перемет, под окном снова заорали.

– Нюска-подуруша, Нюска-подуруша, – выводили гнусавые голоса полувзрослых отроков. Бабка будто и не слыхала ничего. Острые локти все так же ходили под кофтой, худые пальцы мерно вязали узлы.

– Чего им надо? – угрюмо спросил Обр.

– Ничего, – прошелестела в ответ бабка, – пусть их.

– Они и раньше приходили, – сообщил Хорт, – когда я без сил валялся, встать не мог.

– Да пусть их. Они все верно говорят. Уж если кого люди подурушей зовут, значит, так оно и есть.

– Нюска-подуруша, выползи наружу!

Дальше из невинных детских уст посыпалось такое, что Обр, черных слов не любивший, хотя рядом всегда был великий ругатель Маркушка, озлился окончательно.

– Зато сейчас я могу встать, – с угрозой сказал он и поднялся, уронив с колен перемет. Накостылять поганцам так, чтоб вечно помнили, или просто надрать уши, он еще не решил, но надеялся, что, пообщавшись с ним, они долго здесь не появятся.

Он уже хотел толкнуть дверь, когда в запястье вцепилась маленькая шершавая рука.

– Не ходи.

– Это почему? – удивился Обр. – Дам им раза, чтоб долго помнили. Да не бойсь, до смерти убивать не стану.

– Увидят тебя. Худо будет.

Обр вздрогнул, отбросил бабкину руку.

– Ты знаешь, кто я?

– Ну, кто... Разбойник.

– Чего?! Я Хорт, прямой потомок самого Оберона Сигурда Храброго.

– Так я же и говорю, – безмятежно согласилась бабка, – Хорт. Разбойник.

Обр медленно завел руки назад и отступил к стене, чтобы не укокошить ненароком полоумную старуху. Почти сто лет Хорты сражались и умирали за этих смердов, за то, чтобы защитить их от князя, выкинуть из Усолья проклятую стражу, и вот она, благодарность.

– Так чего ж ты меня не выдала? – выговорил он, давась словами. – В цене не сошлись?

Бабка глянула на него из-под махров дурацкого платка и вновь вернулась к своему перемету.

– Боишься меня?

– Боюсь, – сказано это было так, будто дырявая сетка занимала ее куда больше, чем облезленный Обр.

– Как есть подуруша. Увидела, мужик валяется, весь в крови, да еще связанный, и подумала: дай-ка подберу, может, в хозяйстве пригодится? Стражу надо было звать, а не в лодку меня тащить.

Бабка тяжело вздохнула.

– Ты плакал.

Хорт аж задохнулся от такого оскорбления.

– Врешь.

– Скулил так жалобно. Будто котенок брошенный.

– Дура! – Обр плюхнулся на лавку, поискал, чего бы такое сломать. Ничего не нашел. Пришлось просто двинуть кулаком в стену. Стена задрожала, но выдержала.

Минут через пять он немного успокоился и понял, что теперь можно задать вопрос, который терзал его все это время.

– Эй, – стараясь, чтоб голос поменьше хрипел, позвал он, – ты не слыхала... ну, про наших... может, в городе говорят... или деревенские на торгу болтают?

Бабка съежилась внутри своей кофты, подняла плечи, помолчала немного.

– Не, ниче не слыхала.

Хорт скривился. Где уж ей услыхать. Подуруша, она и есть подуруша.

* * *

Утром, дождавшись ее ухода, Обр стал собираться в дорогу. Сборы были короткие. Штаны он натянул свои, тщательно отстиранные, в десяти местах заштопанные, с аккуратными заплатами на коленях. Рыбачьи порты из грубого полотна всем были хороши, да уж очень широки в талии. Зато рубаху Хорт решил оставить на себе. Его старая куртка была так расплосована, что даже упорная бабка с ней поделаться ничего не смогла. Наплевать. Лето началось, можно и без куртки. Пошарил на полке, заглянул в горшки, но еды никакой не нашел. Подумал-подумал и полез за икону. Тряпочку свернул и положил на прежнее место, а цепочку и смешную кошку затолкал в пояс старых штанов, куда всегда прятал все самое ценное, хотя, правду сказать, что-то ценное у него водилось редко. Штаны поддернул, веревочную опояску затянул покрепче. Бабке эти цапки ни к чему. Не молоденькая уже. Много за цепочку, конечно, не дадут, но, если придется перебиваться в городе, на первое время хватит. Зачем ему сдалась еще и кошка, Обр и сам не знал. Так, под руку подвернулась.

Ну, вот и все. Он помедлил, постоял немного, вдыхая запах чистоты, морской соли и полевой полыни, пучочки которой бабка недавно развесила по всем углам. Тихо тут. Тихо. Покойно. Может, остаться?

Хорт вскинул голову, решительно толкнул дверь и, минуя ступеньки, прыгнул прямо на песок, сквозь который кое-где пробивалась кучерявая травка. Весь песок от крыльца до обрыва был покрыт следами тяжелых бабкиных башмаков, которые перемежались с маленькими, будто детскими. Узкая стопа, круглые аккуратно прижатые друг к другу пальчики. Не, больше похоже на девичьи. Эти-то откуда взялись? Вчера вроде никто не приходил. Обр снова дернул плечом, отгоняя глупое желание потрогать, приласкать эти следочки. Совсем одурел от сидения в четырех стенах. Пора двигаться.

До полудня было еще далеко, но солнце уже стояло над городской колокольней. День обещал быть погожим. Ветер дул весело, по морю летели буйные барашки, чайки мотались над

обрывом, сверкали на солнце белыми крыльями. Хорт повернулся спиной к морю и городу, быстро миновал заросли полыни пополам с репейником и нырнул в гущу шумевшего над обрывом молодого сосняка.

Повелитель созерцал доску с чувством легкого недоумения. В стройные ряды фигур где-то вкралась ошибка. Медленно, не торопясь он еще раз проверил последние ходы. Все развивалось как должно. Но что-то мешало. Какая-то мелочь, будто соринка в глазу. О, вот оно... Пешка. Совершенно лишняя и никому на этой позиции не нужная. Пешку на это поле он определенно не ставил. Неторопливо прошел вдоль доски, присмотрелся поближе и с облегчением улыбнулся. Должно быть, это одна из тех, от которых он благополучно избавился месяц назад. Он по праву гордился той комбинацией.

Проделано было красиво и с малыми жертвами. Эта пешка, как видно, задержалась на доске случайно. Их было слишком много, чтобы помнить о каждой. Но всякое дело следует доводить до конца. Впрочем, здесь никаких сложных ходов не потребуется. Повелитель поднял лопаточку и осторожно передвинул пешку на нужную клетку.

Глава 4

Какое-то время Обр бесцельно брел по лесу, стараясь подальше уйти от Малых Солей. Сосны шуршали молодыми, чуть липкими иглами, пахли нагретой смолой и морским ветром. Длинная слабая трава путалась под ногами. И зачем он так долго торчал у бабки?

Однако куда бы податься? В Большие Соли? Город богатый, торговый, парусники заходят с моря. Пришлого народу много, на чужого никто лишний раз и не глянет, и наверняка можно разузнать, где искать Хортов. Одно плохо – далековато эти Большие Соли. Лодки нет, а на своих двоих вдоль берега идти не меньше недели. Может, сразу в корчму «У семи сосен», к Семерику? Разобраться с ним, да так, чтоб другим неповадно было. Решено, к Семерику. Вот только голова нынче как чужая. Обр чувствовал себя немного пьяным от воздуха, света и летней зелени. Пожалуй, надо сначала в себя прийти. Поесть где-нибудь раздобыть. Лучше всего мяса. А то сейчас любая блоха одной лапкой его перешибет.

Ага, Укрывище. Вдруг там кто-то из своих прячется. Или не прячется даже. Собрались с силами, вышибли солдатню, завалили, скажем, косую. Не, лучше кабана. Сидят, мясо жарят. Вертел поскрипывает, сок течет, огонь вспыхивает, шипя, но не гаснет...

С вечера не евший Хорт проглотил слюну, затянул пояс потуже, поглядел на солнце, поймал щекой ровный ветер, прикинул направление и двинул к Укрывищу. У него была привычка ходить напрямик, без дорог, сквозь любой, самый густой лес, корявое редколесье, вересковые пустоши, мертвые островки песка или прямо через скалы. На дорогах, старательно обходящих все болотца, овражки и осыпи, Обр скучал. Больно надо ноги бить, время напрасно тратить. Да и опасно там, на дорогах-то.

Так что к Укрывищу он шел строго по прямой, как птица, летящая к своему гнезду. Жесткая хвоя под ногами сменялась хрустящим вереском, сыпучим песком или сырой болотной травой. Лес жил и дышал вокруг, и Обр был счастлив. Он почти забыл о том, что случилось с благородным родом Хортов. О голоде забыть было труднее. У него не было ни ножа, ни даже паршивой веревочки, чтоб сделать силки. Пришлось отвлечься, разорить несколько гнезд, немного отбить аппетит заячьей капустой и корнями стрелолиста. Поэтому черную тень Укрывища, нависшую над лесом, он увидел уже глубокой ночью. Тень была какой-то странной, как будто обгрызенной, но Обр устал, хотел спать и раздумывать о ночных странностях ему не хотелось. По дороге на мост он, конечно, не пошел. Нырнул в темноту оврага, вскарабкался по крутому склону, ввинтился в водосток и очутился на задах поварни. Прислушался. Ничего. Так тихо бывает только в безлюдном месте. Принюхался. Солдатского запаха – сивухи, пороха, лошадиного пота – не учуял. Пахло пылью, сырым воздухом ночного леса, старой гарью. Едой, к несчастью, не пахло вовсе. Бочком просочился в приоткрытую заднюю дверь поварни. Так и есть. Тоже темно и пусто.

Кабан на вертеле так и остался голодной мечтой. Но Обр не растерялся, быстренько обшарил все знакомые углы. Почти сразу отыскал мешок, на треть полный лежалым зерном, набрал сколько смог, в подол рубахи, и так же ощупью скользнул за очаг, по обвисшим доскам взобрался на чердак. Там, возле трубы очага, у него было любимое зимнее логовище: куча соломы, прикрытая парой изодранных плащей и еще каких-то тряпок неопределенного происхождения. Княжеское ложе. Куда лучше короткой бабкиной лавки. Хорт блаженно вытянулся на нем, принялся грызть чуть тронутые прелью зерна и быстро заснул.

* * *

Ему снился торг в Больших Солях, крики зазывал, стук колес по брусчатке, шарканье ног, неясный тул толпы. Рядом опрокинулся воз с пустыми бочками, и они, подпрыгивая и грохоча,

покатились прямо на Обра. Он проснулся, сел, тряся головой, но грохот не прекратился. Вопли и стук колес – тоже. Снаружи орали что-то вроде «Раз, два – взяли! Еще взяли! Еще разик, еще раз!». Потом кто-то рявкнул: «Поберегись!» И снова загрохотало так, что стены дрогнули. Обр метнулся к тому скату крыши, что выходил во двор, приник к щели в разошедшейся дранке. Сквозь нее он обычно наблюдал за передвижениями своих близких родственников, когда те в очередной раз метались по двору, угрожая намять шкодливому младшему братцу шею, обрывать уши, вправить мозги или повыдергать ноги. Воспитательные меры в семье Хортов разнообразием не отличались.

Сейчас на дворе оказалось полным-полно смердов с веревками, ломami и заступами. Там и сям переминались лошади, запряженные в подводы. Валялись груды битого камня. Пыль стояла столбом, так что яркое полуденное солнце казалось бледным пятном в сером небе.

Укрывище крушили споро, с песнями, с веселым гиканьем. Грузили битый камень и уцелевшие каменные блоки на широкие подводы и увозили в выломанные ворота. В западной стене уже зиял громадный пролом. Обе угловые башни разобрали почти до основания. Похоже, трудились не первый день. Хорт смотрел на эту муравьиную суету в полном остоленении, пока не закашлялся. Оказывается, от ужаса он вообще перестал дышать.

Стало быть, и вправду все кончено. Полное поражение. Дед убит, стены разрушены.

Ну нет, пока жив хоть один Хорт, красномундирникам покоя в Усолье не будет! Обр посидел немного, закрыв глаза и силясь вздохнуть полной грудью. Он-то, последыш, седьмой сын Свена, наверняка жив. Надо выбираться отсюда.

Слегка отдышавшись, он начал действовать. Тихотихо сполз через любимый лаз вниз на поварню. Внутри по-прежнему никого не было, но прямо за задней дверью слышалось ритмичное лязганье металла о камень и чья-то ленивая перебранка. Значит, принялись уже и за восточную стену. Прежним путем уйти не удастся. Обр поразмыслил, стянул рубашку, подпрыгнул раз двадцать до первого пота, подтянулся на потолочной балке, зачерпнув из очага пригоршню старой золы, щедро посыпал спину и плечи, грязными руками хорошенько повозил по лицу. Серая пыль пристала к телу, припорошила старые и новые шрамы. Хорошо получилось. Рубашку Обр обвязал вокруг головы, будто бы от солнца. На самом деле она прикрыла длинные волосы. Усольские смерды стриглись в кружок, но Хортам с короткими волосами ходить не пристало. Теперь в руки надо что-нибудь взять. Лом там или лопату... Но ничего подходящего не нашлось. Зато отыскался кусок толстой веревки. Так, ни то ни се, обрывок в полторы сажени. Что ж, сойдет и веревочка.

Обр, не скрываясь, распахнул широкую, давно разошедшуюся дверь поварни и, помахивая сложенной вдвое веревкой, неспешно зашагал по двору. Он шел по своему разоренному дому, шурился на горячий круг солнца, вдыхал каменную пыль и изо всех сил старался не глядеть на проломы в стенах, не оглядываться на цитадель, которую пока не тронули. На ходу он с видимой ленцой, но ловко уклонялся от столкновения с оглоблями, лошадиными крупами и снующими туда-сюда вонючими смердами, потными, пыльными, голыми по пояс, в общем, ничем не отличавшимися от Хорта в его нынешнем виде.

Наконец на глаза ему попала подвода, груженная целыми каменными блоками, которая определенно направлялась к воротам. Обр деловито зашагал к ней, ухватился за низкий борт, прикинулся, будто поправляет веревку, удерживавшую груз на месте, да так и пошел рядом. Никто не обращал на него внимания.

В воротах подвода встала. Хорт присел сзади, опустил голову, терпеливо ожидая, когда все это кончится.

Тут, перекрыв путь, скопились сразу три подводы. Было ясно, что незаметно выскользнуть не удастся.

– Вот эти две, – вещал от ворот начальственный голос, – не в город, а снова ко мне на двор. Разрешение у меня, сам понимаешь, имеется.

- Да куда ж тебе столько? – скучливо поинтересовался возница.
- Не твоего ума дело. Новый дом строить буду. Низ каменный, верх деревянный.
- Ишь ты! – раздался другой голос, молодой и насмешливый. – А не боишься?
- А чего мне бояться?

– Душ неуспокоенных. Вот проснешься ночью в своем новом доме, а они стоят над тобой и воют: «Семерик, отдай наше добро!»

У Обра снова захватило дыхание. Еще минута, и в обморок грохнулся бы, как девка на смотринах. Он уткнулся лбом в прохладные камни, словно надеялся, что они ему помогут. Семерик! По голосу и не узнать. С Хортами он так сроду не разговаривал. Герман частенько гонял Обра к «Семи соснам» с поручениями или просто за свежей сивухой, так даже перед ним, самым младшим, Семерик юлил, лебезил, предлагал угощение и даровую выпивку, и все это тонким козлетоном, с пришепетываниями и придыханиями.

Сейчас коренастый корчмарь стоял в воротах важно, распрямив плечи, засунув за пояс крепкие кулаки. Как же. Наградили его. Родовое гнездо Хортов на откуп отдали.

Обр знал, как убивают голыми руками. Правда, сам никогда не пробовал, но Маркушка все растолковал очень доходчиво. Это вам не столбцы. Это последыш Хортов запомнил влет, с одного раза. Но дураком он не был, поэтому бросаться на предателя на глазах у толпы смердов не стал. Все-таки сумел удержаться, хотя дышал по-прежнему трудно. Тихонько, не поднимая глаз, побрел рядом с тронувшейся тяжелой подводой, прошел мимо, так близко, что на него пахнуло от Семерика кислым вином пополам с кухонным чадом, почти дошел до ворот и тут не выдержал, оглянулся. И встретился взглядом с корчмарем, смотревшим вслед подводам.

Жуткий вопль «Хорт!» повис над двором, мгновенно заглушив все звуки. Как видно, Семерик боялся куда больше, чем хотел показать. Теперь он вопил, вылупив глаза, как ревун в тумане.

В один миг Обр сообразил – уйти не удастся. Уже весь двор орал «Хорты!», все бежали, теснились к воротам. И тогда он сделал последнее, что мог успеть в этой жизни. Прыгнул на Семерика, мигом преодолев разделявшие их сажени, еще в полете захлестнул на жирной шее обрывок веревки. В умелых руках и веревочка – оружие. Семерик повалился как куль с мукой. Колено Хорта давило ему на грудь, веревка неумолимо затягивалась, тонула в багровеющих складках жира.

Десятки рук вцепились в последыша Свена, отодрали от валявшегося в пыли предателя, Обр, не глядя, врезал кому-то локтем в печень, кому-то сухой мозолистой пяткой по лодыжке, и его отшвырнули вперед, под ноги надвигающейся толпе. Он упал удачно, как кот, на все четыре, задыхаясь, вскочил на ноги. Что сейчас будет и как это будет, он знал совершенно точно. Как-то раз в Белых Камнях у него на глазах забили конокрада. Принимать смерть, как тот несчастный, валяясь в ногах у всех этих возчиков и каменотесов, умоляя о пощаде и завывая от смертного ужаса, он не собирался. Надеялся только, что слишком долго терпеть не придется. Почти у каждого из тех, кто неумолимо надвигался на него, в руках были ломы, колья и лопаты.

Обр взглянул вверх. Тускло блестящий солнечный диск тоже показался ему гладким краем тупой лопаты. Пора было пугаться, но даже на это не осталось времени.

От первого брошенного камня он увернулся. От второго тоже уклонился, легко, но в это время третий врезался как раз в сломанные, едва поджившие ребра. Хорт согнулся от боли, но успел принять на предплечье, пропустить по касательной удар черенком лопаты, направленный прямо в голову. Рука сразу онемела. Кто-то крепко вмазал ему по спине. Обр все-таки упал.

- Разойдись! А ну, разойдись, кому говорю! Именем князя!

Небо вдруг очистилось. Черные всклокоченные головы, занесенные для удара руки и оскаленные в крике лица исчезли, будто их ветром сдуло. Хорт приподнялся на одно колено. Сквозь толпу, работая рукоятками палашей, а то и кулаками, к нему пробились, встали вокруг

красномундирники. Немного, человек пять, во главе с малорослым, но решительным капралом.

– Стоять! – рявкнул тот, отпихивая наиболее рьяных, все еще пытавшихся достать Обра.

– Хорт! Смерть Хорту!

– Самосуда я не допущу! – заорал капрал, аж приседая от натуги. – На землях князя закон соблюдается неукоснительно.

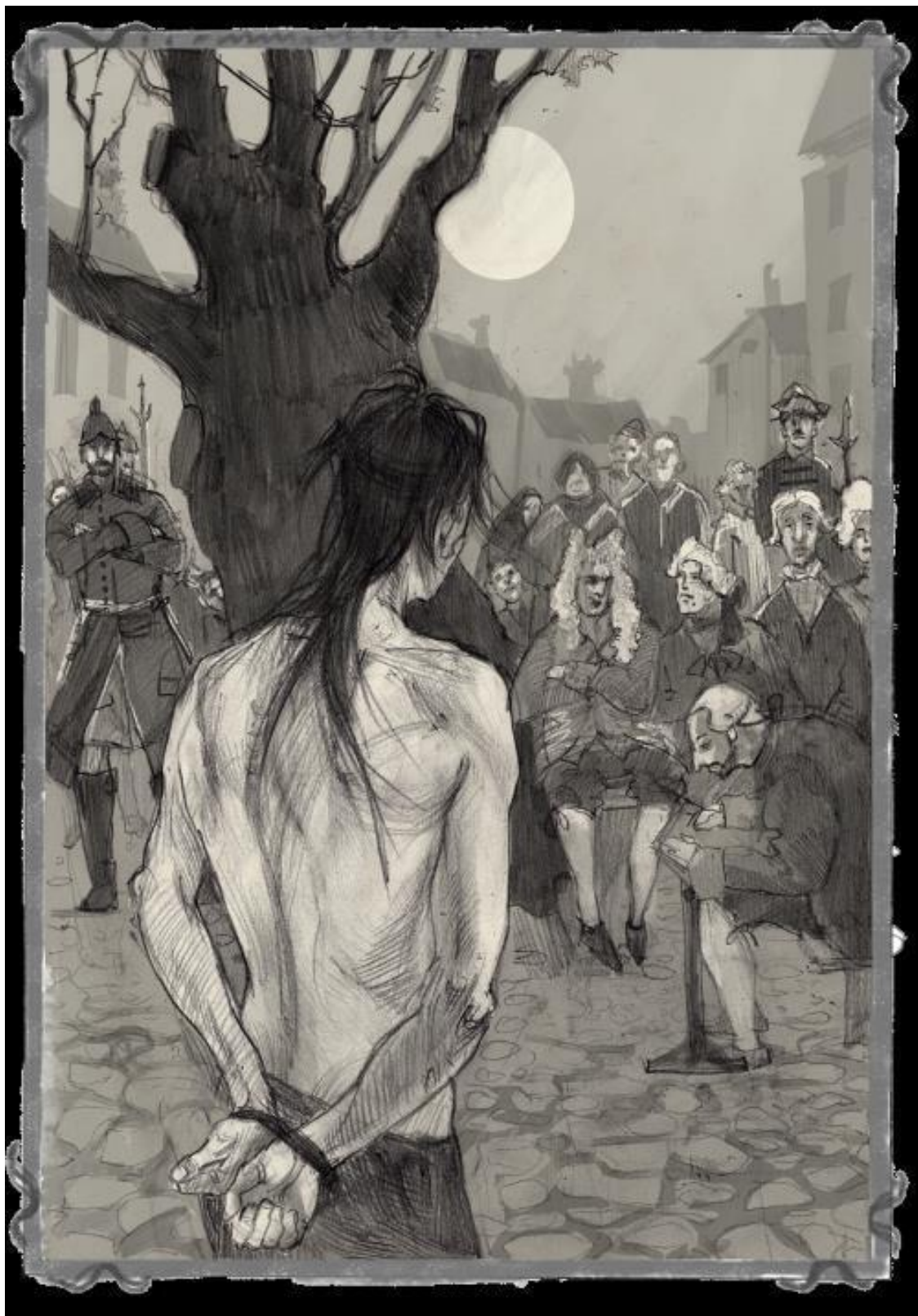
– Это земли Хортов, – упрямо прохрипел Обр.

Глава 5

Лошади стали, и Обр едва не повалился вперед. Упасть помешали веревки. Они тянулись от скрученных спереди рук куда-то вперед и вверх. Должно быть, к тем самым всадникам, которые ехали по обе стороны от него всю дорогу. Но точно этого Обр не знал. Трудновато видеть что-то, когда на голову надет старый вонючий мешок. Именно из-за мешка он смертельно устал. Ехали не шибко, за неспешно трусящей лошастью он мог бы бежать целые сутки, но только с открытыми глазами и без кляпа во рту. Кляп попался какой-то особенно мерзкий, со вкусом лежалого навоза. Должно быть, мстили за тот фокус с лошадьми. Честно говоря, Обр рассчитывал повторить его. Не вышло. Но это не беда. Выбравшись из такой страшной напасти, он уверовал, что хуже уж точно не будет.

Веревки ослабли, затекшие руки бессильно упали вниз. Мешок сдернули. Обр сразу же зажмурился: тихий свет раннего летнего вечера показался ему нестерпимо ярким.

– Ух ты, так это и есть ваш страшный Хорт? – весело спросили сзади. Обернувшись, Обр осторожно приоткрыл один глаз. В лицо ему усмехался веселый худощавый мужик с черными усами щеточкой.

– Скажи мне, дитя малое, неразумное, который тебе годик пошел? – с этими словами мужик ловко освободил рот Обра от кляпа. Обр смачно сплюнул, вытер рот о голое плечо, но говорить ничего не стал. С простолюдинами он разговаривать не собирался. Надменно отвернувшись от мужика, он смог, наконец, безболезненно глядеть на белый свет и чуть не застонал от разочарования. Откуда ушел, туда и вернулся. Соли Малые, будь они неладны. Вон,

по правую руку белые стены их храма, тлеет красная лампадка у входа, тускло блестит позолота над крыльцом. Так и есть, городская площадь. Прямо перед Обром маячило знаменитое на все Усолье Дерево Правосудия. Здоровенный дуб, неизвестно каким чудом затесавшийся среди корявых усольских сосен. Дуб был очень стар, не одно столетие справлялся с морозами и метелями, не гнулся и не кланялся даже когда задувал ледяной сиверко.

Сквозь сплетенье черных кривых ветвей с едва развернувшимися листочками просвечивала громадная прозрачная луна. Под дубом на широкой поставленной полукругом скамье рассаживались чисто одетые солидные горожане. Двенадцать человек, как положено. Все в густо напудренных слегка всклокоченных париках. Должно быть, выскочили из дома в спешке. Сбоку примостился серьезный, как голодный барсук, писарь, с другого края вальяжно уселся спасший Обра капрал. Военная власть.

Впрочем, к дубу сбежалось не только начальство. Площадь была черна от народа. Редкие солдаты с пиками в руках сдерживали толпу, так что кусок утоптанной земли между Обром и городскими старшинами оставался чистым. Рыжебородый дядька, которому пудренный парик с изящной черной ленточкой шел как корове седло, помялся, прокашлялся, набывчившись, поглядел на Обра:

– Имя и возраст?

Обр предпочел не заметить вопроса. Стоял, слегка запрокинув голову, разглядывал луну, наслаждался тем, как мягкая земля холодит сбитые в кровь босые ноги.

Жаль, рубашка куда-то пропала. Торчать полуголым на потеху смердам было противно. Злые взгляды жгли обнаженную кожу не хуже крапивы. Над тропой ходили горячие темные волны ненависти.

– Запирается, – сказали под деревом.

– Явное неуважение к суду.

– Что ж, придется прибегнуть к процедуре установления личности. Кто знает этого человека, или видел, или встречал его, или заглазно слышал о нем?

– Я! – раздался хриплый голос.

Обр рванулся вперед, но помешали немедленно скрестившиеся перед ним лезвия палашей и черноусый мужик, крепко ухвативший его сзади за локти.

Семерик! Опухший и синеватый, как упырь в полнолуние, но, несомненно, живой. Не помогла веревочка. Только багровый след на шее остался.

Хорт немедленно пожалел, что не воспользовался советом Маркушки. Бить надо было по шее, ребром ладони в становую жилу. Или просто, без затей каменюкой в висок. Гад живучий!

– Можешь ли ты подтвердить, что этот человек действительно Оберон Александр Свенельд Хорт, седьмой законный сын Свенельда Германа Хорта и Исонды Ингеборги, дочери владетельного Арнольда, рожденный в год кометы на исходе месяца травня?

Рыжебородый в дурацком парике вычитывал по большому свитку с княжеской печатью, старательно водя по нему пальцем.

– Не знаю я никакой Ингеборги, – просипел Семерик, – но это он. Младший из ублюдков Свена Топора.

Да вы приглядитесь, он приметный. У него одна прядь волос седая, из темечка растет, прямо на лоб падает. Такой уж уродился. Бог шельму метит.

Все посмотрели на Обра. Седая прядь, о которой он и думать забыл, даже под слоем пыли отчетливо виднелась среди прочих, от природы черных. Капрал оживился, порывлся за пазухой, извлек оттуда еще один весьма потрепанный свиток, бегло просмотрел его, загнул нужное место и передал рыжебородому.

Тот долго вчитывался, шевеля губами, потом солидно кивнул.

– Означенная примета в описании имеется. Показания свидетеля имеются. Личность обвиняемого можно считать установленной.

– Он это, он, – мстительно твердил Семерик, – родной брат того подонка, что доченьку мою загубил.

– Сам ты подонок, – не выдержал Оберон, снова рванувшись вперед, так что острия палашей вонзились в кожу, – шкура продажная! Благородный Хорт вам честь оказал! Катерину твою как жену почитал.

– Че-есть! – издевательски протянул Семерик. – Опозорил девку, наградил ублюдкой. Кто на ней теперь женится-то? А ведь какая красавица была.

Лицо его вдруг скривилось, глаза наполнились мутной влагой – вся жизнь в страхе! Днем и ночью ждешь: погнут, ограбят или пронесет, обойдется.

Толпа сочувственно загудела. Обр мог бы сказать, что Семерик неплохо нажил, перепродавая кое-что из добычи Хортов, но не стал. И так унизился, наболтал слишком много. По груди из свежей царапины медленно стекала липкая струйка. Внезапно он почувствовал, что силы закончились. Но падать при всех по-прежнему считал ниже своего достоинства. Покрепче утвердился на разбитых ногах и вновь уставился на луну, которая постепенно теряла нежную прозрачность, наливаясь ярким холодным блеском.

Между тем под дубом молодцеватый капрал бодрым голосом докладывал, что означенный Оберон Александр Свенельд Хорт обвиняется в многочисленных преступлениях против властей предержащих, а именно в попытке вооруженного грабежа при отягчающих обстоятельствах, а также в зверском убийстве рядового Ингви и поручика Ларса, а также в сопротивлении при аресте, чему имеются многочисленные свидетели.

«Ну надо же, – озадаченно подумал Обр, – выходит, я офицера уложил. Нашим про такое даже рассказывать не стоит. Все равно не поверят».

Представителя военной власти сменил кто-то из городских. Этот мялся и мекал куда больше капрала, но суть сводилась все к тому же. Означенный Оберон Хорт оказался виновен еще и в убийстве некоего честного жителя Малых Солей по имени Матвей Дудка, после которого осталась жена с тремя малолетними детьми, прокормление коих тяжким бременем легло на городскую казну. В этом месте толпа, оставшаяся равнодушной к участи княжеских солдат, злобно зашевелилась. Точно по дуслу пчелиному палкой треснули.

Матвея этого Обр совершенно не помнил. Со здешними он вроде не дрался. Похоже, на него хотели повесить чужой грех, но спорить он не стал. По сравнению с убийством стражников при исполнении это был сущий пустяк. Унылый горожанин все мямлил что-то, будто мочалку жевал. Наконец заткнулся и сел, но на его место тут же вылез городской старшина, и все началось сначала. Зажгли факелы, хотя луна светила достаточно ярко. Хорт немного переменял позу, почти облокотился на мужика, который держал его сзади. Теперь судьи долбили все вместе, как дятлы по весне, по очереди повторяя одно и то же.

– Виновен, виновен, виновен.

Потом толпа за границей красного светового круга завывала и заорала, судьи, потягиваясь и покряхтывая, стали подниматься.

Обр обрадовался, решив, что все закончилось, но тут ни с того ни с сего напомним о себе охранник, на котором он почти висел последние пять минут. Отпихнув Хорта, усатый дядька ринулся на середину.

– Да вы че! – завопил он с глубоким, яростным возмущением. – Вы чего творите? Ему и пятнадцати нету!

– Есть уже, – обидевшись, проворчал Обр.

– Да вы поглядите на него. Это же ребенок! Старшему моему ровесник!

– Это государственный преступник! Кроме того, по поводу Хортов имеется личное распоряжение князя, – веско заметил капрал.

– Не возьму греха на душу, – выкрикнул усатый явно в последнем приступе отчаяния.

– Возьмешь, – глядя ему в глаза, жестко произнес городской старшина, – куда ты денешься.

* * *

– Пошли, – мрачно сказал усатый дядька и повлек Оберона Александра прочь от дуба к большому пятистенку, срубленному из исключительно толстых бревен. Хорт, скривившись, выдернул локоть из липких чужих рук и сам пошел по узкому коридору, который солдаты расчищали для него в грозно гудевшей толпе. Камнями пока не швыряли. Хоть в этом повезло. Правда, откуда-то из задних рядов прилетел ком конского навоза. Хорт даже делать ничего не стал. Просто немного замедлил шаг, слегка повел плечом, и навоз размазался по красному мундиру охранника. Пустячок, а приятно.

Красномундирник заругался, опустил пику, стараясь отряхнуться. Воспользовавшись этим, откуда-то вдруг вывернулась маленькая девочка. На взгляд Обра, лет четырех, не больше. Девочка на миг замерла перед Обероном, уставилась на него круглыми черными глазами и вдруг плюнула прямо под ноги. Чьи-то руки протянулись, утаскивая ее в толпу, откуда донесся отчаянный плач. И чего ей надо? Но размышлять об этом не было сил. Хорт так устал, что даже мысль о тесной камере уже не пугала. Дойти бы уж поскорее. Там, небось, лечь можно будет, а если повезет, и напиться дадут.

С огромным облегчением он шагнул в темную дверь, через первый порог перебрался благополучно, о второй все-таки запнулся, растянулся во весь рост и сразу решил, что вставать, пожалуй, не будет. Может, подумают, что он в обмороке и, наконец, оставят в покое. Не оставили. С двух сторон подхватили под микитки⁸, с усталой руганью поволокли куда-то в темноту, подняли и с размаху усадили на жесткое. За спиной Обр ощутил бревенчатую стенку и тут же попытался сползти по ней, но и этого не позволили. Крепко взяли за плечо и плеснули в лицо ледяной водой. Хорт помотал головой, но глаз не открыл. Не смог. Очень жесткие пальцы надавили под челюстью. В невольно открывшийся рот тут же полилось нечто настолько забористое, что глаза не просто распахнулись, но и самым натуральным образом полезли на лоб.

Можжевельовка. Неразбавленная.

– Прах гнилой! – выплюнул Обр, судорожно глотая жгучую жидкость.

– О, говорить можешь, – с удовлетворением заметил бодрый капрал, который, низко склонившись, разглядывал побитую физиономию преступника в дрожащем свете единственной сальной свечки.

– Ты мне должен.

– За что? – выдохнул Хорт.

– За то, что не позволил прикончить тебя на месте.

Обр промолчал. Возразить было нечего.

– Два вопроса, – сказал капрал, жестко держа его взглядом, – только два, и можешь снова прикидываться нежной фиалкой. Ты меня понял?

Обр кивнул.

– Кто тебя прятал целый месяц? Где ты отлеживался?

– В лесу, – прохрипел Обр. Выдавать полоумную бабку он не собирался. Не хватало еще, чтоб ее, дуру, тоже в острог сунули.

– Врешь. Ты ранен был. Тяжело. До сих пор следы остались. Один в лесу ты бы подох.

– Ну не подох же.

– Не врет, – негромко заметили за спиной капрала. – Семерик сказывал, этот сам вроде зверя. Недаром его Волчьим Пастырем кличут.

⁸ Под микитки – под ребра.

– Ладно. Неважно, – капрал приблизил свое лицо к лицу Обра, близко заглянул в глаза. – Где золото Хортов? Отвечать. Не лгать.

– Нет никакого золота, – совершенно честно ответил Обр, – было да все вышло.

– Я же сказал – не лгать. Помни, ты мне должен.

– Нет золота, – повторил Хорт заплетающимся языком, – все, что было, Дед истратил. Порох, оружие, хорошие кони, наемники. Кабы не Семерик, мы бы вас еще весной отсюда выкинули.

Капрал помедлил, сверля Обра взглядом, поджал губы, соображая что-то.

– Оружие мы нашли. Это верно.

– С пристрастием допросить бы... – вмешался другой голос.

– Завтра успеем. Сейчас он все равно ни на что не годен.

Последнее обидное замечание слегка разогнало пьяный туман в усталой голове Хорта.

– Дядька Ольгерд... – начал он, – у него был... – и замолчал, старательно собирая в кучку глаза и мысли.

– Ну?! – рявкнул капрал, больно стиснув его плечо.

– У него был свой схрон, – поведал Обр, – собственный. Я подглядел... случайно...

– Где?

– Под восточной стеной ход раньше был. Теперь его почти завалило. Лаз в углу у конюшни. Через шестнадцать шагов по левую руку ниша, камнями заложена. Камни старые, а раствор свежий. И потолок в этом месте закопченный.

– Что там?

– Доля его с той большой лодьи⁹, которую наши в позапрошлом году разбили.

Капрал поморщился. Дело с разбитой заморской лодьей, которую Хорты взяли, подплыв в тумане на трех рыбацких кочах¹⁰, было громкое и для князя позорное.

– Золото, камешки, – продолжал Обр, – палаш дурацкий такой, тонкий очень, рубить по-настоящему нельзя, но зато рукоять и ножны все в серебре и светлых перлах.

– Шпага Койта, – выдохнул капрал и покосился назад на своих подчиненных.

– Только все это, небось, нашли уже, – задумчиво добавил Хорт, – вчера как раз за восточную стену принялись, я видел.

– Ага, – также задумчиво сказал капрал и отпустил плечо парня, позволив ему наконец сползти по стене и растянуться на чем-то весьма твердом, – ладно, дрыхни. Но смотри, ежели соврал, я тебя и на том свете достану.

Сказал и ушел, прихватив с собой свечку и двух солдат. Оставшись в полной темноте, Обр улыбнулся так широко и хищно, что любой матерый волчара помер бы от зависти. Оказывается, и от чистой правды может быть польза. Ольгердов схрон он описал предельно честно. Вот только забыл добавить, что Ольгерд – мастер на всякие пакостные ловушки. Та, что охраняла его добро, была особенно неприятной. Кто не задохнется и не утонет, потом всю жизнь будет благоухать как навозная куча по весне. Схрон-то точнехонько под конюшнями. А чистить их младшие Хорты ленились. Так что последние мысли, посетившие засыпающего седьмого сына Свена, были весьма утешительны, и спал он хорошо, крепко.

⁹ Лодья – ладья в северных говорах.

¹⁰ Коч (кочь, коча) – собирательное название судов, на которых поморы ходили по северным морям.

Глава 6

На сей раз никто не помешал ему выспаться. Он проснулся с больной, но, как ни странно, ясной головой и некоторое время прислушивался. Потом приоткрыл глаза. Острог в Малых Солях был вовсе не страшным. Обычная деревенская горница с печкой и широкой лежанкой, на которую кто-то заботливо пристроил Обра. Только тесно очень, и оконце больно высоко. На оконце, конечно, решетка. Толстая и сделана хорошо, не выломаешь. Дверь из широких, плотно пригнанных плах¹¹ заперта снаружи. Дымоход узкий, не пролезть. Может, попробовать разобрать потолок – и на крышу? Можно, но времени понадобится много. У трубы надо попробовать. Обр пошевелил отекавшими после вчерашних веревок руками. Руки болели, но слушались.

За дверью заскрежетало, потом, глухо грохнув, свалилось что-то тяжелое. Засов, наверное. Судя по звуку, здоровенный. Уйти через дверь Обр и не надеялся, но все же поспешно сел, спустил ноги с лавки. В каморку боком протиснулся давешний черноусый дядька, хмурый, как разбуженный медведь. Втащил деревянную бадейку на веревочке, грохнул на пол, так что через край плеснула вода, буркнул: «Умывайся» – и ушел.

Обр с удовольствием погрузил ноющие кисти рук в холодную воду и первым делом напился. Потом старательно смыл с лица и тела вчерашнюю пыль, запекшуюся пополам с кровью и потом. Тем временем черноусый вернулся, швырнул на лавку ком серого полотна.

– Одевайся!

И снова ушел.

Обр оделся охотно, так как после ледяной воды его пробрала легкая дрожь. Рубаха оказалась очень просторной, длинной и с широким капюшоном вместо ворота. Но размышлять о странностях местной тюремной моды последышу Хортов было неинтересно, поскольку черноусый вернулся в третий раз, угрюмо произнес: «Лопай» – и пихнул в руки большую миску. Из наполнявшей посудину каши торчали ложка и здоровенная скибка хлеба. Но это не главное. На миг Хорт застыл в блаженном потрясении. В каше томились бараньи ребрышки с кучей мяса. Над всей этой роскошью витал нежный чесночный дух.

Он оторвался от миски, только когда последняя корочка хлеба впитала в себя последние капли жира и была благоговейно отправлена в рот, поставил начисто вылизанную посуду рядом с собой и, довольный, прислонился к стене, закинув руки за голову.

– Пива или вина? – спросил черноусый, не спускавший с него мрачного взгляда.

– Чего? – лениво удивился сытый Обр. – У вас тут что, все время так кормить будут?

– Нет. Только сегодня. Так пива или вина?

– Пиво – гадость, вина не пью. А с чего только сегодня-то? Жадничаете. Несчастному узнику хорошей жратвы и то жалеете.

– Так ты че, не понял ничего? – проскрипел черноусый, теперь глядевший на Обра как на кровного врага. – Совсем не в себе вчера был?

– Вроде того, – благодушно подтвердил Обр.

– Повесят тебя.

– Да ну? Правда, что ли? – Хорт потянулся, устроился поудобней. Дождаться казни в этой каморке он не собирался. – А когда?

– Сейчас.

– Врешь! А суд?

– Был вчера.

– Ты меня за дурака не держи. Так эти дела не делаются.

¹¹ Плаха – кусок расколотого пополам бревна.

После общения с Маркушкой Обр точно знал, как делаются подобные дела в трех сопредельных государствах, не считая родного княжества.

– Для Хортов по распоряжению князя особые правила. Сокращенное дознание и потом это... повесить за шею, пока не умрет.

Казалось, черноусого сейчас стошнит, но Обру уже было на это плевать. Сытую одурь как рукой сняло.

– Я Хорт! – со злобой выкрикнул он. – Благородных не вешают. Только через мечное сечение. А ежели у вас меча или там палача нет, пошлите в Большие Соли. Желаю, чтоб все было по закону.

– Нету для вас закону. Приказ князя. Благородных, может, и не вешают, а всех Хортов повесили уже.

– Всех? Почему всех? – растерялся Обр.

– Ну, не всех. Иных при аресте убили. Кое-кто в тюрьме от ран помер. А остальных того... На торгу в Больших Солях. Пятерых, самых матерых, в столицу свезли. Так тех – там. В назидание всему княжеству. Один ты и остался. Навязался на мою голову. Лучше бы где-нибудь под кустом тихо помер. И чего тебя, дурака, к людям-то понесло?

– Не... Не верю. Не может быть, чтобы всех.

– Хошь верь, хошь не верь. Твое дело. Там священник пришел...

– Зачем? – тупо спросил Хорт.

– Положено так.

Священник оказался тощим нескладным парнем, явно из деревенских, на вид ничуть не старше Обра. Рыжеватые мягкие кустки на подбородке, некий намек на будущую бороду, солидности ему нисколько не прибавляли. Прозрачные глаза, как две капли серой морской воды похожие на глаза бабки с рыбацкого конца, взирали на Обра с явным опасением. Однако черноусого тюремщика он выпроводил кивком головы, дверь прикрыл плотно и, шурша черной ряской, бестрепетно уселся на лавку рядом с узником.

Обр, раздавленный последними новостями, сидел молча. Священник тоже вел себя тихо, глядел прямо перед собой.

– Ну и че? – злобно спросил наконец Хорт. – Чего тебе надо-то?

– Мне – ничего. Может, тебе чего-нибудь надо?

– Надо. Палаш хороший. А лучше – острый шест. Или пику.

– Утешение, значит, тебе не требуется.

Обр хмыкнул.

– И покаяться ты не хочешь.

– Не в чем мне каяться.

– Ты человека убил.

Обр снова хмыкнул.

– И, как я слышал, не одного.

– Да я б их всех перебил, как бы силы были, – с глубокой убежденностью сказал Обр.

Обладатель чахлой бородки только вздохнул, и это обозлило Обра еще больше.

– Я сражался и убил в бою! В честном! Их было два десятка, а я один. Или я, или они. Деда на моих глазах зарубили... Да что я... Тебе не понять. Ты на всю жизнь за ряску свою спрятался!

– А Матвея несчастного за что? – тихо спросил священник.

– Кого? Не знаю такого. Я местных сроду не трогал.

– Да откудова ж тебе знать. Ему, Матвею-то, когда вместе с конями и повозкой подряжали Князев груз вести, не сказали, знаешь ли, что везти надо, куда и зачем. Заплатили правда, хорошо. У него трое, и жена опять беременная, так что он и за половину согласился бы.

Обр даже глаза прикрыл от старания припомнить, как оно там было с возницей.

- Не убивал я его, – уверенно сказал он, – всего-то дал в челюсть. От этого не помирают.
- Ты ему в челюсть, он – с козел спиной вперед, хребет сломал, да еще виском об корень.

От чего помер, теперь и не угадаешь.

– Да кто ж его просил соглашаться Князев груз везти, проклятые деньги брать?! Все вы предатели. Хорты за вас быются, кровь проливают, а вы за добро свое трясетесь, только и ищете, как бы нажиться. Люди Князевы из вас жилы тянут, а вы все кланяетесь. Четыре шкуры дерут, а вы пятую предлагаете.

– Кровь, говоришь? – отдельно переспросил священник, помолчал и также отдельно добавил: – У меня Хорты всю семью вырезали.

– За что?

– За коней. У нас кони хорошие были, породистые. Наша Стрелка от какого-то проходящего жеребца родила однажды. От того жеребенка все и пошло.

– Кони нужны, – с полным знанием дела заметил Обр, – без коней не повоюешь.

– Нужны, – согласился священник, – как без коней в хозяйстве? Ложись и помирай. Отец за так отдать не захотел, да еще говорят, согрубил им что-то. Я, пятилетний, тогда у тетки в Белых Камнях гостил, потому и выжил. А тебя там не было?

– Нет, – мотнул головой Обр, – я тогда, небось, еще совсем мальцом был.

– Ага. Значит, помочь я тебе ничем не могу. Плохи твои дела, раб Божий Александр.

– Я тебе не раб, – оскорбился Обр, – сроду никому рабом не был. А ты че, правда помочь хочешь?

– Хочу, – вздохнул священник, – вернее, должен хотеть. Но путей к тому никаких не вижу.

– Не видишь? – почти весело поинтересовался Обр. – Так это очень просто. Давай махнемся не глядя. Ты мне ряску с капюшоном, а я тебе свои тряпки. Фигурой и ростом мы похожи вроде. Ты останешься, я уйду. Вешать тебя вместо меня они, ясное дело, не станут. А если я тебя оглушу остороженько, даже пожалеют.

– Понятно, – кивнул священник, – а скажи мне, что ты станешь делать, когда уйдешь?

– Ну это, первым делом раскаюсь, – хмыкнул Обр, которому этот выход нравился все больше и больше. – Могу даже горсть пыли на голову высыпать и свечку поставить. А уж потом займусь делом. Навещу кое-кого.

Кого именно и зачем, Обр уточнять не стал. Сначала Семерик. Потом добраться до Больших Солей, поговорить с этими... которые братьев вешали. А если очень повезет, то и в столицу можно наведаться.

Размечтался, дурак. Священник успел подняться и уже стучал в дверь.

– Отопри. Тут мне больше делать нечего.

Черноусый распахнул тяжелую створку и вдруг присел на пороге, глядя на священника снизу вверх. Лицо у него дергалось, усы повисли, будто мокрые.

– Этому все равно, – плаксиво сказал он, с ненавистью глядя на Обра, – душегубом родился, душегубом и помрет. А мне-то за что грех на душу принимать?

– Это не твой грех, – устало сказал священник.

– Мой. Положим, по приказу, да все же каждый сам за себя отвечает.

– Это верно.

– Да ты-то чего скулишь? – разозлился Обр. – Не тебя вешать будут. Ты вообще кто такой?

– Я палач! Палач, понял?! Должность у нас наследственная, от отца к сыну. Тихая, надежная. Ну, выпорешь там кого для вразумления или к позорному столбу поставишь. А смертью у нас в Малых Солях уже сто лет никого не казнили. Не умею я вешать. Мне куренку шею свернуть и то жалко. А тут вон... мальчишка... сыну моему ровесник.

– Ну, тогда я пошел, – сказал Обр.

- Щас, разбежался.
- Или хошь, жалобу подам. Мол, так и так, желаю опытного палача, а то местный при виде покойников в обморок падает.
- Молчал бы уж лучше.
- Откажись, и дело с концом, – предложил священник.
- Легко сказать «откажись». Откажусь – должность потеряю. Другой работы мне тут не дадут, а у меня семья. Лучше б его вчера всем миром прикончили.
- Опаздываем, – басовито раздалось из сеней, – там уж народ собрался.

Уже вознамерившись уходить, Повелитель вспомнил о лишней пешке, осторожно, двумя пальцами ухватил ее за тонкую талию, поглядел в лицо. Очень молодой, напуганный парень с приметной седой прядью. Да, на этот раз никаких ошибок. Повелитель снял пешку с доски и небрежно выпустил из пальцев. Она исчезла, не долетев до пола. Для Повелителя было тайной, как это происходит, но тайной неважной. Без ответа на этот вопрос он вполне мог обойтись.

Глава 7

В каморку набились солдаты. Обр и оглянуться не успел, как оказался на улице, снова со скрученными руками и в окружении красных мундиров. На улице было печально. С неба сыпался нудный бесконечный дождик. Видно, начался он еще ночью, потому что плотная земля главной площади успела превратиться в истоптанную грязь. Несмотря на погоду, народу вокруг Дерева Правосудия скопилось еще больше, чем вчера. Хорт поглядел на дождик, на мокрый дуб и споткнулся взглядом о веревочную петлю, свисавшую с толстой ветки. Другой конец веревки был аккуратно переброшен через сучок, чтоб не запачкался. От Обра до петли было шагов двести.

Ноги сами остановились, наотрез отказываясь идти дальше. До последней минуты он был уверен, что пронесет, удастся вывернуться, как всегда обойдется. Но тут отчетливо понял – не пронесет. Его ощутимо подтолкнули в спину, и он пошел, лихорадочно цепляясь взглядом за любой пустяк: глубокий след от солдатского сапога с рубцами на подошве, красный бабий платок в толпе, дурацкий трех на чьей-то всклокоченной голове, черные глаза вчерашней девчонки. Девчонка стояла в первом ряду, стиснув маленькие кулачки.

– Кто это? – спросил Обр.

Священник, шедший чуть сзади, проследил за его взглядом.

– А, это того самого Матвея дочка. Может, хоть ее тебе жалко?

– Нет. Каждый сам за себя.

На этих словах двести шагов и кончились. Это оказалось так страшно, что Обр понял, сейчас сорвется, будет валяться в ногах, умолять о пощаде, выть как волк в капкане. Выть...

Жуткий звук повис над площадью Малых Солей – предсмертный вой обложенного со всех сторон жожака. Две минуты, пока в глотку ему снова не вогнали на редкость неаппетитный кляп, на этот раз сделанный из солдатской перчатки, Обр наслаждался властью над перепуганной толпой, визжащими бабами, обезумевшими лошадьми и бившимися в истерике собаками. Такого шума Малые Соли не слышали со времен последнего разграбления.

На исходе второй минуты он уже стоял с капюшоном на голове, с петлей на шее и страстно хотел, чтобы все это кончилось немедленно. Но нет. Сквозь капюшон донесся скрипучий голос городского старшины.

– Приводится в исполнение смертный приговор, вынесенный городским судом Оберону Александру Хорту, обвиняемому в разбойном нападении и убийстве. Основанием для отмены приговора в данном случае могут быть помилование от его сиятельства князя Повенецкого.

– В наличии не имеется, – тут же прибавил кто-то.

– Новые свидетельства, вызывающие сомнения в виновности приговоренного.

– В наличии не имеется.

– Некто, знающий, что означенный преступник осужден невинно и желающий взять его вину на себя.

– В наличии не имеется.

– Девица честного поведения, желающая взять означенного преступника в мужья.

– В наличии не имеется.

– Некто, желающий выплатить выкуп и приобрести означенного преступника...

– Господин Лисовин, данный случай не подпадает...

– Да, действительно. Итак, поскольку никаких предусмотренных препятствий не имеется, приказываю приступить к казни.

– Не надо!

Обр готов был поклясться, что это орет он сам. Но повезло. Кляп спас от позора. Вопль раздавался откуда-то из мира живых, оставшегося за серой тканью капюшона.

– Ах, чтоб тебя, – прямо над ухом выругался палач, – да держите же ее, и без того тошно. Грязь смачно захлюпала под солдатскими сапогами, а потом задыхающийся, но ясный голос решительно произнес:

– Отпустите его. Я беру его в мужья!

Услышав такое, Обр изо всех сил затряс головой, пытаясь избавиться от капюшона. Серая влажная тряпка неохотно сползла с лица. Прямо под дубом из крепких солдатских рук вырывалась бабка в зеленом платке. Юбка ее была перепачкана, хлипкий кулачок притиснут к груди, видать, чтоб сердце не выскочило, зеленый платок сбился, повис на плечах, открыв на всеобщее обозрение серый, такой же старый и рваный. Красно-мундирник крепко ухватил ее повыше локтя, потянул прочь, но не тут-то было.

– Я хочу взять его в мужья! – задыхаясь, повторила бабка. – Я девушка честная, все знают! Толпа притихла, не меньше Обра потрясенная этим явлением.

– Это че такое? – в смущении воззвал солдат, понятия не имевший, как унимать бойких теток. Бить такую вроде нехорошо, а слов глупая баба не слушает.

– Кхм... – отозвался солидно стоявший под дубом рыжебородый старшина и попытался поскрести в затылке, отчего пышный парик слегка перекосило, – это у нас городская дурочка. Ты того... полегче с ней. Она безобидная. С детства была малость с придурью, а с тех пор, как отец у нее в море пропал, и вовсе ничего не смыслит.

– Слышь, Нюсенька, – ласковым голосом проговорил стоявший по правую руку от старшины писарь, больше прежнего похожий на печального барсука, – шла бы ты домой. Тебе на такое глядеть не годится. Напугаешься. Иди с дяденькой. Дяденька добрый. Он тебя до дому проводит.

Солдат хмыкнул и снова потянул бабку за собой, но та оказалась упрямой.

– Неправду говорите, господин Лисовин. Не такая уж я дурочка. Сколько лет сама себя содержи-обихаживаю. Милостыню ни разу не просила. Все знают.

– Верно, Нюска, – радостно заорал палач, – в нашем городе и поглупее тебя найдутся! – И добавил потише: – Свезло нам с тобой, парень. Теперь, главное, не спорь и не дергайся.

Обр замычал, намекая, что, раз такое дело, хорошо бы избавить его от кляпа.

– Не, – не согласился палач, – ты лучше помалкивай, а то еще ляпнешь что-нибудь не то – все испортишь.

Тут в дело вмешался священник, решительно шагнул вперед, отстранил солдата, взял тетку за руки, наклонился низко, заговорил тихо, убедительно.

В ответ та отчаянно замотала головой. Зеленый платок свалился окончательно, но она вовремя подхватила его и вновь натянула на самые глаза. Священник повел плечами, повернулся к городскому старшине.

– Могу удостоверить, что сия девица и вправду хорошего поведения и вовсе не так глупа, как многие думают. Но, полагаю, сейчас она вряд ли понимает, что делает.

– Все я понимаю, отец Антон, – строптиво всколыхнулся зеленый платок, – сами знаете, девушке одной не житье. Хочешь не хочешь, а замуж выходить надо. А кто меня такую по своей воле возьмет? Ни кожи, ни рожи. Родни никакой. Приданого – дом насквозь худой да лодка дырявая. Да еще подурушей ославили. Кому я нужна такая-то?

Отец Антон закашлялся. Городской старшина снова поскреб в затылке, да так рьяно, что парик съехал до самых бровей. Писарь скорбно поник головой и пробормотал что-то насчет брачного возраста.

– Подходит она по возрасту! – снова встрял палач, как видно, пуще всего опасавшийся, что Обра все-таки придется вешать. – Скажи им, Нюсь.

Тетка молча прикинула что-то на пальцах и утвердительно затрясла головой.

– Да, припоминаю, – кивнул и городской старшина, – действительно. В таком случае по закону казнь должна быть остановлена. Город, однако, оставляет за собой право после совершения брака применить к преступнику иное наказание.

– Во-во, – бодро добавил палач, – сегодня свадьба, завтра я его по-быстрому выпорю, и пусть катится к молодой жене. Может, еще человеком станет.

– Господин капрал будет недоволен, – зажав в кулак острую бородку, заметил писарь.

– Ну и судил бы военным судом, – отрезал палач, – сам судил, сам бы и вешал. Так нет, понесло его куда-то в самую ночь-полночь. А ежели город судит, то и законы наши.

* * *

Обр сидел у корней дуба, прижавшись щекой к мокрой шершавой коре, глядел вверх, на упругие трубочки молодых листочков, тихонько трепетавшие в черной сети корявых веток. С веток падали крупные капли, мелкий дождик сеялся, прилипал к щекам, и последыш Свена отчаянно жалел, что нельзя ловить его ртом. Мешал кляп. Руки тоже остались связанными. Красные мундиры по-прежнему окружали его, но веревка с петлей валялась в грязи безопасной жалкой кучкой. Зачем его охраняют – чтобы не сбежал или чтобы добрые горожане не набросились, – Обр не знал. За границей пятачка, окруженного солдатскими спинами, страсти накалились не на шутку. Одни требовали не слушать некстати вылезшую подурушу и прикончить, наконец, проклятого Хорта, другие склонялись к мысли, что законы и древние обычаи следует соблюдать, но кроме порки проклятый Хорт заслужил еще и двое суток у позорного столба, и тут уж дело горожан, выживет он после этого или нет. Обр полагал, что разница невелика, но обе стороны орали так, что ясно было – дело скоро дойдет до драки. В голове вяло зашевелилась мысль, что позора порки истинному Хорту не вынести, пусть лучше вешают, но сейчас он не был в этом так уж уверен, врать самому себе не мог и предпочел думать о чем-нибудь другом.

– А он ничего, смазливый, – громко рассуждали совсем рядом какие-то разбитные бабенки, – у Нюски-то, оказывается, губа не дура.

– Да ну тебя. На нем же живого места нету. Весь в шрамах, аж глядеть страшно.

– Зато дворянская статья есть. Сразу видно, из благородных.

Обр не знал, смазливый он или нет. Выяснить это не было никакой возможности, потому как девок, что городских, что деревенских, он до сих пор видел только издали.

«Бабы – дуры», – скучливо подумал он. В голове было пусто и гулко, как в заброшенных переходах Укрывища.

Наконец, растолкав солдат, к дубу прорвался палач. Его черные усы возбужденно топорщились.

– Вот, – сказал он, сунув в нос Обру раскрытую ладонь, – кольца.

На корявой ладони лежали два звена расклепанной цепи, довольно толстые и немного ржавые. Хорт покосился на них, но особого ликования не ощутил, хотя по сравнению с петлей свадьба с полоумной теткой казалась сущим пустяком. Свадьбу-то он точно выдержит, не моргнув глазом, а вот повешенье за шею – навряд ли.

– Конечно, невесте положено золото, жениху – серебро, – заметил палач, слегка обиженный равнодушием Обра, – но не взыщи, золота не держим.

– Невеста готова! – взмыл над площадью визгливый бабий голос.

Палач засутился, ухватил Хорта за шкуру, поднял на ноги и, слегка подталкивая коленом пониже спины, повел к храму. Солдаты по бокам оттесняли буйных горожан. «Красиво живу, – подумал Обр, – второй день с почетом водят. Охрана не хуже, чем у князя». Тут его затолкали в храм и поставили напротив аналоя. В церковь последыш Свена раньше заглядывал с Маркушкой, который был очень суеверен и никогда не упускал случая поставить свечку.

Так что здесь он ничего нового не увидел, только прикинул, что в Больших Солях иконостас побогаче будет.

Шурша ряской, пришел отец Антон и первым делом спросил про кольца. Палач с гордостью передал требуемое.

– А ты крещеный? – поинтересовался священник, недовольно глядя на жениха. Обр помычал утвердительно. Он был законнорожденный, крестили его в Больших Солях, и надлежащая запись об этом имелаась в церковной книге. Маркушка растолковал ему это однажды и велел запомнить накрепко.

– Ну и как я его, такого, венчать буду? – настроение у отца Антона было явно нерадостное.

– А что? – палач по-отечески обдернул на Обре смертную рубаху, пятерней отвел с лица влажные волосы. – Хорош! Красавец!

– Кляп из него вынь.

– А может, не надо?

– Надо. Он на вопросы отвечать должен. И руки ему развяжи.

– Это еще зачем?

– Сейчас обручение будет. Как он кольцо наденет?

Палач нехотя подчинился, шепотом посоветовав Обру не баловать. Хорт баловать не собирался. Смысла не было. Народ в церковь не пустили, зато солдаты надежно стояли у двери и под всеми окнами. У двери же плотной кучкой толпились городской старшина и еще какие-то господа в париках, начальственного вида. Поодаль пригорюнились две старушки из тех, что непременно заводятся в любой церкви.

Вместо баловства Обр принялся разминать руки, которым сегодня снова досталось, и так увлекся этим занятием, что и думать забыл, о чем там бормочет священник.

– Обручается раб Божий Александр рабе Божией Анне. Руку давай. Правую.

Жених послушно протянул правую руку, почувствовал холод скользнувшего на палец кольца.

– Надень кольцо невесте.

Он поднял взгляд – и чуть не свалился на пол.

– Эй! Ты кто?!

– Анна, – тихо раздалось в ответ.

– Не, – растерянно хмыкнул Обр, – какая же ты Анна...

Рядом с ним стояло худосочное дитя нежного возраста, все в белом, в белоснежном платочке, плотно повязанном вокруг бледненького, остренького личика. На личике имелись тонкие ровные бровки, розоватый, слегка облупленный носик и знакомые прозрачно-серые глаза.

– Кончайте насмешки строить. Не могу я на младенцах жениться.

– Если верить записи в нашей книге, – бесстрастно сообщил священник, – девица Анна уже достигла брачного возраста. Ты решительно отказываешься брать ее в жены?

– Только откажись, – зашипел в самое ухо палач, – только попробуй. Я тебя тогда не просто повешу. Я тебя сначала как Сидорову козу! Семь шкур спущу. Эх, говорил же – не надо кляп вынимать.

– Не отказываюсь я, – пробормотал ошеломленный Обр, – валяйте, венчайте.

– Кольцо невесте надень.

После этого жених покорно делал все, что велели: менялся кольцами, брал невесту за холодную тощую лапку, на все вопросы отвечал «да» и терпеливо ждал, когда всему этому придет конец. Палач, ни на секунду не отходивший от Обра, лично держал над ним венец и время от времени пихал в спину, подсказывая ответы.

Наконец он облегченно вздохнул. Хорт почуял, что дело сделано и теперь, пожалуй, можно будет как-нибудь и сбежать.

– Можешь поцеловать невесту, – сухо сказал священник.

Невеста послушно подняла лицо и почему-то зажмурилась.

«Еще чего», – подумал Обр, но коварный палач ловко толкнул его в затылок. Пахнуло морской травой, сушеной полынькой, в подбородок ткнулись сухие шершавые губы. Хорт отшатнулся, зашипел на палача, как дикий кот с пустоши.

– Ишь, зверюга какая! – ухмыльнулся палач. – Даже погладиться не дается.

– Эй, не теряйся, – глумливо хохотнул кто-то из солдат, – не такая уж она страшная.

Невеста опустила голову, а жених нашел весельчака взглядом и подержал немного, запоминая. Так, на всякий случай.

– Зверюга или нет, а на улицу его сейчас выпускать нельзя, – заметил отец Антон, – да и Нюсе пока выходить не стоит.

– Да, пожалуй, – согласился господин Лисовин, прислушиваясь к громкому ропоту за дверью, – сторожка, помнится, еще пустая стоит.

– И запирается, – вставил палач.

– Хорошо, – сказал священник и кивнул Обру, приглашая следовать за ним.

* * *

В сторожке было светло от недавно выбеленных стен, чисто и пусто. Белая печка, свежеструганный пол и одинокая табуретка в углу.

Невеста робко остановилась посреди горницы. В беленькой рубашке с кружевцами и какими-то бледными цветочками, в простенькой, до белизны застиранной полотняной юбке она казалась такой тонкой, что так и подмывало ткнуть пальцем в туго затянутый голубой шелковый пояс, проверить – переломится или нет.

Обр, в крови которого после вынужденного поцелуя скребли-стучали остренькие частые молоточки, заставлявшие все время двигаться, пружинисто обошел вокруг нее, как хищник вокруг насмерть перепуганной жертвы.

– Так сколько тебе на самом деле?

– Пя... Пятнадцать, – пискнула молодая жена.

– Н-да, старость не радость. А может ты, того... как мара лесная? К вечеру старая, с утра опять молодая?

Серые глаза широко раскрылись, тонкие бровки полезли вверх.

– Ты все это время думал, что я старуха? А я-то боялась, что ты ко мне приставать начнешь...

Обр взял красную сморщенную лапку с тяжелым кольцом на безымянном пальце, поднес к лицу, чтоб рассмотреть поближе.

– Чего у тебя с руками-то?

– С руками? – Анна осторожно отняла руку, поглядела на нее задумчиво. – Ну, я же на людей работаю. Мало ли что делать приходится. То стирать-полоскать, то рыбу солить... Соль, она едучая. Да у нас на рыбацком конце у всех руки такие.

– А одежда? Тряпки эти старушечьи откуда выкопала?

– А что одежда... Ношу, что люди дадут. У нас люди добрые, сирот жалеют. Вот, юбку и платок почти новый тоже отдали. А рубашка моя. Мамино приданое. Мама у меня белошвейка была. Для хороших домов шила. Красиво, правда?

Оправила складочки, обдернула юбку, повернулась кругом, слегка приподняв длинный подол.

– Страсть как красиво, – согласился Обр, смутно подозревая, что от него ждут чего-нибудь в этом роде.

Новых башмаков добрые люди сироте не отдали. Под юбкой оказались не очень чистые босые ножки. Маленькие, тесно сжатые детские пальчики. Чтоб не глядеть на них, Обр отступил к широкому окну, одним махом взлетел на подоконник, устроился в оконной нише.

– Красиво-то, оно красиво. А вот что мы теперь делать будем?

Девушка Анна вздохнула, чинно уселась на табуретку, аккуратно сложила руки на коленях.

– Так это очень просто. Дел сколько хочешь. Во-первых, крышу залатать надо. Потом щели в доме заделать. Еще огород вскопать. Одной мне не по силам было, а вдвоем справимся. Сажать поздновато немного, но ничего, лето теплое будет – все вырастет. Свои овощи заведутся – голодать не будем. А еще лодку починить. Ты конопатить умеешь? Вар у соседей попросим, а пеньку я уж давно запасла. Будет лодка – будет рыба. Я отцовские места знаю. Наймусь на солеварню, за работу солью возьму. Наловим – себе насолим, остальное продадим.

Обр внимал этим хозяйственным речам с приоткрытым ртом как некоему загадочному пророчеству, но при слове «рыба» встрепенулся и сказал: «Нет!»

– Что нет? Конопатить не умеешь?

– Не умею, – честно признался Хорт, – и крышу чинить не умею, и огород. А если съем еще хоть одну рыбу, у меня жабры прорежутся и хвост вырастет.

– Да ты не огорчайся, – утешила его Анна, – научишься. Жить-то надо.

– Ты че, правда думаешь, что я с тобой жить буду? Ты вообще соображаешь, что наделала? Или в самом деле так замуж приспичило, как ты им там расписывала?

– Нет. Замуж мне еще рано. Я слабая. Тяжелую работу делать не могу. Хвораю часто.

– Но тогда зачем?

Анна подняла на него серые глаза, полные чистосердечного изумления.

– Они бы тебя убили.

– Ладно. Я твой должник, – признал Обр. – Потом сочтемся. Но ведь я-то здесь не останусь, все равно уйду.

– Если уйдешь, тебя снова ловить начнут.

– Не поймают.

– Однажды уже поймали.

– Случайно. Не повезло. Так вот, пойми своей глупой головой, я уйду, а тебе здесь жить. С этими... – Он мотнул головой в сторону площади. – Тебе же никакой жизни не будет. Загрызут.

– Ну что ты. У нас в городе люди добрые. А разве тебе у меня было плохо? Ушел – и сразу вон чего случилось.

Обр уткнулся подбородком в сцепленные на колене руки.

– Плохо ли, хорошо ли, а я как всякий поганый смерд жить не стану. Я Хорт.

– Я знаю.

– Да что ты знаешь-то?! Мы, Хорты, – начал он и подавился словами.

Все, сказанное ему утром, все, о чем он просто не успел подумать, вдруг встало перед ним во всей своей ужасной сути. Будто туман разошелся, и он увидел это... Ряды виселиц в Больших Солях. Блеск серги в ухе мертвого Германа. Кровь на лице Маркушки.

Нет больше Хортов.

Да, его никто особенно не любил. Да, о последыше Свена вспоминали, только когда ему удавалось учинить какую-нибудь удачную пакость. Не вернись он однажды в Укрывище, никто бы и не заметил.

Но все же они всегда были за его спиной. Дед и отец, дядя и братья. Семь поколений воинственных предков. Могучий, опасный род Хортов, готовый вступить за любого из своих и жестоко отомстить за малейшее оскорбление. И вот теперь он остался один, один против всего мира. Как вчера в Укрывище. Как сегодня на площади.

Вываться бы отсюда. Бежать, двигаться, нестись сломя голову... Обр всем телом прижался, прикинул к оконной решетке. Стекла не было. Сырой воздух беспрепятственно вливался внутрь, холодными каплями оседал на разгоряченном лице.

А Маркушка... Ведь его тоже. Не будет больше ни кривой ухмылочки, ни рассказов, ни гостинцев, принесенных из Больших Солей, ни руки, отвешивавшей отеческие подзатыльники и изредка трепавшей Обра по волосам.

Стоя на коленях на подоконнике, Обр вцепился в решетку, рванул изо всех сил. Решетка даже не звякнула.

За решеткой бушевала черемуха. Маленький садик, зажатый в углу меж двух кирпичных стен храмовой ограды, до краев был полон дрожанием мокрых веток, цветочным запахом, белой цветочной пеной. Выбраться. Нырнуть с головой в сырую прохладу. Руки сами напряглись, разгибая прутья. Фигурные украшения в виде замысловатых завитушек впились в ладонь, сдирая кожу до крови.

Сзади что-то стукнуло. Обр оторвал от решетки саднившие ладони, вытер о рубаху, медленно обернулся.

Посреди горницы валялась упавшая табуретка. Рядом, бессильно откинув руку с тяжелым кольцом, лежала девица Анна.

– Эй, ты чего?

Никакого ответа. Больше всего Обра напугали открытые, совершенно пустые глаза. Мигом слетев с подоконника, он навалился на дверь, которая, разумеется, не поддавалась. Хорт забарабанил по ней руками и ногами. Внезапно толстые доски двинулись прямо на него. Он отскочил, едва не получив по лбу, и с опозданием сообразил, что дверь, похоже, и не была заперта. На пороге возник отец Антон в своей потрепанной ряске, поглядел вопросительно и тут увидел Анну.

– Что ты с ней сделал?!

– Ничего, – растерянно сказал Обр, – мы разговаривали и все. Честно. Ничего такого.

Отец Антон сгреб Анну в охапку, развернул к себе, принялся торопливо похлопывать по щекам.

– Нюся, – позвал он, – Нюся! Чего ж ты сомлела-то? Сроду за тобой такого не водилось. Этот тебя напугал?

– Нет, – шепнула Анна, – не пугал он меня... я не знаю... что-то голова закружилась...

– Да ты ела сегодня?

– Ела. А как же.

– Врешь. А это грех. Когда ты в последний раз ела как следует?

– Да я...

– Лучше не ври. Красиво выходит, как я погляжу. Последний месяц ты работала с утра до вечера, за день в два, а то и в три места норовила поспеть. Платили тебе, конечно, мало. Дурочку обмануть – дело нехитрое. Но ведь платили же – где едой, а где и деньгами. Голодать ты не должна. Я думал, ты на новую обувь купишь. Однако обновок у тебя никаких не прибавилось, да и еда, выходит, впрок не пошла. Так где ты прятался, парень?

– В лесу, – глядя прямо в укоризненные серые глаза, четко сказал Обр: нечего ее в это дело впутывать. – Знать ее не знаю и вообще в первый раз вижу. А если она чего говорить будет – не верь. Сам знаешь, она дурочка, ничего не смыслит.

– Угу. Она не смыслит, но ты-то должен. Как же ты, сидя в своем лесу, не заметил, что она не ест ничего, все тебе скармливают?

Обр уставился на бледную Анну. Ничего такого он, конечно, не заметил, да и не приглядывался особо, чего она там ест. Конечно, добровольно отказаться от своей доли могла только полная дура.

– Мне много не надо, – прошептала Анна.

Юный священник тяжело вздохнул, явно пытаясь не выпустить наружу все те слова, которые ему очень хотелось сказать Обру.

– Вот что, пойдём-ка посмотрим, что у меня на кухне делается.

С этими словами он подхватил Анну на руки и быстро вышел. Только чёрный подол в дверях взметнулся. Обра к трапезе не пригласили. Но он не огорчился. Дверь сторожки так и осталась нараспашку. Последыш Хортов выждал немного. Все тихо. Никто не топает, не орёт, оружием не бряцает. Тогда он снова метнулся к окну. Толстые прутья, конечно, раздвинуть не удалось, но острые витые финтифлюшки все-таки оказались погнуты. Щель все равно была слишком узкой. Но ведь об этом никому, кроме него, неизвестно.

Обр зацепился краем рукава за острое украшение, дернул посильнее. На решетке повисла полотняная полоска. Для пущего правдоподобия он обтер об нее все еще кровоточившие ладони и только после этого бросился к двери. Темный крытый коридорчик без единого окна. Направо – наверняка в дом священника. Оттуда тянуло пшенной кашей и доносились приглушенные голоса.

Хорт, не теряя ни минуты, кинулся влево. На одном дыхании миновав темную галерейку, он с разгону выскочил в пустой храм. Здесь любой шелест казался грохотом. Прерывистое дыхание Обра прокатывалось под сводами грозным эхом.

В главные двери, заложенные изнутри засовом, ломиться наверняка не стоит. За ними площадь, а на площади – добрые жители Малых Солей. Окна высоко и тоже в решетках. Ага, вот еще одна дверь. Стараясь не коситься на суровых святых, которые взирали на него крайне неодобрительно, Обр бесшумно пролетел через открытое пространство, нырнул под арку, взбежал по чугунной винтовой лестничке, выскочил в открытый люк и едва не врезался лбом в большой колокол. Но это было к лучшему.

Он невольно согнулся в три погибели раньше, чем сообразил, что тут ни в коем случае нельзя вставать в полный рост. Ползком, под сложным переплетением планок, рычагов и веревок, подобрался к фигурным чугунным перилам, распластался на полу, осторожно посмотрел вниз.

Внизу была площадь с развесистым дубом посередине, серая крыша острога в светлых заплатах свежей дранки, небольшая, но злобно гудящая толпа у дверей храма. Так, подниматься нельзя. Сразу заметят. Хорошо хоть, что красных мундиров нигде не видно. Ан нет, вон двое у самых дверей. Так же, ползком, Хорт перебрался на другую сторону колокольни. Теперь под ним была крыша храма. Не так уж высоко, если повезет, можно бы и спуститься, но не получится. Здесь тоже заметят. Ага, вон и еще солдаты. Стоят вдоль стены черемухового сада. Вон красный кивер¹² маячит. И еще один. И еще. Обр вздохнул поглубже. Растянулся поудобнее на мокрых досках.

Нудный дождик и не думал переставать. Сеялся и сеялся. На колокольне все было мокрым. На перилах дождик собирался в прозрачные крупные капли, веревки посидели от капель мелких, темные бока колоколов влажно блестели. Серое брюхо тучи висело так низко, что, казалось, его можно потрогать рукой. Или это Хорт забрался слишком высоко? Сейчас он видел все Малые Соли – скопище мокрых крыш, темно-красных черепичных и черно-пестрых, крытых осиновой дранкой¹³. Крыши горбатились, тянулись вдоль серого моря, которое нынче сливалось с таким же серым и влажным небом совсем близко от берега. Это давало надежду. Темно по-настоящему сегодня не будет... Время почти летнее. Но все же... все же...

Впрочем, пока свобода оставалась такой же далекой, как если бы он по-прежнему сидел в остроге. Колокольня была всего лишь ловушкой. Надо ждать. Внизу тулко лязгнуло, послы-

¹² Кивер – военный головной убор цилиндрической формы с козырьком.

¹³ Дранка – кровельный материал в виде пластин из древесины.

шались голоса. Сейчас поднимутся сюда, а деваться некуда. Ловушка! Придется драться, но это не поможет.

Позовут на помощь – и все, конец. Тогда уж не уйти. Обр даже за руку себя укусил от досады. Внизу грохнуло сильнее, снова послышался металлический лязг – и все, тишина. Заперли дверь и ушли. Совсем. Теперь, должно быть, уже до утра.

Понемногу сгущались сумерки. Толпа перед храмом быстро редела. Становилось все холоднее, но Обр терпел, с надеждой глядя на вал серой мглы, медленно приближавшийся к городским крышам. Вот исчезли причалы и домики рыбацкой слободки, вот мгла коснулась полосы крыш, вот очертания дуба стали расплывчатыми. Редкие огни на площади потускнели, окутались бледным ореолом. Город, и без того не шумный, будто накрыли толстой периной. Ну, еще чуть-чуть. Любопытно, почему до сих пор отец Антон не поднял тревоги? Не заметил, что его нет? Все еще утешает несчастную дурочку? Это немного покорило Хорта, будто дурочка была его собственная. Надо рассчитаться с ней. Как-нибудь потом, когда дела пойдут получше.

И тут дела обернулись совсем скверно. Туманная тишина внезапно наполнилась стуком и грохотом. На площадь ворвался конный отряд. Всадники спешили. Явственно послышался голос капрала. Слов было не разобрать, но чувствовалось, что сей воинственный муж очень зол.

Обр понял, что ждать больше нельзя. Привстав на колени, очень осторожно, чтоб никакой дурацкий колокол не звякнул, не брякнул, где руками, а где и зубами отвязал одну из веревок. Мгновенно захлестнул ее на чугунных перилах со стороны крыши, перемахнул через них и заскользил вниз, стараясь держаться как можно ближе к стене колокольни, чтоб не было видно с площади. Вербки до конца, конечно, не хватило. Хорт отцепился от нее и упал на свинцовую крышу. Без стука не обошлось, но он получился приглушенным. По-прежнему прижимаясь к стене колокольни, огляделся и понял, что ему повезло. На Малые Соли лег, наконец, тот густой непроглядный туман, которого он ждал весь вечер. Не стало видно ни креста, ни купола, ни самой колокольни.

На площади между тем разгорался скандал. Капрал орал на кого-то так громко и самозабвенно, что Обр решил рискнуть. Оторвался от стенки, не прячась, уповав только на туман, побежал к тому краю крыши, где, как он помнил, солдат не было. Слишком высоко, прыгнешь – без ног останешься, а то и хребет сломаешь. Некстати вспомнив несчастного Матвея Дудку, Оберон Хорт уцепился за водосток, повис на вытянутых руках, зажмурился и разжал пальцы. Падать он умел, но удар был все-таки очень сильным. Ноги пробило болью, отдалось в спине, отозвалось в недавно сломанных ребрах,хватило дыхание. Однако повезло. Земля под ним была мягкой, влажной. Повозившись немного и кое-как собрав руки-ноги в кучку, Обр повернулся и прямо перед собой увидел темные очертания домов, туманный просвет между ними и рванулся туда, не обращая внимания на боль. Куда угодно, лишь бы подальше от проклятой площади, петли под дубом и капрала.

* * *

Редкие освещенные окна казались бледными размытыми пятнами. В каком-то дворе закатилась, залаяла собака, шарахнулся в сторону случайный прохожий, но орать «Держи его!» не стал. Должно быть, ничего не разобрал в тумане. К счастью, большинство жителей отсиживалось по домам, пережидая непогоду. Длинная извилистая улица была пуста. Обр летел по ней в сумраке, густом, как вода, в душном черемуховом запахе, а она все не кончалась и не кончалась. Сады, призрачно-белые цветочные облака над черными заборами, черные островерхие силуэты домов повторялись, будто это длился сон, один из тех, когда бежишь куда-то и никак не можешь добраться.

Хорт уже потерял всякую надежду, но тут заборы раздвинулись, отступили, и он грудью врезался в жерди, огораживающие городской выгон, перемахнул через них и, почуяв волю, полетел так, будто крылья выросли. Вернулось ровное дыхание, душный запах черемухи исчез, побежденный запахом мокрой придорожной пыли. Сырой песок был упругим и твердым, не проваливался, не скользил под ногами, и Обр бежал с наслаждением, пока не споткнулся о толстый корень и не растянулся во весь рост. Сел, потирая ушибленную ногу.

Похоже, пригородные поля кончились. Он был уже в лесу. С обеих сторон дороги темнело нечто неясное, шевелилось в тумане, шуршало, капало. Так. Выходит, он все это время бежал по дороге. Это была такая вопиющая глупость, что Хорт даже подумал, не заразился ли он от той дурочки. На дороге конная погоня достанет его в два счета.

Он встал и с ходу нырнул в ближайшую темную тень, оказавшуюся густыми кустами. Продравшись сквозь скопище мокрых веток, Обр оказался в хорошем сосновом бору. Нечастые прямые стволы выступали из тумана в самый неподходящий момент. Бежать не получалось. Да и идти было трудно. Обхватив очередной смолистый ствол, он вдруг почувствовал, как земля медленно проседает под ногами. Присел и нащупал под корнями сосны широкую яму. Укрытие показалось подходящим. В яме было сухо и вроде не так холодно. «Пережду, пока туман рассеется, – решил Обр, – все равно передохнуть придется». Забился в обретенное убежище и стал ждать рассвета, слегка задремывая, но то и дело просыпаясь, благо холод и сырость не давали забыться.

* * *

Медленно светлело. Наконец туман стал молочно-белым. Должно быть, взошло солнце, но Обр по-прежнему не видел ничего дальше тонких кривых корней, свисавших над входом в его убежище. Потянуло ветром, корни согласно качнулись – и вдруг туман унесло вверх. Сразу будто занавеску отдернули. Обр ахнул. То, что он принял за стенку ямы, оказалось песчаным склоном прибрежного откоса.

Море лежало перед ним, гладкое, как полотно, бесшумно покачиваясь, лизало песок. На воде мерцала яркая дрожащая дорожка. Солнце уже поднялось над рогатыми скалами, било прямо в пещерку под корнями. Хорт потянулся навстречу горячим лучам. Так, расслаиваться нечего. Надо идти. Берег – это слишком опасно. Надо исчезнуть в лесу. В лесу его никто не найдет. «Только сначала согреюсь, – подумал он, – только согреюсь, и все».

Повелитель устало потер пальцами около глаз, осторожно коснулся ноющего виска. Ночь, проведенная над доской, миновала незаметно, но ход игры все еще не удовлетворял его. Князь, раззадоренный полным разгромом Хортов, намеревалсявязаться в новую войну, потихоньку присвоить богатый и хлебный Угорский край. Допускать этого Повелитель не собирался. Эта война была ему не нужна.

Пришлось долго и осторожно манипулировать важными фигурами при дворе, пожертвовать несколькими неважными, что повлекло за собой кое-какие перемены по всей стране. Но лучше малые жертвы, чем большая кровь. К утру позиция, наконец, сложилась, но выходило, что непременно придется ехать в княжескую столицу лично. Терять время на дорогу, тратить

силы на пустые беседы... Повелитель тяжело вздохнул. Ответственность слишком велика. Не время думать об удобствах.

Весьма довольный своим мужеством и готовностью жертвовать собой ради общего блага, он решил, что вполне заслужил хороший отдых, медленно пошел вдоль доски, случайно задел краем широкого рукава какую-то фигуру. Фигура качнулась, но устояла. Повелитель пригляделся, стремясь убедиться, что не сдвинул ее. Пешка. Та пешка, которую он еще вчера собственноручно убрал с доски. Висок прошло тупой мучительной болью. Да, тот самый парень с приметной сединой в волосах, который был должен умереть еще вчера. Парень мирно спал, да еще и улыбался во сне. По безмятежному лицу скользили теплые солнечные пятна. Неве- роятно. Доска отказывается служить? Минувшие столетия, когда ею пользовались редко или не пользовались вовсе, не прошли даром? Нет. Этого не случится. На его век хватит. Хватит с избытком. Безотчетно он толкнул лишнюю пешку пальцем. Пешка скользнула по доске и исчезла в темной области, на просторах Злого моря. Безлюдные моря и земли доска не пока- зывала никогда.

Глава 8

Обр встрепенулся, отгоняя дремоту. Нет, спать нельзя. Бежать, и как можно скорее! Тело ныло, будто от долгой неподвижности. В пещерке было темновато. Он осторожно выглянул наружу и от души выругался. Вот тебе и погрелся. Солнце ушло.

На прибрежном песке лежала неровная тень леса. Освещенным оставался только самый край у кромки прибоя. Ветер успел раскачать спокойное с утра море. Волны опять взялись за свою бесконечную работу.

Дурак ленивый! Проспал целый день. Обр высунулся из-под свисающих корней, чтобы оглядеться, и выругался снова, хотя грязные слова вряд ли могли помочь делу. Заколдованы они, что ли, эти Малые Соли? Всего в полуверсте чернели домишки рыбацкого конца, тянулись в море полосы причалов, торчали мачты пузатых кочей. От крайнего причала до этого откоса вообще рукой подать. Хуже всего было то, что на берегу между причалом и ближайшими домиками копошились человеческие фигурки, быстро двигались в сторону Обра. Бежать или переждать, спрятаться?

Хорт помедлил минуту и понял, что ждать не сможет. Хватит с него ловушек. Глубоко вздохнув, он выскользнул из пещерки, прижавшись к сосновому стволу, бросил последний взгляд на берег, но красных мундиров среди бегущих не заметил. «Интересно, чего это они всполошились?» – мелькнула праздная мысль. Впереди, путаясь в длинной юбке, все пытаюсь подобрать ее на ходу, бежала женщина, за ней в некотором отдалении – кучка парней разного возраста, от совсем пацанов до вполне взрослых. Один из них нагнулся на бегу и, ловко размахнувшись, бросил камень. Попал. Женщина споткнулась, но продолжала бежать. Обр уже слышал свист и крики парней. Еще один камень просвистел мимо, но брошенный следом кусок мокрого плавника сделал свое дело. От удара в спину женщина упала. Пока она пыталась подняться, первый преследователь оказался рядом, грубо схватил за плечи, содрал и отшвырнул прочь рванный зеленый платок. Зеленый платок!

Увязая по щиколотку, Хорт слетел по крутому песчаному откосу и только потом подумал, что бежит не в ту сторону.

Анна закричала, как зайчонок, попавший в силос. От этого крика у Обра потемнело в глазах. Подвернувшимся кстати куском плавника он шарахнул обнаглевшего парня по крепкому загривку. Бревно разломилось на две мало пригодные к бою половинки. Парень, охнув, обернулся. Девчонку ему пришлось выпустить. Хорт левой рукой отпихнул подальше несчастную дурочку, а правой с наслаждением врезал прямо по пухлым губам, по угреватому носу уточкой. Бить пришлось снизу вверх, парень был на полголовы выше, но все равно получилось удачно. Помогло толстое железное кольцо на безымянном пальце. Удобная вещь, оказывается. Кровь струей хлынула из разбитой губы и сломанного носа, заливая лицо и перед рубахи. Парень взревел и размахнулся, намереваясь дать сдачи. Обр, рассчитывавший как раз на это, летящий на него кулак пропустил мимо, карающую руку аккуратно перехватил и резко выкрутил, заодно развернув взывшего от боли парня лицом к остальным, чтоб видели. Крови натекло уже много, и Обр надеялся, что выглядит все это достаточно страшно. В конце концов, он же не кто-нибудь, а Хорт. Должны бояться. И верно, парни подбежали и остановились шагах в трех-четырех. Семеро. Еще один взрослый, остальные подростки, может, и помладше самого Обра. Но Хорт точно знал: такие гораздо опасней взрослых. Так и вышло. Старший встал как вкопанный, видно припомнив кое-какие рассказы о нраве Хортов. Остальные медленно приближались. Парень в руках Обра дергался, пытался достать его ногой и всякий раз начинал хрипеть от боли.

Ну что ж, семеро так семеро.

– Эй, Герман, – глядя поверх голов надвигавшихся противников, весело сказал Оберон Александр, – ты чего так долго-то?

Мертвый брат не подвел. Помог. Все как один испуганно обернулись. Воспользовавшись этим, Обр основательным пинком швырнул своего пленника, так что тот врезался прямо в живот второму двадцатилетнему амбалу, и они вместе повалились на песок. Пока они бранились, цеплялись друг за друга, пытаясь встать, Хорт быстренько разобрался с третьим противником. Без затей с разбега врезал ему ногой в пах. Парень повалился и завыл так, что даже жаль его стало. Себе Обр такого не пожелал бы. Краем глаза он заметил, как сбоку подбегается четвертый, норовя запустить камнем, а пятый, согнувшись, тянется к голенищу сапога. Хорт вовремя ударил ногой по кисти, уже сжимавшей нож. Нож взлетел, сверкнув в воздухе серебряной рыбкой, и приземлился прямо в подставленную ладонь. Маркушкины уроки всегда приносили пользу. Только не те, которые про столбцы. Эти еще ни разу негодились.

Второй здоровяк, спихнув с себя страдальца, рука которого была если не сломана, то уж точно вывихнута, поднялся, наконец, на ноги, весь в песке и чужой крови, двинулся было к Обру, но, увидев нож, призадумался. Хорт широко улыбнулся, скользнул взглядом по растерянным хмурым лицам и крутнул нож в пальцах. Фокус, которому он тоже научился у Маркушки. Видать, они уловили что-то в прищуренных Обровых глазах.

– Хорт проклятый! – подозрительно знакомым гнусавым голосом заорал кто-то из младших. – Висельник! Хватай его!

– Такой убьет – недорого возьмет, – нерешительно донеслось из задних рядов.

– Тебя даром уделаю, – пообещал Обр, оскалась по-волчьи.

Первым дрогнул бывший хозяин ножа, который еще не успел разогнуться. Так и рванул в сторону Малых Солей почти на карачках.

– На помощь звать надо, – солидно пробасил здоровяк с разбитым носом и, живо развернувшись, кинулся прочь. Через минуту на берегу вокруг Хорта было чисто. Парни быстро удалялись к городу.

Не обращая внимания на пару камней, брошенных в него с безопасного расстояния, Обр повернулся, отыскивая девчонку. Она сидела на песке, там, куда он ее толкнул, молча глядела на него большими от испуга глазами. Хорт ухватил ее за руку, заставил подняться.

– Это и есть твои добрые люди?

Девчонка посмотрела вслед убежавшим и вдруг вцепилась в Обра обеими руками, уткнулась в грудь, прижалась всем телом. Она не плакала, только мелко дрожала и дышала часто-часто, как смертельно раненный зверь. Цепкие пальчики тискали суровое полотно его рубахи.

Согреть ее надо, что ли. Хорт замер в растерянности, а потом все-таки решился, неуверенно обхватил трясущиеся плечи свободной левой рукой. Но этого показалось как-то мало. Правая рука выпустила нож и присоединилась к левой. Как ни странно, это помогло. Глупая девчонка обняла его за шею, уткнулась носом в самую грудную ямку, но дрожать перестала. Лишь ходили под рукой острые воробьиные ребрышки.

– Ты вернулся за мной, – прошептала она, – ты правда за мной вернулся...

– Угу, – сказал Обр в склоненную, обтянутую белым платком макушку. А что еще он мог сказать? Что-то щекотало его шею, точно муха. Он попробовал смахнуть ее, и пальцы наткнулись на тонкую светлую прядку, выбившуюся из-под платка.

– О, оказывается, у тебя волосы есть.

Прядка обвилась вокруг пальцев, мягкая, как беличья шерстка. Хорт слегка потянул за нее и, видно, сильно дернул. Нюска встрепенулась, оторвалась от него, заполошно завертела головой.

– Ты... Тебе нельзя здесь.

– Знаю, – согласился он.

– Ничего ты не знаешь, ты сбежал, а там такое началось.

– Чего там могло начаться-то...

– Сначала, конечно, ничего. Мы пришли, а тебя нету. Ну, Антоша сказал, что это к лучшему.

– Антоша?

– Ну, отец Антон. Моя мать с его теткой дружила, он меня с детства знает. Он хотел потихоньку домой меня отвести, но тут приехал господин капрал со своим отрядом. Воняло от них от всех, будто на площадь сто пудов тухлой рыбы вывалили. Злющие, страсть. Господин капрал как спешился, так сразу и начал орать.

Сначала разорвался, что тебя слишком рано повесили. Ну, Антоша сказал, что тебя не повесили, мол, древний городской обычай и все такое. Но это ему тоже не понравилось. Разорвался пуще прежнего. В острог хотел меня забрать. Антоша вступился. Это, говорит, дурочка, все равно ничего не понимает и никуда из своего дома не денется. Ну, я и пошла домой. А тебя теперь по всей округе ищут. Только они, верно, думают, что ты далеко ушел. Как спал туман, поскакали куда-то сломя голову.

– Угу, – снова сказал Обр, – а эти чего хотели?

Анна опустила голову, стиснула жалкие кулачки.

Хорт плюнул и, подхватив по дороге нож, потянул ее за собой.

– Ты куда? – пискнула Анна.

– В лес.

В прекрасный вольный лес, который ждал и манил, обещал надежное укрытие, покой и свободу.

– В лес нельзя, – вдруг уперлась Анна, – у них собаки.

– Ха. Собак обмануть ничего не стоит, – просветил ее Обр, – главное – найти текучую воду.

Анна кивнула и покорно побрела за ним, спотыкаясь на каждом шагу. Да, с ней прятаться будет труднее. Намного труднее. Опять же, если от собак бегать.

Тут Оберон остановился как вкопанный. Чего ее искать, воду-то. Вода лежала прямо перед ним. Много воды, способной навсегда отделить его от господина капрала и всех собак на свете. Последний из Хортов круто развернулся и побежал к причалу, волоча за собой девицу. При этом он все время поглядывал в сторону города, но там пока никто не появлялся.

У ближайшего причала качалось на привязи с полдюжину пустых карбасов¹⁴, пара больших шестивесельных, для выходов в открытое море, прочие поменьше, но такие же широкие, прочные, обитые по бортам еловой доской. В одном – какая удача! – лежали весла, валялся небрежно сложенный плащ, на корме – свернутые сети. Как видно, кто-то собирался на ловлю, да отлучился, оставив карбас готовым к отплытию. Обр не стал долго раздумывать, подхватил Анну, сунул в лодку, спрыгнул сам, рубанул ножом по веревке, закрученной вокруг мокрой сваи.

– Ты что! – пискнула Анна. – Это не моя. Моя там!

Обр оглянулся, увидел такой же прибрежный карбас с двумя веслами, но старый, побитый, глубоко осевший в воду.

– А это чья?

– Это Гладыша. Он на ночной лов собрался.

– Ага. Была Гладыша – теперь моя будет, – сообщил Хорт, воткнув нож поглубже в лавку и сноровисто отпихиваясь веслом от причала. Грести он умел. Грести и плавать в Усолье умели все.

Волна была небольшая, ветер дул в корму. Обр налег на весла, поглядывая в сторону берега. Там все еще было пусто и тихо. Лишь в отдалении спокойно шли двое, несли что-то

¹⁴ Карбас – парусно-гребное судно среднего размера.

длинное, свернутое. Небось снасть какую-нибудь для ночного лова тащат. Хорт принялся гребсти быстрее, надеясь уйти подальше, чтоб никто не мог разобрать, чья там лодка бултыхается в море.

– Так нельзя, – жалобно твердила дурочка Нюська.

– Можно, – не согласился Обр, – я точно знаю, сколько раз пробовал.

– Все равно нельзя.

– А так, как эти с тобой поступили, можно?

Нюська стиснула руки, затравленно оглянулась, но причитать перестала.

– Правило бери, – приказал Оберон. Кормовое весло болталось без толку, править приходилось самому, и это уменьшало скорость.

Анна встряхнулась, кивнула, но бросилась почему-то к мачте и принялась умело и быстро отвязывать обернутый вокруг нее парус. Парус хлопнул, развернулся. Девчонка ловко воткнула в отверстие в лавке отогнутую подпору, веревку на свободном треугольном конце зацепила за крюк в полу на корме. Одним движением встряхнула и разгладила в воздухе тяжелую мешковину. Обр только одобрительно присвистнул. Парус поймал ветер, лодка ходко рванулась вперед. Анна уселась на корме, вцепилась в кормовое весло, ногой уперлась в деревянный брус, приколотенный к днищу, всей грудью навалилась на тяжелую рукоять. Тоже уверенно, будто сто раз это делала. Карбас, качнувшись, повернул, стал уходить от берега. Обр поглядел-поглядел, как Анна сражается с правилом, вытащил весла, девчонку, пошатнувшись с непривычки, снял с кормовой скамьи, усадил у мачты, а правилом занялся сам.

– Все, мы в расчете, – сказал он.

– Как это? – не поняла Нюська.

– Ты мне жизнь спасла. Я – тебе.

Она задумалась.

– Нет. Ты мне еще должен.

– Это почему же.

– Я тебя два раза спасла, а ты меня – только один.

Обр тряхнул головой и рассмеялся довольный. Дурочка, а соображает.

Вышли из тени берега, ветер задул шибче, проклятушие Малые Соли уверенно удалялись, вытягивались в нитку вдоль Усольской бухты. Показались лесистые холмы за ними, позолоченные долгим летним закатом. Но на воде уже лежала тень. По берегу метались какие-то черные точки, но это Обра почти не беспокоило. В бухте, пользуясь хорошей погодой, мотались и другие карбасы под скошенными парусами. Отличить один парус от другого на таком расстоянии не смог бы никто. Когда он оглянулся в следующий раз, людей уже различить не смог, однако заметил, как над рыбачьим концом поднимается растрепанное облачко черного дыма. А вот и пламя. На расстоянии это казалось мирным далеким костром. Этакий добрый оранжевый огонек, который манит усталых путников к дому. Вдруг Нюська вскрикнула, вскочила, едва не оказавшись за бортом, но вовремя ухватила за мачту, да так и застыла возле нее.

– Эй! – позвал Обр. – Чего там? Погоня, что ли?

Нюська сползла вдоль мачты, жалким комочком съезжилась на лавке, закачалась, обхватив руками тощие плечи. Вот теперь она плакала, тоненько подвивая, тихонько всхлипывая.

– Ну, чего еще? – угрюмо поинтересовался Хорт. И правда, чего ей надо? Все так хорошо обошлось. Ловко всех одурачили, а она рыдает. Вон слезищи какие, больше глаз.

– Дом... – донеслось до него жалобное, – мой дом.

Обр пригляделся. Верно. Яркий костер на берегу вполне мог быть на месте старой хижины.

– Отплатили, стало быть, – хмыкнул он, – ну и ладно. Пусть горит. Чего там хорошего. Сама ж говорила – стены дырявые, крыша течет. Барахло твое старое сгорит – так туда ему и дорога.

Но Нюська плакала, не слушала его уговоров, уткнулась лбом в широкую лавку, всхлипывала и дрожала как давеча, на берегу. Ничего из ее причитаний разобрать было уже нельзя, кроме жалобного слова «мама» и невнятного бормотания «отец вернется – а дома нету». Обр понял, что простыми уговорами не отделаешься. Внезапно он кое-что вспомнил и, закрепив рулевое весло, перебрался к Нюське, устроился рядом на дне лодки.

– Вот, гляди, чего у меня есть.

Потянул девчонку за руку, разжал стиснутые пальцы, осторожно вложил в них стеклянную кошечку. Нюська словно и не видела ничего сквозь слезы, но схватила игрушку, стиснутый кулачок прижала к груди.

– А вот еще. – Обр покачал перед лицом зареванной девчонки серебряным сердечком на цепочке.

Нюська ахнула тихонько, попыталась цепочку поймать, но пальцы не слушались. Тогда Хорт собственноручно расстегнул нехитрый замочек, сам надел медальончик на тощенькую, обмотанную платком шейку.

– Не реви. Вот твои сокровища. Все при тебе, в целости и сохранности. А больше там ничего и не было.

Нюська снова всхлипнула, но хоть скулить перестала. Тогда Обр закутал ее в подвернувшийся под руку плащ, накрыл с головой, так что лишь один покрасневший носик остался снаружи, и вернулся к рулю. Решительно взялся за правило, потихоньку, пока позволял ветер, поворотил на север.

* * *

Солнце окончательно покинуло бухту, скрылось за поросшими сосной холмами, за дальними скалистыми кручами. Малые Соли отдалялись, сливались в одну серую полосу, тонули в тени берега. Только столб дыма поднимался к небу, да все еще сверкал медный крест на колокольне.

Зато Соли Большие вставали из воды во всем величии своих высоких крыш, башен и шпильей. Уже можно было различить тусклые огни на причалах и в прибрежных домах, фонари на высоких мачтах, остроконечную тень башенки охраны порта. Но Обру Большие Соли были без надобности, он держал на север, к маяку на Рогатом камне, к крутым откосам Козьей кручи. Хотя ночь была светлой, над маяком все равно плясало бледное пламя.

Ветер еще дул с запада, ровный, сильный, так что Хорт справлялся, хотя в море хаживал нечасто. Вскоре огни Больших Солей качались уже за кормой, зато черные утесы, оберегавшие выход из бухты, придвинулись почти вплотную. И тут парус провис, хлопнув, натянулся и снова повис бесполезной тряпкой. Лодку, потерявшую ход, тут же развернуло бортом к волне. «Скалы гасят ветер, – сообразил Обр, изо всех сил навалившись на правило, – надо браться за весла, пока не опрокинуло». Из-под плаща, все это время пролежавшего на дне лодки жалкой всхлипывающей кучкой, вынырнула Нюська. Глаза вспухшие, наплаканные, бледное личико в красных пятнах. Оглянулась, как только что вылупившийся птенец, испуганно уставилась на Хорта. Вскочила, ухватила за весла, несколькими гребками ловко отвела лодку от опасного места. Обр тут же решительно направил ее к входу в пролив.

– Ты куда правишь-то?! Куда тебя несет?!

– Туда.

Он качнул головой в сторону выхода из бухты, который был так близко, что уже казался широким. Вдали, между черных скал светилась серебром полоска лунной шири – то ли море, то ли небо, отсюда не разберешь.

– Туда нельзя! К берегу давай!

– Угу. А там господин капрал уже дожидается. С собаками.

- Да нельзя туда, – задыхаясь, жалобно вскрикнула Анна.
- Это почему? Там же большие лоды запросто проходят. Значит, и мы проскочим.
- Нельзя, – заупрямилась дурочка, – там Злое море.
- Ну да! А я думал, там молочная река – кисельные берега.
- Там Морская старуха. Стережет выход, ставит подводные сети.
- Ты еще про Морского змея вспомни, – ухмыльнулся Обр.

Дурочка, она и есть дурочка. Что с нее взять.

– Ты не понимаешь. Там мой отец погиб, – выдыхала-выговаривала Нюська в перерывах между гребками. – Год был плохой. В бухте рыбы не было вовсе. Ну, решили артельно в море идти. На больших карбасах. В первый раз хорошо сошло, во второй сошло, а в третий...

– А в третий никто не вернулся, – пробормотал Обр. За мотавшимся парусом он не видел Нюскиного лица, но был уверен – она снова плачет. – Стало быть, так, – сурово сказал он, – там еще неизвестно: либо потонем, либо нет. А здесь в Усолье меня наверняка убьют. Да и тебя не помилуют. Забыла, что ли?

Она не забыла. Мерные гребки прекратились. Весла беспомощно зашлепали по воде. Ветер отдернул в сторону серое полотнище. Дурочка, приоткрыв рот, смотрела на берег. Обр тоже оглянулся на сырую гальку под обрывом, обглоданные морем мокрые валуны, кривой сосняк, свисающие к волнам колючие ветви. Он представил, как белая фигурка останется на черных валунах. Лодка будет уходить все дальше и дальше, а фигурка становиться все меньше и меньше. Да наплевать! Баба с возу – кобыле легче. То бишь лодке тоже легче... Наверное.

– Ну че, остаешься?

– Парус убери, – тонким хрипловатым голоском велела Нюська, – через горло только на веслах.

– Так давай весла.

– Не, я сама. На руле тяжелее будет. Там течение крутит. Нынче шелоник¹⁵ сверху воду в бухту гонит, а отлив понизу назад в море тянет.

– Откуда знаешь?

– Отец рассказывал.

Нюська гребла легко, точно, ловко ловила веслами крутую волну. При этом, жмурясь, как напуганный котенок, все время бормотала что-то. Молилась, что ли? Впрочем, иногда из невнятного шепота выбивались отдельные слова: «Все время держи на полночь... против маяка поворота на запад... поперек течения гребь... возле приметной скалы, жила белая полосой выходит, бери влево, а то закрутит и расшибет... а как выход откроется – снова на полночь».

Обр все выполнял в точности, хотя взмок и запыхался, как мышь под метлой. Совладать с правилом в этой путанице течений, суматохе волн, отраженных от прибрежных скал и подводных камней, и вправду оказалось трудно. Нюська тоже притомилась, ворочала тяжелые весла все тише и тише, с легким стоном на выдохе, но держалась. И вдруг, прикусив тубу от натуги, втянула их в лодку, уложила вдоль бортов, развернула парус, который с треском натянулся, вобрал в себя западный ветер. После этого уселась, вцепившись обеими руками в лавку, втянула голову в плечи и снова плотно зажмурилась. Лицо белое, на закушенной губе капля крови.

– Все.

– Че все? – не понял Обр.

– Вон они, седые космы Морской старухи.

Хорт отвел с лица собственные космы, огляделся. Кругом не было ничего, кроме мерно вздымавшейся сине-стальной воды под прозрачными небесами и бледной зари на северо-востоке. В высоте качались редкие точки звезд, самых ярких, не боявшихся летней ночи. Кар-

¹⁵ Шелоник – южный, юго-восточный или юго-западный ветер, который может вызвать большую волну.

бас все еще ходко шел на полночь, удаляясь от черного бугристого берега. Над берегом высоко стояла луна, серебрились в ее лучах тянувшиеся от прибрежных скал длинные светлые полосы.

– Брось, – сказал Обр, которому все же стало немного не по себе, – это же просто пена. Старуху какую-то выдумала.

– Не я выдумала. Люди говорят, – не открывая глаз, скороговоркой зашептала Нюська, – Морская старуха ходит по дну, ставит сети меж подводных скал, ловит проходящие лодьи, губит моряков.

– Хм. Еще чего скажешь?

– А еще у той старухи муж есть – Морской старик.

– Тоже по дну ходит?

– Не, по небу летает. Есть у него летучий корабль – то маленький, как облачко, то громадный, как грозовая туча. И на том корабле возит он по свету черное горе, неминуемую погибель, все беды и все напасти.

– Ага. А хорошее тут что-нибудь есть?

– Откуда... Это же Злое море. Да ты не смейся! Вот в Белых Камнях был один, тоже все шутил, ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай не верил, пока не всплыла перед его лодкой Морская Пучина – Кругом Глаза¹⁶.

– Чего? Это зверь такой или рыба?

– Никто не знает. Кто видел – уж не расскажет. Хуже этого только Лодья мертвых.

Обр крикнул. Пустота, простор, слишком много неба вокруг и непривычно высокие волны кого хошь напугают и без страшных рассказов. Но дурочка не унималась.

– Говорят, если плыть и плыть прямо на полночь, вода станет густой, как смола, и откроется в ней бездонная яма.

– Прямо в море яма?

– Так рассказывают. И вот раз в год, в самую глухую зимнюю полночь подплывает к этой яме Лодья мертвецов. Неужто не слыхал? Она правда есть. У нас на рыбацком конце многие видели. И дядька Макар, и дядька Степан с сыновьями. Большая лодья. Паруса черные и все рваные. Но идет быстро, потому что весел много. За гребцов на этой лодье все, кто помер в минувшем году. А кто умер последним – тот у руля.

Рассказывая, Нюська так увлеклась, что даже глаза приоткрыла. Видать, надеялась поглядеть, как Хорт дрожит и пугается. Но он пугаться не стал.

– Те, кто умер в этом году... Хм... Это, значит, полная лодка Хортов. Неплохо. Глядишь, своих повидаю.

Нюська передернулась и зажмурилась поплотнее.

– Ты давай, кончай жмуриться, – хмуро велел Обр, – открой глаза-то.

– 3-зачем?

– Решать надо, куда пойдем. На полночь земли никакой нету. Или есть?

– Нету.

– Стало быть, только черная яма. В яму я пока не собираюсь. Значит, остаются восток и запад.

– Ты не понимаешь. Этот карбас для моря не годится. Маленький. На нем только вдоль берега ходят.

– Так мы вдоль берега и пойдем.

– Вдоль берега здесь тоже нельзя. Камни.

– А меж камней Морская старуха. Я понял. Пойдем осторожно, в отдалении. Скажи только: восток или запад?

– А куда нам надо?

¹⁶ Морская Пучина – Кругом Глаза – сказочное существо из мифологии; образ моря, наделенного сознанием.

– Куда-куда... Туда, где нас нет. Главное, подальше отсюда.

Нюська тяжело вздохнула, открыла глаза.

– На закат до самой Новой Крепи сплошные скалы, на три дня ходу при попутном ветре.

– А на восток?

– На восток до Сафонова креста тоже пристать негде. Камни, скалы, обрывы. Если и пристанешь, то наверх не вылезти.

– А потом?

– Крест на мысу ставили, у входа в хорошую бухту. До нее тоже не то два дня, не то три.

– Так, – прикинул Обр, – ветер у нас западный, значит, плывем на восток. А ты не сиди как засватанная. Я жрать хочу. Там где-то торба с едой была.

Нюська всполошилась, забыла, что надо бояться, покопалась под лавкой, вытащила большую торбу. Внутри оказался здоровенный рыбник и четыре толстые ватрушки. Ватрушки Хорт засунул обратно. В море предстояло болтаться дня три, не меньше. Рыбник же пристроил на лавке и с аптекарской точностью рассек ножом на две равные части.

– На, лопай.

– Мне столько не нужно.

– Нужно, – свирепо рявкнул Обр и впился зубами в поджаристую маслянистую верхнюю корку.

– Ешь, кому говорят, – промычал он с набитым ртом, – твой дружок в ряске сказал, что тебя как дитя малое кормить надо. Щас так и сделаю. Насильно все в рот запишаю.

Нюська уставилась на него перепуганными круглыми глазищами, вздохнула и робко отломала кусочек. Конечно, она была голодна. Кусочки исчезали довольно быстро.

Хорт порадовался, что его ничуть не мутит, хотя лодку то вздымало вверх, то неумолимо тянуло вниз. Рыбник был обильно сдобрен маслом и немного солоноват. Запить надо бы.

– Слышь, – вдруг испугался он, – а вода-то у нас есть?

– В носу бочонок, – отозвалась Нюська, – у нас без запаса в море не ходят.

– Эт хорошо, – сыто пробурчал Обр, озираясь в поисках ковша, – эт правильно.

– В торбе еще наливка, – робко сообщила Нюська.

– Потом. Когда до берега доберемся. Вот тогда я нарежусь. Всех помяну. И ближних и дальних.

Тут он заметил, что его уже никто не слушает. Дурочка снова сползла с лавки и спит, прижавшись щекой к сырому веслу. Хорт усмехнулся, но тревожить ее не стал.

* * *

Карбас качался мерно, как деревенская зыбка, туго натянутый парус тихонько гудел. Ветер уверенно гнал лодку на восток. В отдалении тянулся темный гористый берег, отчетливо различимый в стеклянном сумраке летней ночи.

Остыв от лихорадочной гребли в проливе, Обр начал мерзнуть. Ветер студил потное тело с прилипшей на лопатках рубахой. Поежившись, он потянул со дна лодки плащ, набросил на себя. Гладыш этот, видно, мужик хозяйственный, и плащ у него хороший, широкий, плотный, но от лежания на дне лодки отсырел, и резкий ветер все же умудрялся как-то прорваться сквозь пропитанную ворванью кожу. Спать по этой причине не хотелось. Да и нельзя спать. Унесет далеко от берега – конец, прибьет слишком близко – тоже конец, на камнях, в объятьях той самой старухи.

А вот дурочка совсем сомлела. Нюська съежилась у левого борта. Покрасневшие руки зябко обхватили острые плечики под тонкой рубашкой. Накрыть бы ее чем. Вылезать из плаща ради малахольной девчонки? Нет, таких глупостей Обр делать не собирался. Но все же придумал, как помочь горю. Сгреб дурочку в охапку и, завернувшись в плащ вместе с ней, уселся

прямо на дно лодки. Кстати, и дуть будет меньше. Замученная Нюська даже не проснулась. Лишь, цепляясь слабыми лапками за его рубаху, завозилась, как котенок за пазухой, и промяукала что-то: не то «мама», не то «милый мой». Какой уж там милый мог быть в ее жалкой жизни, Хорт не знал, да и знать не хотел. Проверил, удобно ли держать правило, с удовольствием вытянул ноги. Нюська угрелась, замерла, тихо дышала, уткнувшись Обру в подмышку. Теперь и ему стало тепло. Даже, пожалуй, жарко.

Злое море качалось под бледным небом с тусклыми льдинками звезд, луна канула за темный берег, зато впереди, на востоке все ярче разгоралась светлая полоса. Но Оберон Александр Хорт знал: до настоящего рассвета еще далеко. Он долго следил, как конец мачты чертит круги в светлеющем небе. Наконец, соскучился.

Нюська по-прежнему спала, уткнувшись лицом в его плечо. Разбудить, что ли? Или нет. Пусть ее... Узелок, которым был затянут новый, но теперь уж не очень белый платок, маячил прямо перед носом. Ага. Вот и дело нашлось. Распустить туго затянутый узел было нелегко. Обр долго возился, подцепляя грубыми непослушными пальцами плотные складки ткани, но все же справился, одолел проклятую тряпку. Освобожденные концы упали, и он медленно, пядь за пядью потянул платок в сторону. Никаких роскошных кудрей под ним не оказалось. Было бы что прятать. Волосы как волосы. Рыженькие такие, вроде сереньких. Легкие, слабые, такие же недокормленные, как сама Нюська. Зато пахли приятно. Морской травой и горькой полынькой.

Глава 9

Яркий слепящий луч зажег под сомкнутыми веками небольшой пожар. Обр вскочил и только чудом не вывалился за борт. Несколько мгновений он в ужасе озирался. Проспал! Вокруг только небо яркой утренней синевы и волны, бесконечные волны.

А... вот он, берег. Чернеет надежной полосой далеко на юге. Опасно далеко. Обр плюхнулся на лавку и торопливо повернул лодку к юго-востоку. Сколько же он проспал? Должно быть, не очень долго. Солнце стояло совсем низко. Злое море яростно сверкало золотой рябью, но даже это сверкание казалось холодным.

От перепуганных трепыханий Обра проснулась Нюська, села и, конечно, первым делом схватилась за голову.

– Ой, а где...

– Что где? – решил поразвлечься Обр. – Берег вон, никуда не делся. А если ты Морского змея ищешь, так он уплыл уже. Как тебя увидел, так сразу и слинял. Я, говорит, таких тощих не жру.

– Где мой платок?

– А, платок... так он того, развязался и улетел. Морской старухе обновка будет.

– Ой, а как же я теперь... – и смотрит с таким ужасом, будто осталась не без платка, а без головы.

– Ладно, – сжалился Обр, – на, получай. Я его спас, не дал погибнуть в пучине.

Дурочка шутку не поддержала. Вцепилась в мятую тряпку и принялась торопливо наматывать на голову. Обр наблюдал за этим без особого одобрения.

– Слышь, а зачем все это?

– Что зачем?

– Платки эти ваши. Городские девки хоть кружевные носят, прозрачные, а по деревням все до носа закутаны – от семилетних до семидесятилетних.

– Ну как же без платка-то, – рассудительно возразила успокоившаяся Нюська, прищурилась на солнце из-под руки, поглядела на берег, тщательно разгладила полотняные складочки. – Без платка никак нельзя. Вдруг кто из Хортов заметит.

– Ну и что?

– И украдет. Схватит и увезет в проклятое Укрывище.

Обр поперхнулся. Что бывает с теми, кого привозят в Укрывище, он знал очень хорошо. Не всем так везло, как Германовой Катерине. Ох, не всем.

– Хорты властны над телом и душой своих холопов, – надменно вымолвил он, – а тебе и вовсе поздно заматываться.

– Почему?

– Потому. Я Хорт, и я тебя увез.

Нюська наморщила лобик, призадумалась, чинно уселась, прикрыв подолом босые ноги, поглядела на Обра.

– А ведь верно...

Подумала еще немного, строго сведя тонкие бровки, вздохнула печально.

– Только неправильно все это.

– Что неправильно? – зевнул Обр

– Все. Я думала, все не так будет.

– А как надо-то? На коне тебя воровать? Мешок на голову, перекинуть через седло? Придушить еще можно для верности.

– Нет. Зачем воровать? Я думала, будет так. Вот сижу я на крыльце... или нет, лучше иду по улице... А навстречу он.

– Кто?

– Мой жених.

– Какой еще жених? – безмерно удивился Обр.

– Такой. Высокий и статный. Волосы светлые, глаза синие-синие.

Обр, смекнувший, что это все одни девичьи глупости, хрюкнул, но от смеха все-таки удержался. Впрочем, Нюська, вся в мечтах, ничего не заметила.

– И вот подходит он ко мне, берет за руки и говорит: «Наконец-то я тебя нашел. Больше ничего не бойся. Для тебя я сделаю все, что захочешь».

В этом месте Обр не выдержал и все-таки заржал в голос.

– Где ж ты таких видела? – спросил он, едва переводя дух.

– Нигде, – покорно согласилась дурочка, но ручонки стиснула, а глаза стали круглые и вроде уж мокрые.

– «Сделаю все, что захочешь!» Ха, как же! Все вы, бабы, захребетницы. Только о том и мечтаете, чтоб из мужиков веревки вить и жилы тянуть.

Истину эту поведал Обру Маркушка, а Маркушка редко бывал не прав.

На это дурочка ничего не ответила, лишь пристально разглядывала дальний берег, будто надеялась именно там обнаружить синеглазого придурка, способного ляпнуть такую глупость.

Обру вдруг стало обидно. Подумаешь, белые волосы, синие глаза.

– Я за тобой не бегал, – зло бросил он, – сама навязалась. Сидела бы лучше дома, ждала своего красавца.

– Они бы тебя убили.

– Тьфу!

Опять двадцать пять. Однако крыть было нечем.

Он тихо выругался и потянул из-под лавки полупустую торбу. Оставшиеся ватрушки были разделены по справедливости. Две Обр взял себе, две сунул Нюське. Она пыталась всучить ему третью, но он гордо отказался, хотя вполне мог съесть и третью, и четвертую, и пятую. После еды стали слипаться глаза. Он попробовал помочь горю, перегнувшись через борт и поплескав в лицо морской водой. Водичка оказалась обжигающе холодной. Такая убьет в два счета, быстро и верно, как стрелы Хромуши.

К несчастью, умывание помогло ровно на пять минут.

– Поспи, – сказала Нюська, – ведь всю ночь просидел.

– Ночь – волчье время, – проворчал Обр, растянулся на дне лодки, под голову сунул пустой мешок, накрылся плащом и тут же заснул.

* * *

Проснулся он бодрым, хотя спал не очень долго, и зверски голодным. Напился, тщательно заткнул бочонок, чтоб не пропало ни капли драгоценной влаги, свирепо потряс мешок, надеясь извлечь какие-нибудь завалящие крошки. Нюська, поглядев на это дело, принялась выбирать тянущуюся за кормой веревку. Вскоре из воды показалась сетка, полная рыбы.

– Вот. Обед.

– Ну и как ее... Где мы тут костер разожжем?

– Ее сырую можно. Многим даже нравится, если с солью.

Соль в лодке припасливого Гладыша, конечно, нашлась. Обр сел у правила и принялся наблюдать, как Анна ловко потрошит рыбу, нарезает тонкими ломтиками.

– Далеко еще до того креста?

– При таком ветре завтра к вечеру будем.

День был яркий, хотя по небу с запада на восток тянулись ряды облаков, то и дело закрывали солнце. Летучие тени скользили по воде, которая то вспыхивала, то погасала, делалась тусклой и серой.

– Хорошо бы пристать где-нибудь на ночь.

Моря Обр не боялся, но предпочел бы хоть немного побыть на чем-нибудь таком, что не швыряет тебя поминутно то вверх, то вниз.

– Не... Я же говорила. До самого креста сплошные скалы. Крест на то и поставлен, что, мол, приставать можно.

– Все-то ты знаешь. С чего тебя только подурушей прозвали?

– А я нечуй-траву искала.

– Чего-чего?

– Ну, трава такая. Не знаешь, да? Растет на дальних островах, где никто из людей не бывал. Там, за окомом. По осени вянет она, ветер ее срывает и носит по воздуху. Может и в нашу сторону занести. Кто найдет ее, тот будет ведать погоду, повелевать ветрами. Все по его приказу будет: и дождь, и вёдро. Захочет – шелоник подует, захочет – полунощник.

– Что-то я не слыхал, чтоб у нас в Усолье такие водились. То есть колдунов-погодников полным-полно, только пользы от них – кот наплакал.

– Ту траву найти очень трудно, потому что она, как от корня оторвется, становится невидима. И найти ее сможет только слепой, да и то если прямо на нее босой ногой станет. Тогда ему все и откроется.

– Так ты ж не слепая.

– А я глаза завязывала и после осенних бурь по берегу ходила, искала. Днем работать надо было, так я ночью.

– Босая?

– Босая. Все думала: вот буду владеть ветрами, прикажу им отыскать отцов карбас и пригнать домой. Да и людям облегчение было бы. На ловлю ходили бы без помех, возвращались бы при попутном ветре.

– Не нашла?

– Не, не нашла. Мне уж потом сказали, что она только слепым от рождения открывается.

– Значит, ты зимними ночами босая гуляла по берегу, да еще и глаза завязывала. Да... Такое в Малых Солях нескоро забудут. Быть тебе подурушей веки вечные.

– Да я тогда и вправду немножко не в себе была. Только ты меня не жалея. Дурочкой быть хорошо.

– Правда, что ли? – невнятно пробормотал Обр, запихивая в рот кусок рыбы.

– Ага. Вот люди рассказывают, жила-была одна дурочка, не то у нас, в Малых Солях, не то в Белых Камнях. А другие говорят, что и не у нас вовсе, а где-то под Новой Крепью.

– Угу. Верю. Дурочек везде сколько хочешь.

– И вот нагадали ей, когда она еще девчонкой была, будто выйдет она за князя, княжеского сына.

– Хм.

– И будто придет тот князь за ней на новой лодье с красным парусом.

– Вранье. Красных парусов не бывает.

– Не бывает. А она поверила. Каждый день ту лодью ждала, все на море глядела.

– Пока не померла от старости, – бодро предположил Хорт, обсасывая косточки.

– Нет! – торжественно заявила Нюська. – Она дождалась!

– Ух ты!

– Ранним утром приплыла большая лодья под красным парусом, сошел на берег прекрасный князь, княжеский сын, и говорит...

– Чего он ей сказал, я уже знаю, – не стерпел Обр, – дальше что было?

– Ничего. Он ее увез.

– Угу. И выкинул в первом же порту, или просто отправил на корм рыбам, или продал кому-нибудь.

Нюська посмотрела так, будто у него внезапно прорезались лосиные рога вкупе с кривыми волчьими клыками.

– Ты совсем глупый, да? Вовсе ничего не понимаешь?

В ответ Хорт только улыбнулся и положил в рот последний кусок рыбы.

– Не, я умный. Я точно знаю, благородные на деревенских дурочках не женятся. Никогда.

– А сам женился! – запальчиво возразила Нюська.

– Иначе они бы меня убили, – проговорил Обр тонким противным голосочком. Он и сам не знал, зачем дразнит глупую девчонку. Так, от скуки.

Скучно было нестерпимо. Ветер по-прежнему дул ровно, понемногу усиливаясь. Ряды облаков сомкнулись в одно сплошное серое поле, из которого по временам побрызгивал легкий дождик. По правому борту все тянулся скалистый берег с белой полоской пены, которая издали казалась совсем безобидной. Но даже неопытный Хорт понимал, что близко лучше не соваться.

Нюська помалкивала, хмурила бровки, косилась обиженно. От скуки Обр вырезал на лавке крест, потом стрелу, принялся было вырезать родовой герб Хортов, но тут девчонка заверещала: «Беляки прямо по носу!» Пришлось хвататься за правило, огибать невесть откуда взявшиеся скалы, верхушки которых в облаке белой пены едва торчали из воды. К скалам от берега тянулся длинный мыс, похожий на корявую руку. После него береговая линия резко пошла к югу.

Стемнело. Но настоящего мрака не было. Так, сероватые сумерки. Часы ночного бдения и плащ снова поделили по-честному, на двоих. Но, конечно, дурочка и не подумала его будить. Пригревшийся возле нее Хорт спал крепко. Проснулся только под утро, попытался припомнить, каким образом его голова оказалась на Нюськиных коленках, высунулся из-под плаща. Небо вновь было ясным, солнце еще не взошло, но над берегом поднималась, сияла цепь розовых, золотых огней.

– Это че такое? – забеспокоился он. Непонятного Обр не любил. Все непонятное могло быть опасным.

– Горы, – сонным голосом отозвалась Нюська, – я давно уж смотрю. Белые горы. В Усолье их не видно, хотя говорят, наши горы – отроги этих.

– А светятся почему?

– Сказывают, там, на верхушках, снег лежит и никогда-никогда не тает. Это он от солнца такой.

– Дура! Солнца-то нету.

– Это для нас нету. А там, на горах, всюю сияет.

Скоро солнце поднялось и для темных скал и холодных волн Злого моря. Горы потускнели, погасли.

На завтрак пожевали подсоленной, слегка завялившейся рыбки. Запили невкусной стоялой водицей.

– Меньше полбочонка осталось, – озаботилась Нюська.

– Ты ж говорила, к вечеру у креста будем.

– Кто знает. Это же Злое море.

* * *

Так начался второй день. Очень скоро небо опять затянуло. Ветер нынче был какой-то неровный: то вовсе стихал, то задувал так, что снасти стонали как живые. Обр сидел у правила,

поглядывал то на небо, то на далекую цепь горных вершин и, наконец, решил растолкать Нюську, прикорнувшую у мачты.

– Слышь, не спи. С погодой что-то не то. В случае чего я один не справлюсь.

– Тогда давай разговаривать, – сонно хлопая ресницами, согласилась Нюська.

- Ну, расскажи еще чего-нибудь.
- Про что рассказать-то?
- Давай хоть про горы эти.
- Про горы... А смеяться не будешь?
- Нет. Ври в свое удовольствие. Только занятно ври.
- Ладно. Там на горах, на белых снегах живут снежные птицы – Лебединые девы.
- А что они там делают?
- Летают.
- Со скалы вниз головой?
- Ты же обещал.
- Ладно-ладно. Не буду.
- У них крылья есть. Вот такие.

Со стороны моря низко и совершенно бесшумно, едва шевеля белыми крыльями, плыл над водой буревестник, самый большой, из тех, что никогда не садятся на землю.

- Паршивая примета, – припомнил Обр.
- Красивый. А примета и вправду плохая. Не выпустит нас Злое море.
- Ты рассказывай давай. Зачем они летают? Тоже, небось, предвещают пакость всякую.
- Нет. Они добрые. Увидеть их – к счастью. И помогают они во всякой беде, унимают скорби, лечат болезни. Сами ищут, кому помочь, и взамен ничего не просят.
- Хм. Ты, конечно, ври, но ври осторожней, чтоб хоть малость похоже на правду было.
- Так я не вру. Люди видели. Вот ты Белый луг знаешь?
- Ну, знаю. Это возле Вересковой кручи, за Волчанским бором.
- А знаешь, почему он белым зовется?
- Так это каждый дурак знает. Цветы там эти...
- Да. Белые колокольцы. Цветут от весны до самого снега.
- Ну и что?
- А люди помнят, когда там не было ничего. Пустошь и пустошь. Вереск, да кострец, да колючки всякие.

- Ну, семечко ветром занесло, от него и пошло все.

– Может, и ветром. Игнат из Белых камней рассказывал. Брат его родной коз в тех местах пас. Как-то под вечер – он как раз костерок запалил, ужинать собрался – ни с того ни с сего ветер поднялся при ясном небе, да такой сильный, что прямо с ног валило. Костер потушило, шапку с мужика сорвало. Побежал он за шапкой, поймал. Обернулся, смотрит – на пустоши люди. Много. Старые, молодые, дети малые. Кто сидит, отдыхает, кто стоит, на море смотрит. Одеты все просто, по-дорожному, в плащах теплых, но видно, не деревенские. Говорят тихо, медленно, будто горе у них, такое горе, что на белый свет глядеть не хочется. Брат Игнатов решил было, что мерещится ему, да тут один из них, главный видно, подошел, поклонился, попросил продать молока. Мол, дети у них устали, проголодались. Ну, подоили их женщины коз, детей напоили, спать уложили. Брат Игнатов костер зажег, посидел с мужчинами. Только про себя они ему ничего не рассказали, а больше расспрашивали как и что, да какая жизнь у нас в Усолье. А жизнь у нас известно какая. Слева Хорты, справа князь.

- Хортов не трогай!

– Да я не трогаю... После полуночи напал на Игнатова брата сон, да такой, что где сидел, там и повалился. Проснулся на рассвете – никого. Чисто. Даже костровища и того нет. Только вся пустошь в цветах. Качаются белые колокольцы, звенят печально, и звон такой, будто сама земля плачет. А места там глухие, дорог никаких. Брат Игнатов по тропке вниз побежал, думал, с детьми они далеко не уйдут. Смотрит – ни травинки не примято. Кроме старых козых следов – ничего.

- Куда ж они все делись?

– Как прилетели, так и улетели. Откуда, куда – никто не знает.

– А было тому брату счастье?

– Не знаю. Женился, говорят, счастливо. Деток много.

– Какое ж это счастье? Это самое настоящее горе. Хм. Знаешь что... Про крылатых девок я ничего не знаю, а вот про крылатого мужика слышал.

– Правда? – обрадовалась Нюська. – Расскажешь?

Великим рассказчиком Обр не был. Невеликим, по правде говоря, тоже, но историю Маркушкиного побега выслушал раз сто и мог бы повторить, не задумываясь.

– Друга моего на каторгу закатали.

– Ох! За что?

– Не твоего ума дело! Попал он гребцом на большую боевую лодью. Очень большую, у нас таких не строят. Гребцов так много было. Надрывались, мерли как мухи. Напарник у него помер, а сам он уже доходил, когда привели к ним одного. Такого... – Обр покрутил рукой, изображая крайнюю степень нежности, слабости и никчемности. – Маркушка думал, он и трех дней не продержится. Баланду не жрал. От сивухи, что перед боем давали, нос воротил. Дышать даже не мог, мутило его от запаха. От простого разговора краснел, как девка. Сразу видно, из благородных. Забили бы его, если бы не Маркушка. Прикрывал дурака, сколько было сил, жизни учил потихоньку. В общем, притерпелся тот парень, не помер. Через полгода и баланду с червивыми сухарями за милую душу трескал, и от сивухи не отказывался, а уж ругался так, что самого Маркушку завидки брали. И греб не хуже других. Маркушке облегчение вышло. Весло-то у них одно на двоих было. Так около года промаялись, а потом их лодья в заварушку угодила. Уж чего там было, Маркушка не видал, а только надстройки разнесло, мачту повалило. Она палубу пробила, здоровенная дыра получилась. Наверху все горит, сбоку вода хлещет. Кто орет, кто молится. Этот напарник Маркушкин первый понял, что главную цепь порвало, наверх кинулся, чуть не в самый огонь, и Маркушку за собой поволок. Скованы они были вместе. Вытащил его на корму, ни стрельбы, ни огня не побоялся, закинул как мешок за спину да прямо за борт и сиганул. Маркушка заорал, думал, тонуть придется. Цепь тяжелая, на дно утянет, и к гадалке не ходи. Только не потонули они.

– Почему? – выдохнула Нюська.

– Крылья у того парня выросли. Во. Во-от такие!

В этом месте Маркушка обычно начинал размахивать руками по-петушиному и норовил развести их как можно дальше. Размер крыльев всегда зависел от количества пропущенных перед этим стопок. Как раз в этом месте Обр еще в первый раз перестал ему верить.

Но Нюська поверила. Сидела, хлопала мохнатыми ресницами.

– А дальше?

– Дальше улетел он оттуда и Маркушку на себе вынес. Долго летели. Снизу море, сверху дождь. Летун этот уставать начал. Крылья у него намокли или еще чего. Цепь-то чуть ли не полпуда весом, да и Маркушка тоже – мужик здоровый. Над самой водой до какой-то скалы дотянули. Повезло. Как раз тогда отлив был. Пока тот парень без сил валялся, Маркушка камень нашел, стал цепь с них сбивать. Сначала сомневался, конечно. Боялся, что бросит его летун прямо на голой скале, когда свободу почует. Но потом решился. Бился, бился, руки в кровь содрал, но как светлеть стало, все ж таки разбил. При свете берег стало видно, только далеко, не доплыть. Тут как раз прилив начался. Вода поднимается, а парень этот крылатый не просыпается.

Маркушка давай его трясти, чует – тот весь горит. Глаза открыл, а видно – ничего не смыслит. Насилу ему Маркушка втолковал: мол, лететь надо, а то потонем. Тот встал, как былинка шатается, но крылья свои громадные все ж таки развернул. Тут уж Маркушка долго думать не стал, сам за него уцепился. В общем, до берега добрались.

– А дальше?

– Все, – отрезал Обр. Дальше Маркушка продолжал говорить, только если ему удавалось напиться в дым. При этом ничего, кроме пьяных слез и невнятных рассуждений о том, что все люди гады, выжать из него не удавалось.

– А где теперь этот Маркушка? – пристала любопытная Нюська.

– Там же, где и все, – хмуро отозвался Хорт.

– Ой!

– Все равно это вранье, – прибавил он, ежась от резкого ветра, и с сомнением взглянул на небо. На небе творилась непонятная кутерьма, путаница из длинных растрепанных хвостов и рваных туч, которые неслись на юг, толкаясь, как бараны в воротах.

– А вдруг правда? – вздохнула Нюська.

– Да, как же.

– Но ведь этот твой Маркушка и вправду сбежал.

– Сбежал. Прыгнул за борт и доплыл куда-нибудь. Там море теплое, не то что здесь. Тонуть, небось, одно удовольствие.

– Куда доплыл-то?

– Не знаю. Может, просто откупился. Донес на кого или взятку смог кому-нибудь сунуть.

– По-твоему, в мире одни гадости?

– В мире одни гады. Далеко еще до креста твоего?

Нюська наморщила носик, вгляделась в четкие как никогда очертания берега и расцвела улыбкой.

– Нет. Видно уже. Во-он там.

Обр шурился до тех пор, пока не разглядел далеко-далеко на юго-востоке короткую черточку, чуть поднимавшуюся над линией скал.

– Ну и глаз у тебя!

– Я же рыбацкая, рыбацкая дочь.

Через пару часов черточка превратилась в отчетливо видимый крестик. У Хорта прямо камень с души свалился. Качка, ветер и холодные брызги за двое суток надоели ему до смерти.

Он глядел на крест и не понял, почему Нюська, взвизгнув, рванула на себя подпору, державшую парус развернутым. Парус опал. Хорт, спохватившись, сбросил петлю кормовой растяжки. Нюська обхватила рвущееся из рук полотнище, попыталась наскоро привязать его к мачте.

Управились в последний миг перед тем, как их накрыл вихрь дождя пополам с ледяной крупой. Мелкие льдинки хлестали по липу. Море вокруг кипело от падающих капель. Удар ветра был так силен, что легкий карбас, несмотря на все усилия Обра, развернуло бортом к волне. Второпях затянутый узел не выдержал. Парус рванулся, взлетел громадным серым флагом. Лодку положило на бок. Полотно коснулось воды, мгновенно намокло, отяжелело, не давая суденышку выпрямиться. Хорт прыгнул к мачте, наискось полоснул ножом.

Карбас все-таки черпнул бортом, но выправился. Мокрая парусина сползла за борт, быстро исчезла в кипящей пене. Вдвоем они навалились на правило, развернули карбас носом к волне. Из мглы радостно вырвалось солнце. Осветило снежно-белые вершины туч и белые пенные гребни.

– Ниче себе! – высказался Обр.

– Злое море, – шмыгнула покрасневшим носиком Нюська, – погибельная пучина.

– И что теперь?

– Теперь только на веслах.

Хорт уселся на весла сам. Ему казалось, что так будет быстрее. Нет худа без добра. Шквал оказал им услугу. Крест маячил уже совсем близко. Хорошо было видно, какой он громадный, старый и прочный, намертво вросший в землю, истерзанный всеми ветрами Злого моря.

– Держись! – крикнула Нюська.

Теперь они были готовы. Новый шквал, свистопляска дождя, волн и ветра. Когда все кончилось, наконец заочневший Обр обнаружил, что берег исчез, провалился куда-то, будто и не было его никогда. На юге и западе стояла сплошная серая пелена, с севера нависал темный вал следующей тучи.

– А теперь что? – Он злобно уставился на Ньюску, как будто она была во всем виновата.

– Теперь по солнцу, – пискнула мокрая как мышь Ньюска, посмотрела на бледное пятно, метавшееся между облаками, и принялась споро вычерпывать плескавшуюся в лодке воду, – прямо на юг.

Хорт ругнулся для бодрости, подышал на руки, чтоб отогреться, и вновь взялся за весла.

Берега они так и не увидели. Тучи с севера шли гораздо быстрее, чем бултыхавшаяся в воде лодчонка. Сквозь летящий снег Обр едва различал Ньюску, всем своим тщедушным телом навалившуюся на правило. Сам он повис на рвущихся из рук веслах. На совесть сработанный карбас, обшитый по бортам сосновой доской, прыгал по волнам как поплавок. Но если их вновь развернет боком – конец. Вновь вода засверкала под прорвавшимися из-за туч лучами. Хорт потрянул мокрой головой, избавляясь от лезущих в глаза волос, быстро огляделся. Вокруг стремительно перемещались клубящиеся завесы из дождя и снега. Метались меж ними злые пенные волны. На востоке повис яркий обрубок радуги, а наверху, высоко-высоко – будто смотришь со дна колодца – синел-светился кусочек неба с сияющей белой птицей. Буревестник, будь он неладен. Накаркал беду и радуется. Хотя буревестники вроде бы не каркают? Ну, значит, накаркал. Хорошо ему там, над тучами.

Обр яростно навалился на весла. Раздался треск – и сильнейший удар в грудь сшиб его с лавки. Правая уключина, выломав кусок борта, скользнула в море. Правое весло, мешавшее подняться задыхающемуся от боли Хорту, последовало за ней и сразу исчезло из виду. Карбас накренился. Левое весло беспомощно билось о борт, грозило разнести его в щепки. Хватая ртом воздух, Обр все же поднялся, стал на колени, попытался втянуть весло внутрь, сам едва не вылетел за борт и в конце концов вытащил из воды бесполезную палку с кривым обломком лопасти. Лодку косо волокло на гребень огромной волны. Пробитый борт черпал воду.

– А теперь что, прах гнилой?! – заорал он.

– А теперь мы умрем, – едва слышно донеслось в ответ. Сказано это было безнадежно, с полной покорностью.

– Да ни за что! Накося выкуси! – Цепляясь за что попало, он перебрался на корму, ухватился за правило. – Я не могу помирать. У меня на этом свете еще дел полно.

Совсем близко оказалось перепуганное лицо Ньюски.

– Злое море не спрашивает. Можно, я за тебя держаться буду? А то страшно очень.

Вот дура! Страшно ей! В ногу ему ткнулся болтавшийся в натекающей воде ковш. Он схватил его, сунул Ньюске в руки.

– Вот за это держись!

Она кивнула и послушно принялась вычерпывать воду.

– Кого... должны повесить, тот не потонет, – прохрипел Обр, цепляясь за разбухшую от воды рукоять кормового весла, – слыхала?

– Слыхала.

– Стало быть, не потонем мы. Главное, держать против ветра.

«Держать против ветра!» – скоро в его голове осталась только эта мысль. Несмотря на Ньюскины отчаянные усилия, карбас, отяжелевший от воды, слушался плохо. Понемногу он стал казаться Обру продолжением собственного тела, таким же усталым, окочневшим, неповоротливым. Солнце больше не выглядывало из-за туч, море и небо сомкнулись, заключив лодку в непроницаемый кокон из воды и ветра. Стемнело, но Хорт потерял счет времени и не мог догадаться, ночь ли наступила, или просто тучи стали слишком плотными. Скоро он уже едва различал Ньюску, копошившуюся с ковшом у мачты. Ковш поднимался все реже и реже

и, наконец, выпал из ослабевшей, посиневшей от холода лапки. Стоя на коленях, девчонка прижалась к борту. Совсем застыла. Сейчас либо смоет ее, либо за борт выкинет.

Обр рискнул оторваться от правила, ухватил дурочку за одежду, подтянул к себе, содрал с головы дурацкий платок, пропустил тряпку у нее под мышками и пристроил девчонку у себя за спиной. Затянул узел на груди, проверил, крепко ли, и вновь ухватился за мокрую рукоять. В который раз хлынул ледяной дождь, но застывшая кожа лица уже почти ничего не чувствовала. Ноги тоже.

Плохо дело! Похоже, они сначала замерзнут, а уж потом потонут. Или все-таки потонут раньше. Волны стали такими, каких, Хорт был твердо уверен, на самом деле и не бывает. Может, ничего этого и вправду нет. Сон такой, про Злое море, погибельную пучину.

Пучина глядела на него из каждой волны тысячами холодных глаз. Морской змей вздымал над волнами чешуйчатые скользкие кольца. Бородатый старик соткался из дождя и пены, летел над водой, тянул к Обру бледные руки и все никак не мог дотянуться.

Карбас подняло так высоко, что Хорт решил – все, конец, и тут в отдалении мелькнула чужая лодья. Ее несло по гребням со страшной быстротой, рваные паруса трепались по ветру. Только бы увидели! Только бы не исчезли в струях дождя!

Обр попытался разомкнуть застывшие губы, позвать на помощь. Конечно, его не услышали, но видно, ветер дул в нужную сторону. Очень быстро лодья оказалась совсем рядом. За кормовым веслом сидел мужик в косматой шапке, надвинутой так низко, будто никакого лица у него и вовсе не было, а на носу, сложив руки на впившемся в палубу посохе, подставив ветру непокрытую белую голову, стоял Дед. И все они были здесь. Сидели на веслах. Отец, Ольгерд, Сигурд. Блеснула золотая серьга Германа. Маркушка перегнулся через борт, призывно махал рукой.

Вот и все. Сейчас его подберут. Его место среди Хортов. А другого места для него нет. Ни на земле, ни в море. Застывшие пальцы не хотели отпускать правило. Грудь сдавил намокший Нюсский платок. А ведь с Нюской к ним нельзя. Обидят. Вот еще, навязалась ему на шею...

Карбас провалился вниз, лодья взмыла на самый гребень. Дождь сменился мокрым снегом, окутавшим все почти непроницаемой пеленой. Снег летел прямо в лицо, застилал глаза. Обр замотал головой, утерся сгибом локтя, и тут ему показалось, что у мачты кто-то стоит. Лодья мертвых его почему-то совсем не пугала, но это напугало до дрожи, хотя высокая тень, внезапно возникшая в лодке, вела себя тихо, не выла, страшных слов не говорила, рук к Хорту не тянула, только цеплялась за мачту, прижималась к ней, будто пыталась слиться с лодкой в одно целое.

– Эй, ты кто? – смог выговорить Обр.

В этот миг и лодья, и тучи, и безумные волны скрылись из глаз. Все заслонил взмывший, распахнувшийся над лодкой громадный белый парус. Он сиял сквозь темноту, сквозь снег и летящую по ветру пену, закрывал полнеба, подрагивал, изгибался, ловя ветер, но не исчезал, оставался настоящим, плотным, живым. По всем законам карбас должен был немедленно опрокинуться. Такой парус был бы слишком велик и для большой лодки. Но текущая как решето, тяжелая от воды лодка не опрокинулась, а, напротив, бодро рванулась вперед. Хорт все еще держал правило, но проку от этого не было никакого. Карбас неся, перескакивая с гребня на гребень, едва касаясь воды, так что кормовое весло то и дело обнажалось полностью. Парус звенел от натуги, и кто-то стоял у мачты, совсем близко, но разглядеть его было нельзя.

Внезапно Обру стало так страшно, что он все-таки отпустил весло. Все что угодно, лишь бы не быть рядом с этим... этим непонятно чем!..

Глава 10

Стиснув зубы, он перевалился через борт... и шлепнулся на мокрое, но твердое. Было похоже, будто вся вода разом ушла, обнажив гладкое склизкое морское дно. Ну ничего себе! Отливы, конечно, случаются, но не так внезапно.

Мысль о том, что все это ему кажется, Обр отмел сразу. Песок был самый настоящий, сырой и холодный. Грудь болела, мучительно ныли замерзшие ноги. Он закопошился, как краб, пытаясь встать, приподнялся на руках. Вокруг по-прежнему бились волны, шипели, оставляя за собой грязную пену. Почти перед самым носом зябко переступали запачканные песком узкие ступни, красные от холода босые пятки. Рядом с ними уверенно стояли большие мужские башмаки, мягкие, хорошей кожи, с завязками у щиколоток.

Хорт некоторое время пялился на эти завязочки, а потом поднял голову, и челюсть отвалилась сама собой. Прямо перед ним обнаружилась Нюська, похожая на только что выловленного из воды недоутопленного котенка. В этом, конечно, не было ничего особенного. Но рядом с Нюской, твердо расставив длинные ноги, стояла ее золотая мечта – красавец-жених, высокий и статный. Одет он был, правда, не по-княжески. Штаны, безрукавка, серая от влаги рубаха. Любой рыбачок из Усолья мог бы носить такое. Но зато мокрых белых волос за спиной моталось столько, что хватило бы набить средних размеров подушку, а лицо...

По лицу Обру захотелось немедленно врезать. Никто на свете не имеет права расхаживать с такой наглой рожей.

Красавчик держал Нюську за обе лапки, да еще и ко рту их поднес, видно грел дыханием. А уж смотрел... Смотрел он на нее так, что Обр понял: просто врезать – мало. Таких надо убивать. Без пощады.

Но дурочка тоже хороша. Парень был намного выше, и она глядела на него снизу вверх, запрокинув голову, прямо тянулась, как цветок к солнцу, даже на цыпочки привстала.

Та-ак. Не просто убивать, а с особой жестокостью, по способу дядьки Ольгерда.

Парень счастливо улыбался, будто невесть какое сокровище нашел, и что-то втолковывал дурочке сладким голосом. Мягко так, будто сытый кот мурлычет. А потом, змеище подколотый, обнял за плечи и потянул за собой. До этого дурочка все кивала, соглашалась с каждым словом. А тут вдруг воспротивилась, замотала головой.

– Не трожь ее! – хрипло прорычал Хорт и резко встал с твердым намереньем первым делом расквасить красавчику нос.

Это было ошибкой. В глазах потемнело, и земля, качнувшись, ушла из-под ног.

* * *

Ему отчаянно терли уши, а потом принялись лупить по щекам. Обр зарычал, немедленно дал сдачи и без промаха угодил по всхлипывающей Нюське, которая возилась рядом, пытаясь привести его в чувство.

– Где он?

– Кто?

– Ну такой... весь из себя... князь твой...

– Чего? – ошарашенно спросила она, отстранилась, давая оглядеться, и Хорт тут же понял, что сморозил глупость.

Он сидел на дне карбаса, по самые борта ушедшего в песок. С обеих сторон узкой песчаной косы было море. Чудом уцелевшее кормовое весло болталось в воде, как хвост дохлой рыбы. Волны перекатывались через узкую полосу земли. Коса тянулась на юг, к лесистому

берегу, такому далекому, что деревья над светлой линией прибоя сливались в одну серо-зеленую полосу. Кругом ни лодки, ни человечка, на песке никаких следов.

– Как мы сюда?..

Нюська пожалала плечами, улыбнулась растерянно.

– Выкинуло, значит. – Обр поскреб в затылке, провел ладонью по лицу, отбросил назад мокрые волосы. – Во, я ж тебе говорил, не потонем! Не судьба мне утонуть.

Ухватившись за борт, рывком поставил себя на ноги, поежился от сразу налетевшего ледяного ветра, мельком подивился тому, что не так уж и мерзнет, еще раз осмотрелся. Пустое всклокоченное море. Ни единого паруса. Лишь беляки идут рядами до самого берега. На берегу ни дымка, ни крыши. Только лесистые холмы, дюны, далекие горы в сером тумане. Внезапно Хорту страшно захотелось на берег, в лес, в темную шелестящую тень. Морем он был сыт по горло.

– Где мы, не знаешь?

Девчонка покачала головой, возвела к серому небу задумчивые серые очи.

– Несло нас вроде на юго-восток, а потом повело, закрутило. Очнулась я уже тут.

– Ага. А вот интересно, щас у нас что: утро или вечер?

– Утро, наверное.

– Почему?

– Не знаю.

– Ну ладно, не век же здесь сидеть. Только бы до леса добраться. Лес и прокормит, и обогреет.

– Пошли, – с готовностью согласилась Нюська, повернулась и вдруг всполошилась, запрыгала, замахала руками.

Обр пригляделся. Далеко-далеко бледным пятнышком маячил, качался в волнах косой парус.

– Помогите! – пищала она.

– Тихо! Чего разоралась?

– Так там же... так вон они...

– А ты знаешь, кто они? Может, там солдат полная лодка.

– Ой! Мы же далеко уплыли.

– А если недалеко?

Лодка понемногу увеличивалась в размерах. Уже стало заметно, как дружно поднимаются и опускаются черточки весел.

– Так, – сказал Обр и, скривившись от боли, сдернул с руки кольцо. В кровь содрал намятую под ним мозоль. Раньше надо было от него избавиться. – Свое тоже давай.

– Зачем? – удивилась Нюська, торопливо шарившая в лодке, разыскивая драгоценный платок. Нашла и пригорюнилась, разглядывая грязную, мятую, насквозь мокрую тряпку.

– А вот зачем, – хмыкнул Хорт, стянул с ее пальца свободно болтавшийся железный ободок и, широко размахнувшись, зашвырнул оба кольца в море.

Молодая жена ахнула, вывалилась из лодки и вроде бы попыталась схватить его за руку.

– Дура! По ним нас в два счета узнали бы.

Вспомнив об особых приметах, он заглянул в лодку. Нож не пропал. Торчал из лавки на прежнем месте. Обр выдернул его, рукояткой вперед сунул растерянно хлопавшей глазами Нюське.

– Эй, очнись! Гляди на меня. Седую прядь видишь?

Она кивнула.

– Режь под корень, чтоб духу ее здесь не было.

Нюська поняла, поднялась на цыпочки, зажала в кулак слипшиеся волосы. Обр наклонился, чтоб ей было удобней, и пробубнил в холодное ушко:

- И не вздумай ляпнуть, что мы муж и жена.
- Брат и сестра? – тихонько предположила дурочка.
- Нет. Вообще чужие. Не похожи мы, да и ни к чему это. А как в одной лодке оказались...

Придумай что-нибудь, ты умеешь.

Драную смертную рубаху Обр стянул через голову и наскоро закопал в песок. Мерзнуть без рубахи долго не пришлось. Лодка приближалась и скоро закачалась совсем рядом. Широкий и крепкий шестивесельный карбас с приспущенным парусом. Шесть жилистых мужиков на веслах, седьмой у правила на корме, восьмой на носу. Все они махали руками и что-то орали. Хорт понял: не хотят подходить поближе. Боятся тоже угодить на мель.

Нюска кинулась было в воду и взвизгнула. Злое море есть Злое море. Вода по-прежнему была ледяная. Обр крикнул, подхватил дурочку на руки и медленно пошел к лодке. Силенок у него все-таки сейчас было маловато. «Либо волной сшибет, либо ноги сведет от холода», – обреченно подумал он после десятка неуверенных шагов. Но все же дошел, добрел по пояс в воде, передал «сестру» в протянутые руки. Потом и его самого перетащили через борт, пихнули на дно, в скользкую кучу свежевывловленной рыбы, накинули на плечи чью-то еще теплую робу, сунули в руку флягу с отчетливым сивушным духом. Обр задержал дыхание, сделал вид, что пьет. Он знал: доверять нельзя никому, тем более чужим. Тут жди любой подлости.

Закашлялся напоказ, выдохнул и прохрипел: «Откуда идете?» Оказалось, из Кривых Угоров, что под Городищем. Это ему ничего не говорило. Выразительно посмотрел на Нюску, по уши закутанную в другую робу. Та шмыгнула носом и принялась врать. Глаза ясные, голосок тонкий. Врет и сама в это верит. Не всякому такое дано. По ее словам выходило, что они жили в каких-то Еланях, что под Новой Крепью. Мол, Обр подрядился ее в эту самую Крепь отвезти в базарный день, поплыли, а тут ветер, буря...

Дальше уж и ничего выдумывать не пришлось. Мужики кивали, сочувствовали, дивились только, что они уцелели. Один сказал, что до Новой Крепи отсюда чуть не месяц ходу, ежели при хорошем ветре. Другой пробурчал, мол, их Угорам повезло, что эта буря стороной прошла. Потом вспомнили как три года назад Высокие Гривы снесло начисто.

– А хоть бы и нас снесло, – проворчал кто-то, – тогда б полюдьё платить не пришлось.

– Ага, – возразили ему, – князь наших дел не разумеет. Снесло, не снесло, а полюдьё подай вовремя.

Снова все покивали, соглашаясь, а Обр порадовался, что не выпил ни капли. Выходило, что они все еще на земле князя.

– Слышь, парень, а че там горело-то? – спросил рулевой.

– Где? – лениво пробормотал Хорт, изо всех сил старавшийся не глядеть на волны.

– Да на косе, где вы сидели.

– Ниче не горело. Чему гореть-то. Сырое все.

– Вот и я говорю. Нечему там гореть. Помстилось, значит.

– Всем помстилось? – возразил кто-то из гребцов. – Все видали. Яркий огонь, белый, как на маяке. Мы только оттого к косе и двинули, поглядеть, чего это.

Обр пожал плечами и прикрыл глаза. Век бы это море не видеть! Скорей бы берег.

Повелитель прохаживался вдоль стола, постукивая ручкой лопаточки по губам, посматривал на доску. Цель, к которой он шел годами, медленно, осторожно выигрывая одно сражение за другим, была близка. Фигуры, сильные и слабые, связанные невидимыми

узами, готовы служить ему. Впрочем, большинство из них пребывало в счастливом неведении, полагая, что просто живет. Так оно и было. Они жили, плодились и умирали, как бессмысленный скот. Он же тихо строил из их жизней нечто высшее, что должно послужить отдаленной, но прекрасной цели.

Глава 11

Берег оказался самым обыкновенным. Причалы, растянутые для просушки сети, корка крыш над бурными горбами дюн. Ни дать ни взять Малые Соли, только вместо колокольни серая от времени деревянная часовня на крутом бугре.

Под навес с длинным столом для чистки рыбы набилась куча народу. Похоже, вся деревня сбегалась поглядеть на выловленных утопленников. Никаких солдат. Обычные смерды в вонючих робах и серых армяках, дедок с клюкой, несколько женщин с широкими обветренными лицами, любопытные мальчишки, которые все норовили пробиться поближе к Обру и жавшейся к нему девчонке. К этому времени Хорт снова начал мерзнуть, и ненасытный желудок опять напомнил о себе. Стараясь не думать о еде, он лежал с закрытыми глазами и усердно прикидывался, будто ничего не соображает, но чутко прислушивался к тому, как рыбацки обсуждают, что с ними делать. С приободлившейся по пути к берегу Нюської разобрались быстро. Растолкав мужиков, перед ней встала руки в боки сухопарая тетка в мужских сапогах, высоко подоткнутой юбке и длинном глухом переднике.

– Он тебе кто? – сварливо спросила она, нависнув над девчонкой.

Обр замер.

– Никто, – прошептала Нюська.

Все-таки и дурочке можно что-то втолковать. Если, конечно, постараться.

– Коли так, нечего тебе здесь среди мужиков торчать. Что делать умеешь?

– Стирать, готовить, за скотиной ходить, за детьми тоже, рыбу потрошить, солить, на солеварне тоже могу, – принялась старательно перечислять Нюська.

– Вот и славно, – слегка смягчилась тетка, – со мной пойдешь.

Дурочка заколебалась было, покрепче вцепилась в рукав Обровой робы, но Хорт незаметно подтолкнул ее, и она послушалась, ушла с суровой теткой, хотя то и дело оглядывалась, смотрела отчаянными глазами. Ничего. Прислужой быть ей не привыкать. Баба эта явно не подарок, но все ж кормить, небось, будет.

Обр же доверия никому не внушал, хотя изо всех сил прикидывался слабым и несчастным и даже пробормотал несколько слов, чтобы дать понять, мол, он свой брат. Рыбак, рыбацкий сын. Припомнив свое второе, крещеное имечко, назвался Лексой.

В конце концов, дооравшись до хрипоты, мужики порешили снести его в дом артельного старосты. И правда, снесли, сунули в камору, где по летнему времени обитали сыновья старосты. Три дня он провалялся на старом, выдавшем виды тюфяке, укрытый плащом, до последней нитки пропахшим рыбой, и какой-то теплой рванью, некогда, в незапамятные времена, бывшей овчинным полушубком. Валялся просто так, чтоб не приставали. Никто и не приставал. Верили, что ему худо. И то сказать, человек, которого отпустило Злое море, мог и заболеть, и помереть, никто бы не удивился. Кровоподтек в том месте, где шибануло веслом, и вправду был страшный. Но болело не шибко. И застывшие ноги отошли, слушались как миленькие.

Обр тихо гордился своей живучестью, но вставать не торопился, благо еду приносили и хлеба давали вволю. Нюська не появлялась. Зато к концу третьего дня заявился староста, уселся на крыльце и завел пространную речь о некоем Федуле, который справлял именины и досправлялся до того, что слетел с собственных полатей, крестец зашиб, согнуло всего, а нынче дует обедник¹⁷, самая путина¹⁸, рыба идет косяком, весло воткнуть можно, так оно стоять будет, а Федул гребец был каких поискать, да вот согнуло его, а завтра хошь не хошь в море идти надо, потому что обед-ник дует и рыба прям сама в сети ломится.

¹⁷ Обедник – теплый и сухой дневной юго-восточный ветер.

¹⁸ Путина – время массовой миграции рыбы; сезон, в течение которого проводится интенсивный лов рыбы.

Из всего этого Хорт понял, что даром кормить его больше не станут. Уродоваться с веслом вместо незадачливого Федула он не собирался. Стало быть, надо уматывать отсюда. Он согласился, что южный ветер дует как по заказу, согласился и с тем, что без шестого гребца на карбасе никак невозможно, старосту почтительно спровадил и завалился спать как можно раньше. Проснулся, как и хотел, еще до восхода, затянул покрепче завязки на пожертвованной кем-то латаной-перелатаной рубаше, сверху накинул чужую же робу, подогнул рукава, чтоб не мешали. Шапки и обувки у него не имелось, зато имелся нож да сбереженная со вчерашнего дня краюха хлеба. Нож он привязал к поясу, краюху затолкал за пазуху. Припомнил, что всего неделю назад так же собирался, чтобы уйти от Нюски. Имуущества за это время не прибавилось. Хотя теперь у него есть нож. Да и злобы накопилось в избытке. На всех Хортов хватило бы.

Обр потихоньку выбрался из каморы, поглядел на серое море, на десяток больших и малых карбасов, качавшихся у причала, решительно повернулся ко всему этому спиной, подставил лицо мягкому южному ветру и зашагал прочь по единственной улице.

Да и не улица это была вовсе. Так, одно название. С одной стороны растянутые на козлах сети, кочки, низкие кустики козьей ивы, за кустами – дюны в пучках жесткой, ко всему привыкшей травы. С другой – приземистые дома, похожие на пузатые черные лодьи, как попало выброшенные на изрытый оврагами берег.

При домах чахлые огороды. На здешнем песке все росло плохо.

Изгороди хлипкие, две жердины вдоль, десяток потоньше, наискосок. Видно, городили не от людей, а от коз. Коров в Угорах не держали. Хороших покосов не было, а покладистые здешние козы соглашались глодать не только иву, но и сосновые ветки. Сразу за деревней начинался лес, в котором этого добра хватало. В общем, все как в Усолье. Вот только дома похуже, черепичных крыш нигде не увидишь, все кроют осиновой дранью. И почему-то никто ничего не запирает. Так, накинута щеколда, чтоб козы не разбежались. Хорт мог бы в одну ночь обчистить всю деревню. Даже собаки тут... Лохматые, пыльные, ленивые твари. Брешут только от скуки. Не-ет, в родном Усолье не то. В тех же Белых Камнях у каждой двери по семь замков, заборы такие, что три дня оборону держать можно, а собачки любого порвут, только дай им волю.

И девки здесь лиц не заматывают. Простоволосые, ясное дело, не ходят, но всякая норovit подвязаться покрасивше, на свой манер.

* * *

Вспомнив о девках, Обр тут же увидел одну, поднимавшуюся от колодца в овражке. Колодец этот, единственный, поил всю деревню. Вода в нем была невкусная, а после сильных бурь так и вовсе горькая. Но здешние привыкли, не замечали. Девка, согнувшись, тащила коромысло с двумя здоровенными ведрами. Хорошая примета! Значит, будет ему удача.

Хорт не раз видал, как в Усолье бабы по полчаса болтают, покачивая на плече коромысло с этакой тяжестью. Но встречная девица так бы не смогла. Уж очень хлипкая. Не поймешь, то ли ведра ее вперед тянут, то ли она их. Того и гляди переломится.

Приглядевшись, он выругался, скатился по крутой песчаной тропке, ухватил упруго качнувшееся коромысло, с натугой поднял, утвердил у себя на плече. Скривился, наскоро оглянулся, не видит ли кто. Носить воду – дело бабское, а для Хорта так и вовсе зазорное. Увидят – засмеют.

А дурочка обрадовалась, засияла как солнышко.

– Ты ко мне шел, да?

Обр поглядел на небо, без нужды поправил коромысло.

– Так мой дом в другой стороне. Только к нам нельзя. Тетенька Костылиха рассердится.

– Смотри, как бы я не рассердился, – прошипел Хорт, притомившийся на крутом подъеме, – такую тяжесть пусть сама таскает.

– Так я ж не бегом, как ты. Я потихонечку.

– Значит, так, – Обр пинком распахнул вдовью калитку, с размаху плюхнул ведра у крыльца, – ежели я еще раз тебя с этим увижу – сломаю.

– Что ломаешь? – перепугалась Нюська.

– Коромысло. О спину твоей Костылихи.

Дурочка всплеснула руками, заговорила быстро-быстро:

– Да она меня не заставляет. Я сама. Воды-то много надо. Тут и огород, и скотина. Козы у нее. Она сыр варит, в город возит, с этого и живет. Лодки нету у нее. Муж в море пропал. Ты не думай, она добрая.

«Угу. Добрая-предобрая. Прямо как те в Малых Солях», – подумал Хорт.

– Она говорит, – продолжала тараторить Нюська, – тебя Северин в артель гребцом хочет взять. Пойдешь?

– Пойду, – соврал Обр, – куда я денусь.

А тут и тетка Костылиха, легка на помине, выкатилась из-за угла с полным подойником и сразу же вызверилась на Обра:

– Ты чего здесь забыл?

Этого гордый наследник Хортов и сам не знал. По-хорошему ему уже следовало добраться до леса, а не возиться здесь с чужими ведрами.

– Чего к девке лезешь?

Он прищурился, молча окинул тетку знаменитым хортовским взглядом, от которого в Усолье спадали с лица самые крепкие парни. Но на драконоподобную Костылиху взгляд нисколько не подействовал.

Непуганый тут народ и оттого наглый. Пришлось прицельно плюнуть в теткину капусту, развернуться и уйти. За калиткой он подзадержался и услышал, как тетка выговаривает Нюське.

– Не вздумай его сюда приваживать!

– Да я не приваживала, он проведать...

– Проведать! Коли он тебе чужой, так и ходить нечего. Все равно он тебе не годится. Ты погляди на него. Смотрит, будто укусить хочет. Повадка волчья, рожа разбойничья.

Что в ответ на это чирикает девчонка, Обр слушать не стал. Повернулся и пошел к лесу. Ноги проваливались в холодный песок, южный ветер качал сети, трепал кусты, ерошил волосы.

* * *

Дорогу он обиняками выпросил заранее. Десять верст лесом до главного тракта, а там уж по тракту на юг, до столицы не более сотни. Дойдя до леса, он приостановился, полной грудью вдохнул сырой воздух, смолистый, грибной, медвяный. С самого края при дороге стояла старая сосна, родная сестра той, что осталась в Усолье. Здесь, на опушке, ей было при-вольно, и разрослась она пышно. Нижние ветви клонились к самой траве, к мелким сиреневым колокольцам и белой кашке, верхушка, измученная северным ветром, тянулась к теплу, к югу. Рядом никого не было, никто не глядел на Хорта, поэтому он сделал, что хотел. Приник всем телом, прижался щекой к морщинистой красной коре и, наконец, почувствовал, что все-таки жив. Из петли вывернулся, из цепких лап господина капрала вырвался, от разъяренной толпы ускользнул. Злое море и то отпустило. Теперь он свободен, и никто ему не указ. Хочет – отправится бродить по здешним лесам, захочет – пойдет прямо в стольный Повенец по душу князя, а захочет – хоть весь день просидит здесь, у толстых корней, глядя на глупых, суетящихся внизу людишек.

С высокого пригорка видна была вся деревня. Рано встают в Крутых Угорах. Копошился народ на причалах, кто-то шел по воду, в теткин огороде мелькал белый платочек. Не иначе Нюська. Маленькая такая. Взять бы двумя пальцами, сунуть за пазуху и носить с собой, слушать, как она там шевелится, цепляется шершавыми лапками. Иногда выпускать погулять на ладони. А кормить можно крошками.

«Подожди, – шепнуло дерево, – не торопись, подумай».

Может, и не стоит сразу показываться на тракте. Тот капрал не из тех, кто бросает дело на полдороге, да и княжеский приказ, небось, до сих пор действует. А здесь, в Угорах, тишь да гладь. Солдат тут отродясь не видали, можно начать все заново. Нет и не было никакого Хорта. Сгинул, пропал, взяло Злое море. Есть рыбачок Лекса. Это Лекса обживется здесь, протянет год-два, сколько понадобится, чтоб все забыли о последнем из Хортов. Это Лекса отправится в недалекую столицу, чтоб найти корабль до дому, до Новой Крепи. И на княжеский дворец поглядеть пойдет Лекса из Кривых Угоров. Может, даже наймется туда, в истопники там или в полomoйки. Вот только до Князева горла доберется Оберон Хорт. А потом и до Семерика очередь дойдет. Это уж непременно.

Да и Нюську нельзя бросать на растерзание всяким хорошим людям. Все ж таки он ей должен. Обр тяжело вздохнул, повернулся к лесу спиной и двинул к причалам.

Глава 12

Правильно Маркушка говорил: чтоб поверили, прикидываться мало, надо забыть себя, с головой влезть в чужую шкуру. Настоящий Хорт нипочем не стал бы целые дни работать веслом за харчи и самую малую долю в артельной добыче. Зазорным почел бы даже кончиком пальца до того весла дотронуться. Зато рыбацкий сын Лекса работал в охотку и был еще благодарен, что взяли в артель. А что меньше всех получит, так это только справедливо. Доли его ни в лодке, ни в снастях не было, да и по годам он был самым младшим.

Настоящему Хорту на смердов полагалось глядеть свысока, чтоб знали, с кем дело имеют. В разговоры не вступать, пищу с ними не делить. Зато рыбачок Лекса мог сколько угодно таскать кашу со всеми из одной миски и с удовольствием смеяться местным забористым шуткам. Впрочем, шутки были так себе, от братьев Обр слышал и похлеще.

Вот только в каморе этот злосчастный Лекса спать не мог. Сны-то остались Обровы. В темной духоте под храп сыновей старосты три ночи подряд снилось ему одно и то же: острог в Малых Солях и петля на шее. Поэтому он перебрался в артельный сарай, где лежали запасные сети, латанные паруса, а под крышей висела-вялилась рыба. Ветер гулял в том сарае от стены до стены, постукивал рыбьими тушками, но Обр был доволен. Староста тоже: еще бы, даровой сторож.

Дни текли, как вода под веслом, наматывались, как канаты невода на скрипящий шпиль. Два артельных карбаса сначала долго расходились, опускали сеть там, где знающим людям казалось лучше, медленно тянули ее, потом сходились под скрип тяжело крутящихся шпилей, подтягивали матицу¹⁹, полную трепещущей рыбы. И так изо дня в день, если не мешала погода. Но погода стояла на диво тихая, хоть и холодная. Правда, здешние считали, что это и есть самое настоящее жаркое лето. Привыкли, что Злое море вечно холодом дышит.

На берегу улов попадал в руки женщин, которые с немислимой быстротой избавляли рыбу от внутренностей и чешуи и отправляли в бочки. Обр загляделся на их руки, летавшие со сказочной ловкостью, корявые, красные, со сведенными от холода пальцами. Нюська говорила: «У нас у всех руки такие».

Хорт поискал глазами глупую девчонку и не нашел. Это ему не понравилось.

Вроде бы все тут, кроме самых ветхих старух. Вон и дракониха, тетка Костылиха, выше всех на голову, пластает рыбу как заведенная. Чешуя вокруг веером, нож в руках так и мелькает. В полночь на большой дороге цены бы ей не было.

А Нюски нет. Сколько ж он ее не видел? Выходило, недели две. С тех пор, как воду нес будто дурак последний. Неужто дракониха ее все же съела? Ну да, а косточки зарыла где-нибудь в огороде вместо навоза. Не пропадать же добру.

Обр вместе со всеми поволок наверх тяжеленный сырой невод, сделал вид, что помогает растягивать его на козлах для просушки, а сам боком-боком исчез в кустах, срезал угол через овражек и скорым шагом двинулся вверх по деревне в сторону дома «добренькой» вдовы, на ходу припоминая, который, собственно, дом ему нужен. Кажется, вон тот, на горке, на отшибе, с самым большим огородом и самым нескладным сараем.

– Оп-па на два! Это еще кто такой? Почему не знаю?

– Дак это Лекса-утопленник, которого у косы выловили.

Обр оторвал взгляд от теткиного огорода. Посреди дороги стоял белобрысый мальчишка. Второй, постарше, с обведенным светлой щетиной круглым подбородком, привалился к воротному столбу. Оба крепкие, коренастые, как боровики на опушке. Светлые волосы мелкими сальными кольцами. Не иначе братья. «Не люблю белобрысых», – подумал Хорт.

¹⁹ Матица – часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба.

– Куда ползешь, утопленник? – лениво поинтересовался тот, что подпирал воротину. – Ишь, патлы по ветру распустил.

– Не иначе благодный, – усмехнулся мальчишка.

Обр похолодел. Пень тупой! Про седую прядь вспомнил, а про это забыл. Две недели глядел на артельных, под горшок стриженных, и хоть бы что. Хорошо, Маркушка этого позора не видит.

– Зарок у меня, – сказал он хмуро, – матери моей нагадали. Мол, ежели не стану волосы стричь, пока борода не вырастет, любая погибель меня минует.

– Хм. Нагадали ему! И как, помогает?

– Еще бы. Вон, даже Злое море не берет.

Кажется, удачно соврал. Поверили.

– Ты б их хоть платочком прикрыл.

– Точно. Ходит, как девка простоволосая. Срам на всю деревню.

– Утопленник лохматый!

Тут до Хорта, наконец, дошло, что белобрысые братья ничего такого в виду не имели, а просто-напросто хотят почесать языки. Он так обрадовался, что даже отвечать ничего не стал. Плечом отодвинул с дороги наглого мальчика и шагнул вперед.

– Глянь, Векша, он меня ударил! – гнусаво заныл мальчишка.

Парень с чахлой порослью на подбородке лениво отлепился от воротины, заступил дорогу.

– Ты что ж это, тля, делаешь?! Ползаешь тут по нашей улице, малого обидел.

Обр, после пережитого страха настроенный благодушно, и этого хотел просто отодвинуть, но тот ухватил гордого последыша Хортов за грудки, рванул на себя.

«Левша, – подумал Обр, отводя голову от удара, – и кулаки крепкие. Но дурак».

Определив таким образом сущность противника, он без замаха, коротко и жестко врезал ему в подвздох. Противник медленно отлепился от Обра, свернулся на земле калачиком и заскулил по-щенячьи. Хорт же прыгнул назад, к забору, не глядя, выдернул первую попавшуюся жердину. Шест из нее вышел корявый и суковатый, но все же лучше, чем ничего, когда на тебя прут два сердитых амбала.

Мужики, выскочившие из ворот, жили на свете подольше младшего братца, плечи имели неохватные, ручищи и кулачищи могучие, но тоже ума не нажили. Только бородка у одного была погуще, завивалась мелкими колечками, а у второго уже достигла такой красоты и силы, что впору мышам гнезда вить.

Лопуха и неудачника Лексу размазали бы по песку в один миг. Но Оберон Хорт, последыш Свена Топора, всю жизнь имел дело с противниками сильнее и старше. Недолго думая, он всадил конец жерди в грудь набегающего мужика. Хотел пониже, в живот, а угодил прямым в грудную кость. Жердь не выдержала, переломилась, но и ребра тоже хрустнули. Старший из братьев зашатался, захрипел неразборчиво, зато второй наскочил на Обра, как молот на наковальню. Но сносить удары Хорт тоже привык с раннего детства. Под первым не устоял, отлетел к забору, упал на спину, зато второй принял на кусок жерди, под третий нырнул и что было силы воткнул острый конец обломка в босую ногу противника. Тот, конечно, свалился, потому как одна нога – опора ненадежная, зато Обр вскочил, походя пнул старшего, помогая и ему прилечь отдохнуть рядом с братьями. А затем, не оглядываясь на громкую, но бездарную ругань, живо покинул негостеприимную улицу.

Теперь неприятностей не оберешься. Вот что значит ходить торной дорогой. Дальше он пробирался задворками, ловко минуя чужие заборы и в который раз удивляясь легкомыслию здешних собак. Опасаясь нарваться на вдову, к дому подкрался оврагом, густой бузиновой чащей, глянул через огород и увидел нечто до того умильное, аж зубы заломило.

На крылечке, на теплом солнышке сидела Нюська, живая и здоровая, только немного бледная и, конечно, с какой-то работой в руках. Вокруг дурочки на ступеньках и прямо на земле расселись пятеро детей мал мала меньше, три пыльных косматых недоразумения, которых здесь почему-то именовали собаками, и одна пестрая кошка. Кошка, конечно, возлежала на Нюськиных коленях, да еще и лапы с обеих сторон свесила. Рядом с кошкой пристроил белую голову какой-то ребенок и поглядывал на всех гордо. Видно, это место считалось самым лучшим. Вокруг компании мелькали ласточки, и Обру ни с того ни с сего показалось, что они тоже собрались тут ради Нюськи, послушать, что она там мелет.

Как всегда, дурочка молола полную чужь.

– Встала радуга высокая до самого края моря. Скачет, скачет по радуге белый конь, вьется по ветру золотая грива, держит всадник золотое копьё. Охраняет дорогу в Ирий-сад.

Дети и собаки внимали, разинув рты, и только кошка дрыхла без зазрения совести. Внезапно Обр разозлился. В кои-то веки пришел проведать, а у нее, вишь, гости. Может, ему наедине поговорить надо. Он вдохнул поглубже и зарычал. Низко, глухо и грозно. Кошка подскочила, будто и не спала, в один миг, оставив на столбе глубокие царапины, взлетела на крышу. Дети завертели головами и шустро полезли на крыльцо, поближе к Нюське. Собаки взвились с истошным лаем. Самая умная, поскуливая, забилась под крыльцо, две другие кинулись было к Обру, топчя нежную огородную зелень. Хорт взял тоном ниже, объясняя им, кто они и где их настоящее место. На полпути собачки поджали хвосты и, раздумав бросаться, свернули к знакомой дыре в заборе. Правда, оказавшись за забором, вновь принялись гавкать на все лады. Видать, соседи у вдовы хорошие, дружно живут, коли вместо ограды сплошные дыры.

Обр вынырнул из бузины и пошел к солнечному крылечку. По дороге гаркнул нахальной мелочи, повисшей на Нюське: «А ну, брысь отсюда!» Мелочь шустро снялась с места и тоже исчезла за забором, и Хорт получил дурочку в полное распоряжение.

На шею вешаться, голову на колени пристраивать, конечно, не стал, остановился напротив.

– Что это тебя нигде не видно? Я подумал, тебя уже съели и косточек не оставили.

– А я теперь вот... – Нюська встряхнула лежащую на коленях работу. Оказалось, женская рубаха, простого полотна, но весь ворот расшит алыми розами, золотыми перьями.

– Красиво, правда?

– Ого! Не знал, что ты так можешь. Выходит, там, на пядьцах, твое вышиванье было?

– Мое. И мамино. Она начала, а я закончить хотела. Теперь пропало все.

Обр уселся рядом, потрогал пышные розы пальцем.

– Что-то больно ярко. Аж глаза режет.

– Невеста так пожелала. Ты же знаешь, Настена за старшего Шатуна замуж идет.

Этого Хорт, конечно, не знал и знать не хотел. Чужие свадьбы ему были без надобности. А Нюська продолжала тараторить дальше.

– Рубаху праздничную мне заказала, из приданого кое-что. Тетенька Костылиха два полотенца моих в Городище хорошо продала и решила: ежели я шить стану, от меня больше пользы будет. Вот смотри, я на рукавах такой же узор пушу, только розочки помельче выйдут.

– Что ж ты дома этим не зарабатывала? – удивился Обр, разглядывая не розочки, а исклотые иголкой красные пальчики, натянувшие плотную ткань.

– Так в Малых Солях уже две белешвейки. А подуруше кто закажет?

– Это верно.

– Ты дрался, да?

– С чего ты взяла?

– У тебя лицо в крови, ворот рваный и рукав на честном слове болтается.

– Я не дрался. Я мимо шел.

– Но ведь ты не...

– Не бойсь, ногами вперед никого не вынесли. Все сами уползли.

– Погоди, я сейчас!

Нюска подхватила свою работу и убежала в дом. Назад она воротилась с любимым лекарством от всех болезней: холодной водой в глубокой миске и чистыми лоскутами.

Обр морщился, строптиво уворачивался от ее осторожных прикосновений. Ему было худо. Только что тело, привыкшее терпеть боль, ничего не чувствовало и вот размякло, расслабилось, все ссадины и ушибы, старые и новые, напомнили о себе, засвербели, заныли.

– У кошки заболи, у собаки заболи, у нашего мальчика не боли.

– Эй, – скривился «мальчик», – ты меня со своей мелочью не путай! Чьи детишки-то?

– Соседа. Он с артелью не ходит. Сам по себе промышляет. В том году жена у него померла. Пятеро осталось, мал мала меньше, а присмотреть некому.

– Угу. Ну, хватит. Я пошел.

– Подожди. Тут еще зашить надо.

– Сойдет.

– Нет. Так не годится, – твердо сказала Нюска и снова убежала, на этот раз за иглой и нитками.

Обр пригрелся, привалился спиной к теплым перилам. Боль потихоньку отступила, затаилась до времени. По правде говоря, уходить никуда не тянуло, и он позволил Нюске делать все, что хочется. Девчонка возилась рядом, дышала в шею, латала рванный ворот.

Вокруг крыльца снова мелькали ласточки. Огородная зелень пахла по-вечернему свежо и пряно. Кошка вернулась и попыталась взгромоздиться на колени. Обр и не заметил, как задремал. Помстилось, что ласточка скользнула совсем близко. Концом крыла нежно коснулась лба. Последыш Хортов встрепенулся, сел прямо и обнаружил, что Нюскины пальчики копошатся в его волосах, осторожно разбирая спутанные пряди.

– Эй, ты чего!

– Сиди-сиди. Тут опять седина показалась. Я сейчас ее аккуратненько, ножничками. Вот, поешь пока.

Пирог у тетки Костылихи оказался с мясом. Жирный, основательно сдобренный луком. Обр засунул в рот почти половину, с упоением принялся жевать и не сразу понял, что теперь по его волосам робко, но упорно гуляет широкий деревянный гребень.

– Нюска!

– Что?

– Отвали!

– Сейчас, еще немножечко. Вот погоди, я тебе скоро шнурок сплету. Красивый, с кисточками.

– И ошейник с бубенчиками, – фыркнул Обр. – Отвали, я сказал!

И разом поднялся, так что дурочка от неожиданности села на ступеньку.

Из дыры в заборе показалась всклокоченная детская голова. Любопытные голубые глазки впелись в Обра, будто к ним во двор явился Морской змей собственной персоной. Хорт быстро скорчил страшную рожу. Обнажил клыки и слегка щелкнул зубами. Голова мгновенно исчезла. За забором кто-то заревел перепуганным басом.

– Ну, я пошел, – снова сказал Обр и на этот раз в самом деле пошел по огороду, за калитку, по безлюдной улице. Оглядываться не стал, но все-таки покосился краем глаза. Нюска стояла в солнечном луче и, бессильно опустив руки с зажатой в них гребенкой, смотрела вниз, на пышную поросль теткиных огурцов. Вот дура! И чего на них смотреть-то?

* * *

К месту ночлега Обр пробирался со всей осторожностью, старательно пренебрегая торными дорожками. К сараю прибыл благополучно и даже позволил себе помечтать об обеде. Оставили ему его законную долю или все сами сожрали? Размышляя об этом, он выскользнул из кустов ивняка и сразу понял, что влип по-крупному.

Под стеной сарая рядом сидели три белобрых братца. Тут же подпирал угол еще один кудреватый-бородатый, но рыжий. Этого Хорт не знал. Прямо на пороге сарая устроился Устин, второй сын артельного старосты. Рядом от скуки кидал в стенку ножик братан его, Родин, или попросту Родька, Обров ровесник и напарник у весел. Прямо на тропинке устроились рулевой Фома и еще двое незнакомых. По всему было видно, что силушкой они тоже не обижены.

Хорт, не будь дурак, тут же нырнул обратно в кусты. Но за спиной оказался старший из Севериновичей, Первин по прозвищу Жила, схватил повыше локтя и повлек к сараю. Обр даже не вырывался. Ясно было – при таком раскладе ничто не поможет.

– Этот, что ли, вас побил? – спросил Жила.

– Ну! – мрачно кивнул младший из белобрых братьев.

– Вот этот? – с нажимом переспросил Жила, переводя взгляд с пыльных, потрепанных пострадавших на чисто умытого, благонаравно, волосок к волоску причесанного Хорта.

– Этот самый, чтоб его! – высказался старший брат, осторожно потирая грудь.

– Один троих?

Рядом тихо свистнул ехидный Родька, у которого в голове тоже никак не укладывалось, что тощий как смерть, вечно хмурый молчун Лекса вот так, за здорово живешь отметелил братьев Шатунов, первых драчунов на деревне.

– Да он увертливый, гад, никак его не ухватишь, – проворчал средний брат.

– Он, небось, вообще заговоренный, – встрял младший, – бьешь его, а он как деревянный, даже не шатается. Во, все костяшки отшиб!

«Сначала заговоренный, потом колдун, потом убивать начнут», – мрачно подумал Обр.

– Слышь, Жила, – как можно убедительней сказал он, – я всего-то по улице шел. Откуда мне знать, что мимо их дома даже ходить нельзя.

– Ходить можно, – заметил Устин, подумал и добавил: – Только осторожно.

– Это у нас Мокша, Рокша и Векша, – разъяснил Жила, – а папаша их Шатун прозывается. Полесуют они. В море не ходят. Охотой промышляют. Так ты их побил или нет?

– Побил, – сознался Обр, – знать не знаю, чего они на меня набросились. Я ж говорю, шел по улице, никого не трогал...

– Куда шел-то? – с невинным видом поинтересовался Родька.

– Куда надо было, туда и шел.

– Побил, значит, – протянул Жила. – А как?

– Как-как, – удивился Хорт, – руками. Ну, это... ногой добавил немного.

– Да ты не таись, – с ласковой убедительностью склонился к нему Жила, – ежели у тебя и вправду кулак заговоренный, так в этом зазорного нет. Это дело хорошее.

Обр поглядел на свою правую руку, пошевелил пальцами. Вот угораздило. Теперь эти Шатуны проходу не дадут. Не успокоятся, пока по уши в землю не вгонят. А ведь он тут жить собирался.

– Обычный у меня кулак, – вздохнул он. – Слышь, мужики, вы на меня зла не держите. Если, скажем, по-честному драться или на поясах тягаться, вы меня в два счета одолели бы. Любой из вас, даже самый младший.

Младший, Векша, приосанился. Братья хмыкнули, переглянулись, и Обр понял, что попал в точку. С девками он, может, разговаривать и не умел, но как дурить головы парням, знал до тонкости. Шесть родных братьев, не считая двоюродных, кому хошь ума вложат.

– Тут вот какое дело, – начал он, – у нас в деревне каторжный жил. Срок ему вышел, отпустили его. Родни у него не осталось, так он на родину не пошел, к нам прибился, и я... того... перенял у него кое-что. А там, на каторге, сами знаете: или ты их, или они тебя. Короче, я по-честному не умею. И вполсилы не умею тоже. Он меня не драться, он меня убивать учил. Попадись мне под руку нож или сук покрепче, точно кого-то не досчитались бы. Я, мужики, не хвастаюсь. Правда это.

Есть, есть польза от чистой правды!

– Да мы верим, – уважительно прогудел Жила, – как не верить, когда они все в песке и за бока держатся, а ты свеженький, как снеток²⁰ в рассоле.

– Ну, мне тоже досталось, – скромно возразил Обр, – они здорово дерутся.

Лести много не бывает. Это он знал точно.

– Еще бы не здорово. Первые бойцы. Мокша против Косых Угоров всегда заводилой выходит.

– Против Косых Угоров? – тупо повторил Хорт. – У вас чего, война с ними?

– Дурень, – снова встрял беспокойный Родька, – кулачные бои у нас. По праздникам стенка на стенку ходим.

– Во-во, – загудел Жила, – ты понимай. Ивана Купала скоро. Так?

– Так, – согласился Обр.

– На Катькин Верх пойдем?

– Пойдем. – Отчего же не пойти, коли у них так положено.

– Стенка на стенку выйдем?

– Ну, выйдем.

– Тут-то нас и побьют.

– Почему побьют? Че у вас, мужиков нету?

– У нас мужиков сколько хочешь! – рявкнул Шатун-старший. – Третий год подряд поле за нами оставалось. Только нынче они людей Харлама наняли.

– Пятерых, – дополнил Родька.

– Врешь, – озаботился Жила, – я про троих слышал.

– Последнее, небось, отдали, – буркнул Фома-рулевой. – Харламовы люди за так не пойдут.

– У Харлама людей мясом кормят, – безнадежно добавил кто-то.

– Понял? – опять загудел Жила. – Заводилой станешь, против их старшего.

– Ага, – сказал Обр, понявший главное: прямо сейчас его бить не будут. Подумал немного и добавил: – А если я его покалечу или насмерть уложу? Стенки эти, я знаю, дело незаконное. Меня в острог и на каторгу, а вас по судам затаскают.

Лезть в чужую драку, да еще заводилой, ему не хотелось.

– Ну, ты как-нибудь полегче, – хмыкнул Устин.

– Да не умею я полегче-то. Не, мужики, так дело не пойдет. Тут подумать надо.

Думали до самых сумерек, почти до полуночи. По ходу размышлений, не дождавшись законных противников, едва не подрались между собой. Поначалу Обр отмалчивался, но потом увлекся и начал орать и размахивать руками вместе со всеми. Как ни странно, к нему прислушивались, хотя годами почти все были старше.

Наконец бойцы притомились, вспомнили, что пора на боковую, и, позевывая, отправились по домам.

²⁰ Снеток – мелкая рыба.

– Пошли, я тебе хоть щец холодных налью, – сказал Жила, – небось, с утра не жрал ничего.

– Не жрал, – согласился Хорт, в душе которого воскрес нежный росток надежды на земную справедливость.

– Так идем. Верка тебе оставила.

Верка была младшей сестрой Жилы и артельной кухаркой. Нрав она имела суровый, но к Обру-Лексе почему-то благоволила.

– Так зачем ты в деревню ходил? – по дороге к дому спросил Родька.

– Надо было.

– К этой своей?

– Не моя она!

– Да ладно, ходил и ходил. Дело житейское. Хотя, конечно, мог бы и покрасивше найти. Вон, Верка наша на тебя заглядывается. А эта твоя как доска плоская, да и с лица тоже...

– Еще чего скажешь? – тихо спросил Обр.

Таким голосом Дед, Сигурд Оберон Хорт, отдавал приказ казнить заложников или вырезать всех до последнего человека. Родька с Дедом знаком не был, но отчего-то вдруг сник, зевнул напоказ и боком-боком уполз спать на полупустой сеновал.

– Сирота она, – чудом совладав с поднявшейся в сердце черной нерассуждающей злобой, выговорил Обр, – дурочка безответная. Любой обидит. А тут чужие кругом. Кроме меня, у нее и нет никого.

– Это ты верно говоришь, – согласился Жила, боком пролезая в дверь летней каморы, немного узковатую для таких плеч, – только бабы у нас злые очень.

– И че?

– Вот ты сегодня днем с нею на крыльце сидел?

– Ну, сидел, – невнятно прочавкал Хорт, дорвавшийся до горшка со щами.

– А вечером уже все любопытничают, как ребеночка крестить будете.

– Какого ребеночка?

– Известно какого.

Обр, наконец, понял. Вареная капуста стала ему поперек горла и немедленно оказалась на свежавыскобленном столе.

– Прибрать не забудь, – благодушно посоветовал Жила, похлопав его по спине, – а то утром Верка голову снимет.

– Да вы че! Она сама ребенок еще!

– Хм. Это Верка-то ребенок?

– Че, все видели, как я ее за косу на сеновал тащил?

– Верку?

– Нюську!

– Того не видали. Зато видали, как она над тобой хлопотала, гриву твою непомерную расчесывала.

– Расчесывала! Да она всех подряд умывает и причесывает. Кошек, собак, детей! Сегодня вот я под руку подвернулся.

– Дак я и говорю, бабы у нас очень злые. Не ходил бы ты туда, а то ей жизни не будет. Совсем заедят.

– Чтоб я сдох! – Обр-Лекса скрестил пальцы и плюнул на пол. Поклялся по-каторжному. В общем, выдал себя с головой. Но Жила шурился по-прежнему благодушно. Не понял ничего или не обратил внимания.

Глава 13

Утром на Ивана Купалу Обр стоял на краю широкой поляны, называвшейся Катькин Верх. Серая чайка-поморник висела над ним, над крутым, далеко уходящим вниз обрывом, ловила крыльями могучий северный ветер. За спиной, на взгорье гомонил собравшийся народ. Сверху было видно, как по тропинкам от Косых Угоров по правую руку и Кривых Угоров по левую еще тянутся опоздавшие, мелькают яркие платки и праздничные белые рубахи.

Хорт смотрел на море. К Катькиному Верху он пришел рано. Стояли светлые бесконечные дни, солнце медленно катилось по северному морскому окоему. Катилось и не закатывалось. Ночные облака горели ярким червонным золотом. Обра это тревожило, и спал он плохо. Ночами повадился уходить в лес, валялся на траве, выискивал спелую землянику и все думал, не уйти ли из деревни совсем. Но не уходил. Вместо этого притащился на проклятую поляну раньше всех. Любой из Хортов знал: перед делом надо изучить поле боя. Знание – половина победы.

Драться, защищать честь каких-то там Угоров, будь они хоть трижды кривые, Обру по-прежнему не хотелось. Но начал песню – допевай хоть тресни. Он побродил по поляне, прикинул, нет ли рытвин, ям, случайных корней. Росистая трава стояла высоко и ровно, курчавился под соснами медвяный вереск, сосны гнулись под ветром, бормотали что-то свое, от века привычное.

Теперь на поляне пахло дымом, сочные травяные стебли были вбиты, втоптаны в землю, поломанный вереск хрустел под ногами. Нет, мир без людей был бы куда приятней.

– Эй! – гаркнули над самым ухом. – Не спи, замерзнешь! – весело заорал Родька и больно пихнул его локтем в бок. – Уже начинается!

Обр-Лекса угрюмо кивнул и следом за Родькой двинулся туда, где на ровной травяной площадке, которая гордо именовалась полем, становились друг против друга славные бойцы из Крутых и Косых Угоров. Подростки, парни постарше, матерые мужики. Наемников Обр вычислил сразу. Не трое. Четверо. Полюбовавшись на них минуту-другую, он тихонько протолкался к Жиле. Жила деловито засучивал рукава и вообще был настроен поработать кулаками, а не языком.

– Плохо наше дело, – шепнул ему Хорт, изображая на лице полную безмятежность, – солдаты это. Ну, может, бывшие или беглые какие, но всему обученные. Вашим против них не выстоять. В два счета всех вырубят.

– Почем знаешь, что солдаты? – пробубнил оказавшийся рядом Мокша Шатун.

– Ну, сам гляди. Рыбачки ваши угорские, хоть и здоровые ребята, а все ж горбятся. Спина с детства над веслами согнута. А эти стоят прямо, плечи развернуты, грудь вперед. Выправка солдатская прям из ушей прет. Вон, у того рука на поясе. Когда палаш на перевязи, у него рукоять как раз в этом месте приходится. А у того сапоги. Такие сапоги только на княжеской службе дают.

– Да, одежда у них хорошая, и морды аж лоснятся. Сразу видно, мяса жрут немерено, – завистливо вздохнул Мокша.

– Ишь, лыбятся, – фыркнул Родька, – спокойные, гады!

– Зря лыбятся, – деловито повел плечами Жила, – это мы еще поглядим, кто кого вырубят.

– Откуда они взялись такие? – небрежно спросил Обр. Этот вопрос беспокоил его гораздо больше, чем то, за кем останется поле.

– От Харлама. Перекупщик он, рыбой занимается. Другой год уже в наших краях. В Овражках за Городищем да в Заболотье все для него ловят. За год всех под себя подмял. Арте-ль у ж там не ходят. Все от него: и лодки, и снасти, – растолковал Родька.

– Голодает народ в Овражках-то, – вздохнул Устин.
– Не похоже, чтоб они голодали, – опять взялся за свое Мокша.
– Угу, – кивнул успокоенный Обр. Что ж, если деньги водятся, и не таких гладкомордых нанять можно.

– Да ты че, забоялся? – хмыкнул Родька. – Штаны-то сухие еще?
– Забоялся, – согласился Обр-Лекса, не желая отвечать на Родькино паскудство. – Слышь, Жила, вы один на один с ними не выходите. Вдвоем одного держите. А лучше втроем.
– Мы свое дело знаем. Ты-то свое не забудь. Чтоб все как договаривались. Ты придумал, тебе и исполнять.

Хорт дернул плечом – не любил, когда его поучали, – и с тяжелым сердцем пошел на свое место, впереди, с самого краю.

– На кулачки! – крикнул кто-то.
– На кулачки! На кулачки! – подхватили в разных местах на взгорье и вскоре уже вся поляна орала, так что казалось, будто сосны гнутся не от ветра, а от крика.
– Тихо! – завопил, продираясь на середину, дедок в полушубке на одно плечо, знаток кулачной потехи из Косых Угоров.

– Значит, так! – гаркнул он, устремив в небо худосочную седую бородку и орлиным взором озирая выстроившиеся с двух сторон стенки. – В подвздох не бить, лежащего не топтать, грузила свинцовые в кулаки не зажимать. Кто последний в поле останется, тот поле и унесет.

– Нечестно, – заорал неумный Родька, – у них чужие!
– Так и у вас чужой! – не остались в долгу Косые Угоры. – Вон с краю прячется.
– Он здешний! Лекса это, дядьки Северина артельный!
– Так и мы здешние, – хохотнул один из наемников, – соседи будем.
– Ин ладно, – махнул рукой дедок, – навались, ребята!

Ребята не заставили долго ждать. Сначала пооскорбляли друг друга немного, чтобы разогреться. Особенно старался Родька, честивший дорогих противников и в хвост и в гриву. Потом сцепились мальчишки. Обр присмотрел себе поединщика из ровесников – коренастого парня с красным родимым пятном на щеке. Парень наседали, Хорт вяло отмахивался, не забывая поглядывать на поле битвы. Когда стенки сошлись плотно и свалка стала общей, он с облегчением прекратил валять дурака и старательно выдал парню прямой в челюсть. Тот шмякнулся на спину с таким удивленным лицом, что Обр даже пожалел, что Маркушка этого не видит. Он-то всегда ругал последыша Свена за слабый удар и внушал, что бить надо один раз – первый, он же последний.

Но особо раздумывать было некогда. Дела на поле, как и следовало при таком раскладе, клонились не в пользу Кривых Угоров. И зачем только он в это влез? Что за дело ему, Хорту, до какой-то мужицкой «чести»? Обр тяжело вздохнул и нырнул в драку, как в холодную воду.

* * *

Через четверть часа он вынырнул с другой стороны, почти у обрыва, стер сочащуюся из носа кровь, лизнул содранное ребро ладони, подергал рукав, опять державшийся на честном слове, с любопытством оглянулся. Плоды его трудов пока были не очень заметны. Наемники и прочие крепкие бойцы из Косых Угоров бодро держались на ногах.

Но Обр знал – это ненадолго. В дурацкие поединки он не ввязывался, но зато смог достать всех, кто казался ему хоть сколько-нибудь опасным. Одним основательно настучал по правой повыше кисти. Других обезручил, саданув по локтю. Кулак они, может, и сожмут, но ударить как следует – не-ет, не выйдет. Одного наемника подковал, врезав ногой по голени. О, вот его уже и сбили! Пусть полежит, отдохнет, с одной ногой много не навоюешь.

С другим наемником, самым здоровым, вышло совсем смешно. Пока он мутузил Мокшу, Хорт подобрался сзади и со всей силы шарахнул раскрытыми ладонями ему по ушам. Думал просто слегка оглушить, как проделывал это со старшими братьями, но мужик повалился как подрубленный, а Обр-Лекса оказался лицом к лицу с всклоченным Мокшей и едва избежал встречи с его занесенным кулаком. Нападать со спины было против правил, но на юркого, быстрого подростка внимания в пылу битвы никто не обращал. А зря!

Оглядев поле еще раз, Обр ухмыльнулся, очень довольный, и тут его сгребли за шкуру, рванули вверх. Боль молнией ударила в голову, рассыпалась в глазах белыми звездами. Да уж, прямые в челюсть приятнее раздавать, чем получать.

Он упал бы, но его держали и держали крепко.

– Ты че делаешь, прах гнилой? Я давно за тобой смотрю! Ты че творишь-то?

Обр с усилием приоткрыл глаза. Оказалось, что он висит в руках четвертого наемника, которого в общей суматохе как-то упустил из виду.

– Кто ты вообще такой? Откуда выполз?

– Лекса я, дядьки Северина артельный, – прохрипел Хорт и двинул коленом. Хотел в подвздох, а угодил в пах. Наемник отвлекся, схватился руками за больное место и позволил Обру стечь на землю. Борясь с головокружением, Хорт попробовал, нет, не встать, хотя бы откатиться в сторону. Но тут на него обрушился тяжелый сапог. Ну почему всегда по тому же самому месту?! Свернувшись клубком, он подставил под следующий удар спину. Надо встать да бежать отсюда. А то ведь забьет.

– Эй, чужак, ты чего! Лежачего не бьют!

Обр сразу же раздумал вставать.

– Совсем сдурел! Зачем пацана метелишь?

В ответ послышалась смачная солдатская ругань, и Хорту врезали еще раз.

Тот стерпел, только старательно закатил глаза, застонал жалобно.

– Держите его, мужики!

– Говорил я вам, не связывайтесь с чужаками!

– Гляди, убил мальчонку! До смерти убил!

Приоткрыв один глаз, Обр-Лекса с удовольствием наблюдал, как дядька Северин, какой-то пожилой здоровяк из Косых Угоров и Шатун-старший волокут прочь с поля последнего опасного противника. Противник орал и вырывался, но справиться со всеми сразу все-таки не мог.

– Эй, парень, ты как, живой? – Обр даже глядеть не стал, кто спрашивает, лишь снова застонал тихонько. Мол, в обмороке я, ничего не вижу, ничего не слышу. Почувствовал только, как его остороженько перекалывают на воняющий рыбой плащ и волокут куда-то в сторону.

Пока Хорт изображал из себя беспомощную жертву, его оттащили к лесу и оставили в холодке под соснами. Он дождался, когда все сердобольные и сочувствующие убралась подальше, перекатился на живот и уткнулся лицом в землю. Уф! Может быть, если избавиться от рыбной вони, запаха кислого пота и крови, висевших над растерзанной поляной, наконец, перестанет мутить. Земля была колючей от хвои, пахла сыростью, вереском, грибной прелью. Хорош ударчик у этого костолома! Повезло, что все зубы целы. Обр остороженько попробовал языком. Точно, целы.

Что-то скользнуло по волосам, тихонько поползло по спине. Он сердито передернул лопатками.

– У кошки боли, у собаки боли, у нашего мальчика...

Хорт повернул голову и совсем близко увидел влажные серые глаза, окруженные слипшимися от слез ресницами. Только этого еще не хватало. Он щелкнул зубами, едва не прихватив покрасневший кончик Нюскиного носа. Нюска отпрянула, но руку не убрала.

– Уйди отсюда, – прошипел Обр, – не мешай прикидываться.

– Как прикидываться?! – всхлипнула Нюська. – Ты же головы поднять не можешь!
– Я все могу, – просветил ее Хорт. – Могу. Но не буду.
– Почему?
– Чтоб не приставали. Дальше пусть сами разбираются, без меня.
– Ой, ты такой!.. Такой...
– Какой такой? – заинтересовался Обр. Выходит, дурочка все видела. Это было почему-то приятно.

– Такой стра-ашный!

– Чего?!

Он тут подвиги совершает, родное войско спасает от поражения, а она – «страшный». Ну, сказала бы, «сильный» или «храбрый».

Но дурочка гнула свое.

– Дерешься ты очень страшно.

– Ну да, я ж разбойник, чудище опасное и ужасное. А другие прям голуби нежные белоснежные.

– Другие дерутся оттого, что весело им, сила играет, себя показать хотят или, наоборот, боятся, чтобы трусами не ославили. А ты будто горох молотишь.

– Ну, ты и ляпнула. При чем тут горох-то?

– Ты не злишься, не лютуешь. Ты бьешь, будто они неживые вовсе, куклы, соломой набитые. Аж мороз по коже!

– Ну страшно, так и не глядела бы. Зачем ты вообще сюда притащилась? Сидела бы дома.

– Сосед нас с тетенькой позвал за детьми присмотреть. А у тебя опять все лицо в крови.

– Это чтоб еще страшнее было, – фыркнул обиженный Обр, но все же утерся рукавом.

– Нет, – вздохнула Нюська, – только хуже размазал. Дай-ка я!

– Ты совсем убитый или не совсем? – раздался рядом тонкий голос.

– Что, добить хочешь? – огрызнулся Обр.

– Нет, я за Нюсей пришел. Папанька говорит, домой пора, потому что закончилось все, а плясать нам не положено. Маленькие еще.

– Закончилось? А кто победил? – поинтересовался Обр-Лекса.

– Наши победили. Дядя Жила с Ропшей Шатуном последними в поле остались. Нюсь, пойдем, папанька ждет, и Костылиха ругается.

– Иди, а то она, чего доброго, тебе голову откусит, – посоветовал Обр и снова уткнулся в землю, давая понять, что разговор окончен.

Нюська снова вздохнула, неслышно поднялась и ушла. Хорт повалялся еще немного, пока его не нашел растерзанный, но очень довольный Родька. Пришлось встать и идти к своим. Хотя какие они свои? Своих у Обра на этом свете не было.

Правда, тут его считали героем, хлопали по спине, радостно ржали, вспоминая, как он свалил здоровяка-наемника и едва не подвернулся под кулак расхोлившегося Мокши.

Краем глаза он успел заметить, как дурочку уводят с поляны под строгим конвоем. Один белобрысый ребенок держится за юбку, другой вскарабкался на закорки. Слева прямая, как жердь, тетка Костылиха, справа незнакомый мужик средних лет, широкий, как сарай, и тоже с ребенком на руках. Видно, тот самый сосед.

* * *

На поляне вновь разгорелись костры, бабы достали угощение, из кустов выкатили пузатый бочонок, заходили кружки. Хорт тоже пригубил в надежде, что проклятые ребра и слегка свернутая челюсть будут болеть поменьше. Бражка оказалась не такой уж противной, да и боль

отпустила. Можно бы принять и по второй, но он удержался. Никаких своих у него здесь нет. Кругом чужие, и забывать об этом нельзя.

Заиграла сиплая дудка, девки потянулись, завели хоровод. Скоро плясали все, у кого была охота и достаточно трезвая, чтоб управлять веселыми ногами, голова. Обр и пикнуть не успел, как его тоже втащили в круг.

Через час последыш Хорта начал думать, что усольские бабы знали, о чем говорят. Должно быть, он и вправду смазливый. Ни разбойничья рожа, ни волчья повадка, ни распухшая нижняя челюсть здешних девок нисколько не пугали. Обра то и дело выбирали в «Золотых воротах», норовили задеть плечом, прижимались мягким боком. Пересмеивались, поглядывали со значением. Вначале он слегка удивился, но потом решил, что это ему, пожалуй, нравится. Особенно Верка в тонкой рубаше с кружевными прошвами, сквозь которые просвечивали круглые сдобные плечи.

Танцевать Хорт сроду не умел, но послушное тело быстро переняло все, что надо, и скоро он вертел девок не хуже других. Не труднее, чем шестом махать. Правда, каждая опускала глазки и спрашивала, кем ему приходится Нюська. Обра так и подмывало брякнуть: «Женой. Скоро девочка родится, Федей назовем». Но он сдерживался. Выдавать себя из-за таких пустяков было бы глупо. Поэтому всем подряд он нудно твердил одно и то же: «Соседка – с детства знаю – подрядился в город отвезти – унесло в море – едва не потонули». Девки хихикали, делали вид, что не верят.

В конце концов, от всего этого ему стало не по себе. И хихиканье, и томные взгляды, и Верка, вившаяся возле него, как муха у меда, показались чем-то вроде сладковато-липкого, вязкого болота. И приятно вроде, а дух замирает, знаешь ведь, что тонешь.

Хорт не выдержал и сбежал к костру. Здесь, среди пьяных парней, которые, пересмеиваясь, подкалывая друг друга, травили байки, было привычнее, спокойнее. Ну, в точности, как в Укryвище. И разговоры почти те же самые.

Разобрали по статьям девок, потом привязались к младшему Шатуну, поминая какую-то Дуньку Корягу. Тот отбрехивался, краснел и надувался, но, к изумлению Обра, в драку не лез. В Укryвище после таких слов давно бы уже схватились за ножи, а здесь ничего. Никто даже с места не сдвинулся. Никто не мешал глядеть на бледное пламя, тянувшееся к зеленоватому беззвездному небу, слушать вполуха или не слушать вовсе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.